ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА IX.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Округа.

1870.

Дозволено цензурою. 24-го Октября 1870 г. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1871 ГОДУ.

(ДЕВЯТОМЪ).

Я принялъ на себя изданіе „Вѣстника западной Россіи“ въ самую трудную для него эпоху. Вызванное личнымъ сознаніемъ долга и настояніями людей русскихъ, его продолженіе потребовало отъ меня различныхъ самопожертвованій, помогшихъ мнѣ пережить кризисъ Вѣстника настолько успѣшно, насколько то было возможно въ его недугѣ: прежніе его сотрудники сочувственно откликнулись на мой призывъ, журналъ, позволяю себѣ думать, сдѣлался содержательнѣе и скоро войдетъ въ свои нормальные сроки,—надѣюсь, при помощи Божіей и содѣйствіи добрыхъ людей, поднять его уровень далеко выше.

„Вѣстникъ западной Россіи“ будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, съ переводомъ

на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на поль скомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непо нятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимых примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нр вовъ,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той и исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйств вавшихъ въ западной Россіи,—свѣдѣнія о церквахъ, монаст ряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое знач ніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніям Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и стат по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Ро сіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опр верженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распр страняемыхъ печатно врагами нашего отечества,—обличеніе и во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, ч направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣ и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разны сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея пр шедшею исторіей,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ пле нахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавши прежде къ Россіи, о русской грамотности и распространеніи въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя постано ленія и мѣстныя административныя распоряженія, касающія сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ жу наловъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Ро сіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ брошюрахъ, имѣющихъ предметовъ эти области,—некрологи разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія по

рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи, объявленія и проч.

„ВѢСТНИКЪ"

будетъ выходить съ января мѣсяца книжками около 12 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ДЛЯ ВИЛЬНЫ—у книгопродавца *А. Г. Сыркина*, на Большой улицѣ, домъ Учебнаго Округа.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у коммиссіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ—у книгопродавца *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Иногородные благоволятъ адресоваться прямо и *исключительно* въ редакцію «Вѣстника Западной Россіи», въ Вильнѣ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЮ:

Въ *Вильнѣ* 6 р., съ доставкою на домъ 7 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 8 рублей. Для сельскаго духовенства и волостныхъ правленій годовой экземпляръ „Вѣстника" уступается за 6 р. съ пересылкою. Принимается подписка и на полгода, но только *съ непремѣннымъ* условіемъ высылки денегъ въ маѣ и на 2-е полугодіе. Адресы прошу писать какъ можно разборчивѣе.

Для избавленія меня отъ рисковой затраты капитала, прошу покорнѣйше желающихъ выписывать мое изданіе *ускорить подпискою*.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**

I.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ДРЕВНЕМУ ПРАВОСЛАВІЮ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Прывиллегія данная Митрополиту Владыкам и всим людѣм вѣры Греческоѣ на права Духовныѣ водлуг прывиллегіев Вѣликого князя Витовта, Короля Казиміра и Александра на вѣчност. 1511, іюля 2 дня.

(*Въ Книгѣ Записей подъ № 8 стр. 488*),

Во имя Божоѣ, амин. Мы Жыгимонт с ласки Божоѣ Корол Полски, Велики Княз Литовскій, Рускій, Княжа Прускоѣ, Жемойтскій, и инных Пан и дѣдыч, чыним знаменито сим нашим листом хто на нѣго посмотрыт або чтучи вслышит нынѣшним и потом будучим кому будѣт потребно того вѣдати. Били нам чолом Митрополит Кіевскій и Галицкій всѣя Руси Іосиф и Епископы которыѣ суть подъ Митрополѣю Кіевскою и всѣя Руси, також с ними и Гетман наш Староста Луцкій и Браславскій и Великій Маршалок Волынскоѣ Зѣмли, Константин Иванович Островски и инныѣ Князи и Пановѣ Греческаго Закону Клали перед нами листы предка нашего Вѣликого Княз

Витовта и счастноѣ памяти отца нашего Казимира и брата нашего Александра Королѣв и Вѣликих Князѣй Их Милостѣй, штож Которыѣ Духовныѣ с початку вѣры их Христіанскоѣ закону Греческого выложены справ Духовных Грецких, то ѣст зрамо Каліону Восточныѣ Церкви и даны Метрополиту Кіевскому и всѣя Руси и Епископам под ним будучим в моц судити и радити и справовати водлѣ вставы прав их собранноѣ Восточноѣ Церкви, абы никто от свѣтских Судѣй судити нѣ смѣл дѣл духовных и предки наши Вѣликій Князь Витовт и отец наш Казиміри брат наш Александр Короли и Вѣликѣ Князя их Милости тыѣ права Духовныѣ их Закону Греческого Церковныѣ справы и Суды листы своими втвѣрдили Митрополиту Кіевскому и всѣя Руси и Епископом в их моц полецаючи и даючи вѣчнѣ а своим Дѣржавцам Городским и Мѣстским и всѣм Врадникам Свѣтским, как закону Римского так и Греческого нѣвѣлели в тыѣ их справы ни во што и в дѣла Духовныѣ вступатися. И били нам чолом Метрополит Іосиф и Епископы и вси Князи и Панозѣ их Закону Греческого обыхмо мы також дали им в их справах Духовных штося тычется благословѣня Церковного и тѣж за который выступ устягнѣня—во всяких дѣлѣх и в Судѣх Духовных справоватися и рядити подлѣ давного обычая и вставы их Закону Греческого и тую хвалу Духовѣнства обычая восточныя Церкви—Нашим листом потвердити и мы посмотрѣвши в их права Духовныѣ, писанныѣ которыѣ им с початку вѣры их уставлены и им данныѣ и теж видѣвши листы прывилея Предков наших Вѣликого Князя Витовта и отца и брата нашего Королѣв и Вѣликих Князѣй их Милости и вбачывѣсьмо тож вси справы Духовныѣ полецоны и даны в моц и в справу Митрополиту Кіевскому и Епископам надо всими нашими поддаными которыѣ сут Закону Греческого, на вѣчны часыѣ

и з ласки нашоѣ тоѣ право вышеписанноѣ их Закону Греческого потвѣрждаѣм сим нашим листом Митрополиту Кіевскому и всѣя Руси Іосифу и всим Епископам у Отчынѣ нашой Вѣликом Княжествѣ литовском, Руском маѣт Митрополит Іосиф и по нѣм будучи Церкви свои Греческаго Закону у своѣй моцы мѣти и пасти и справовати их и подавати по правилам Святым и Епископим и Архимандриты и Игумены и Попы и Діяконы и всякій Священническій—чын Греческого Закону какъ Духовных так Свѣтскихъ судити и радити, и всякіѣ дѣла Духовныѣ справовати и благословѣти, а нѣпослушных и выступных встягати и карати водлѣ права их уставы Соборноѣ Восточноѣ Церкви— Каким нѣвозборонно также и Епископам которыѣ суть под Митрополѣю Кіевскою у своих Епархіах их справы Духовныя такоже мают судити и рядити и справовати водлѣ давнаго обычая а прыказуѣм абы вси Князи и Пановѣ нашого Римского Закону как Духовныѣ так свѣтскѣ и тѣж Воѣводы, Старосты, Намѣстники Римского Закону так и Греческого и Тивуны и вси Заказьники, Дѣржавцы по Городам нашим и теж по мѣстам нашим войтовѣ, Бурмистры и Рядцы тыѣ которыѣ мают права из давна от предков наших Майборски и тѣж вжо которым мы тыѣ права Нѣмѣски подавали и на перед ѣщо которым иным мѣстом нашым тоѣ право з ласки нашоѣ дадим, кривды Церкви Божѣй и Метрополиту и Епископам нѣчынили. У доходы Церковныѣ и во вси справы и суды Духовныѣ нѣвступалися вжо тый вышеписаныѣ Дѣржавцы Наши нѣмают в тыѣ дѣла Духовныѣ вступатися бо ѣсьмо приказали Митрополиту Кіевскому судити и рядити и дѣла Духовныѣ справовати и люди Церковныѣ завѣдати подлѣ давного обычая по городам и по мѣстам нашим во всѣй отчызнѣ нашой Вѣликом Княжествѣ Литовском и Руском и тѣж которыѣ Князи и Пановѣ наши Римского Закону мают по своим имѣ-

нам Церкви Закону Греческого из давна, будѣт которая Церков подане Митрополе або Владыче и тѣпѣр нѣхай будѣт Церков в их поданіи, ѣстли же которая Церков из давна была в поданіи Дѣржавцы, того имѣня ино и тѣпер нѣхай тот дѣржавца надане с благословѣнѣм Митрополитским, нѣжли вжо нѣмаѣт моцы того Священника от тоѣ Церкви рушити осмотреня и воли Митрополитскоѣ оный дѣржавца так же и инныѣ вси члонки которыѣ выписаны сут у Свитку прав Духовных их Закону Греческого, и в сѣм нашом листу потвѣржаѣм то всѣ на вѣчность Митрополиту Іосифу и по нѣм будучим Митрополитам и всим под ѣго Митрополѣю Епископам, сим нашим листом, мают они вси тыѣ дѣла Духовныѣ справовати водлѣ давного обычая Восточной Церкви—Сталося и дано в Берести на Великом Соймѣ, в лѣто сѣдмое тысячи дѣвятое на дѣсятъ мѣсяца Юля второго дня, Индыкта четверто на дѣсят. При том были Вѣлѣбныѣ Врожоный—Княз Войтѣх Бискуп Виленски Канцлер Пан Миколай Миколаѣвич Радивилович, Воѣвода Троцкій Маршалок Дворный Пан Григорій Станиславович Оптиковича, Пан Троцки Староста Жомойски, Пан Станислав Глебович. Староста Городенскій Пан Станислав Пѣтрович, Воѣвода Новгородскій Пан Ян Янович Забржезински и иншы Пановѣ Рада наша, а для лѣпшого свѣдома и болшоѣ твѣрдости и пѣчат нашу казали—ѣсмо привѣсити к сѣму нашому листу.

2.

Потверждене Игумену и всим черцом Монастыря Святой Тройцы в Смоленску на Села Лентеевское, Нагроштянце, Колотовчыно и Именя Земли в Смоленском Повесте от разных особ на тот Монастыр записанные на вечность. 1510 г., февраля 12 дня.

Жыгимонт Божею Милостію Корол Полскій Великій Княз Литовскій чыним знаменито сим нашим листом хто на него посмотрит, або чтучи его услышит нынешним и потом будучим кому будет потребно того ведати. Били нам чолом Игумен с братею Монастыря Святое Тройцы в Смоленске о том чтож Боярын Смоленьски Васько Федорович Овчынич Селцо куплю свою на имя Лентееву и Бокову дал и записал по души своей и души брата своего к Монастырю Святое Тройцы половину того села Лентеева и Бокова, а половину земли бортное и половину пруда што он купил с братом своим Василіем у Боярына Смоленьского у Волешка Норыщыча отчину его на реце на Олшыцы с землею пашною и бортною и с огороды и схмелники и сеножатямя и с прудом а другую дей половину тогож Села Лентеева по томуж записал тот же Василій на Монастыр Покров пречыстое Богоматеры и водо дей тыи Монастыры, тым поделилися и делили их тым именем Городничый Смоленьскій Занко Полтев а Конюшы Смоленьскій Василей Радобылски и ины Бояре Смоленьскіе и тот лист запис того Василя Овчынича и лист теж дэлчый тех Бояр Смоленьских перед нами вказывая, ино в том листе делчом стоит написано штож Игумену и брацьи Монастыря Святое Тройцы достало ся все Село Лен-

тѣвское Игумену и всѣй братіи Монастыря Святоѣ Троицы а Боковскоѣ с зѣмлею пашною и бортною и з Сѣлом и стариною и с дубровою и сѣножатями и с огороды теж Боярын Смоленьскій Антыпа Симонов с братом своим Андреѣм дали и записали Церкви Божѣй Святоѣ Троицы своѣ на имя Натростянце, такѣж повѣдили перед нами штоб один Старец тогож Монастыря Святоѣ Тройцы на имя Варсонофѣй Галцов с нашим дозволенѣм купил зѣмлю бортную и пашную и бобровыѣ гоны и сѣножати в мѣщанки—Смоленьскоѣ на имя. в Маріи Олешковоѣ Кошовниковоѣ и в ѣѣ дочки Агаѳы отчину мужа на имя Стайки за рѣкою Олшою на Витебской дорозѣ и потом тот Старец Варсонофѣй и з нашим же дозволенѣм то всѣ зѣмлю бортную и пашную и бобровый гоны и сѣножати к Церкви Божѣй томуж Монастырю Святоѣ Тройцы записал и што с тоѣ зѣмли хожывало па нас в казну нашу с бобровых гон по чотыри гроши то ѣсьмо им отпустили и што тѣж с иных........ которыиж люди з ними тую землю мѣли и по той земли посполу бобровыѣ гоны гонивали и дайвали до казны по дванадцати грошей и тоѣсьмо им на Церков Божію к томуж Монастырю Святоѣ Тройцы пожаловали а особно дали были ѣсьмо и томуж Монастырю Святоѣ Тройцы до нашоѣ воли Прудище пустоѣ на рецѣ на Есеной на имя Головкино—и с тою пашенкою и сѣножатями што с давна к тому прудищу прислухало и тыѣ листы наши перед нами вказывали тѣж Княгини Фѣдоровая Глиньского Инока Александра, дала и записала и томуж Монастырю Святоѣ Тройцы сѣло своѣ на имя Колотовчино с зѣмлею пашною и бортною и сѣножатями и со всим с тим што к тому здавна прислухало, на память души своѣй и Князя своего и родитѣлей своих, на вѣчность, такѣж повѣдил перед нами Игумен и с братѣю штож Купили к томуж Монастырю Святой Тройцы в Анны Фѣдоровоѣ

жоны Рогозиноѣ сѣло куплю ѣѣ на имя Байково, которож тая Ганна купила была в Маріи Ивановоѣ Рогозиное с зѣмлею пашною и бортною с сѣножатими и огороды и с хмѣльники и с прудом на бохли со всим как сама купила и што к тому сѣлу Байкову прислухало нѣжли што с того сѣла Байкова позѣма давано в кождый год к Церквям Божым к Свѣтому Борысу Хлибу, а к другой Церкви Божѣй к Святой Варварѣ по чотырым гроши тот позѣм Игумен с братѣю к тым Церквям Божыим мают давати по чотыри гроши в каждый год—у в Настаси Олешковоѣ жены и в ѣѣ дѣтей в Тихона а в Борыса а в Ивана сѣло их на имя Дѣревячыно з зѣмлею пашною и бортною и сѣножатями и на то листы Кнѣгини Федоровоѣ Глинскоѣ Иноки Александры лист што к Монастырю Св. Тройцы дала и записала и тѣж лист купчыи перед нами вказывали и били нам чолом Игумен с братѣю Св. Тройцы обыхмо им на то дали наш лист и потвѣрдили то всѣ нашим листом на вѣчность к Монастырю—Св. Тройцы, ино мы с ласки нашоѣ и теж для их чолом битя то вчынили, на то дали им сѣй наш лист и потвѣржаѣм то сим нашим листом, маѣт нынѣшный Игумен Св. Тройцы и по нѣм будучый Игумены и вся братя Св. Тройцы всѣ то дѣржати и Монастырю Св. Троицы вѣчно и нѣпорушно со всим с тым как выше в сѣм нашом листѣ написано,—а за нас Бога просити, а на твѣрдость того и пѣчат нашу казали ѣсьмо привѣситы к сѣму нашому листу. Писан в Пѣтрковѣ лѣта Божего Тысяча Пятсот дѣсятого Мца Февраля 12 дня Индыкта 13.

3.

Привилей Королевой ѣѣ Милости Аленѣ на подаванѣ Монастыря Св. Тройцы в мѣстѣ Виленьском до жывота ѣѣ Милости. 1510 г., марта 12 дня.

(Изъ литовскихъ метрикъ. Книга записей № 8. стр. 340).

Жигимонт Божѣю Милостію Корол Польскій Вѣликій Князь Литовскій чыним знамѣнито сим нашим листом— просила нас Королевая и Вѣликая Княгини ѣѣ милость Алена абыхмо Монастыр Св. Троицы в мѣстѣ Виленьском дали в ѣѣ милости поданѣ до ѣѣ милости живота, ино мы на жаданѣ ѣѣ мти то вчинили тот Монастыр Св. Троицы в мѣстѣ Виленском далиѣсьмо в ѣѣ Мти поданьѣ до ѣѣ Мти живота—маѣт ѣѣ Мт, обираты Архимандрыта к тому Монастырю, и подавати тому кому будѣт воля ѣѣ мти а намся в то ани Митрополиту нѣ вступати, бо ѣсьмо ѣѣ мти тот Монастыр во ѣѣ поданьѣ дали до ѣѣ мти живота, а по ѣѣ милости животѣ тот Монастыр и поданьѣ у воли нашой и наслѣдников наших. Писан в Краковѣ Лѣта Божего тысяча пятсот дѣсятого мѣсяца Марта 12 дня, Индыкта 13.

Дожывотѣ Епископу Митрополиту киръ Іонѣ на Монастыр в Мѣстѣ Виленьском Святоѣ Тройцы и Архимандрытство ѣму данноѣ. 1569 г., февраля 15 дня.

Изъ литовскихъ метрикъ. Книга записей № 48, стр. 268).

Жыгимонт Август. Ознаймуѣм сим листом нашым. Што пѣрвѣ того далиѣсьмо были Монастыр у мѣсть нашом

столечном Виленскомъ заложеня Св. Тройцы, и в нѣм Архимандритство Радды а мѣщанину того мѣста Виленскаго Федору Яцковичу Вѣликовичу, который Монастыр и Архимандрытство он дѣржачый час нѣ малый стану духовного на сѣбѣ нѣ прынял, и в том повинности своѣй досыть нѣ чынил, а потомъ кѣды водлѣ уфалы и постановленя на Валном Соймѣ у Гроднѣ от нас на то учынѣннаго он того стану Духовнаго, также на сѣбѣ приняти и повинности ѣму належачой досыть желати нѣхотѣл, и бачечи же он водлѣ уфалы того Сойму на оный Монастыр и Архимандритство в нѣм право своѣ ѣму отнас даноѣ собѣ нарушыл и тот Монастыр з Архимандритством сам утрачил, с тоѣ причыны оноѣ всѣ право ѣго, которое на то в сѣбѣ мѣл на сторону отложывшы тот Монастыр и Архимандрытство в мѣстѣ Виленскомъ Св. Троицы, от нѣгоѣсьмо взяли и сим листом нашим бѣрем. А маючи в нас залецоную особу Архіепископа Митрополита Кіѣвскаго, Галицкого и всѣя Руси киръ Іону—же ону на том мѣстцу везваня своѣго будучи пристойной, повинности своѣй с всякою пильностю и преможенѣм своим досыть чынити и от часу того чынити нѣ преставаетъ; А тѣж нѣ мнѣй то опатруючы з вѣрхности нашоѣ Господарскоѣ жебы он на том мѣстцу будучи водлѣ вызнаня своѣго слушноѣ выхованѣ мѣти и тѣм способнѣй Церкви Божой служыти и всяких порадков вѣры Греческое постѣрегати мог, с ласки нашоѣ тот Монастыр в мѣстѣ Виленскомъ Св. Троицы и нѣм Архимандрытство далиѣсьмо и сим листомъ нашимъ даѣм отцу нашому Митрополиту киръ Іонѣ, до ѣго жывота, маѣт ѣго милост тот Монастыр Св. Троицы в мѣстѣ Виленьском со всим наданѣм с давна и тепер к нѣму належачым дѣржати и вживати, и так водлѣ закону своѣго Греческаго, во всѣм хвалы Божоѣ прымножати и водлѣ баченя своѣго слушнѣ и раднѣ ѣго справовати, якося ѣму на лепѣй

вѣдѣти будеть, особливѣ то ѣму сим листомъ нашим обваровываючы и опатруючы, иж жо надто до того Монастыря Св. Тройцы в мѣстѣ Виленскомъ и Архимандрытства в нѣм за листы нашими, которыѣ бы прѣвѣй сѣго и на потомъ коли жколвѣкъ и комуколвѣк были даны ничого мѣти и того Монастыря и Архимандрытства в нѣм одѣржати нѣ может, аж до живота преречонаго Митрополиты Киріоны. И на то ему далиѣсьмо сѣй наш лист с подписанѣмъ руки нашоѣ, и под пѣчатю нашою. Писан в Люблинѣ на Волномъ и сполномъ Соймѣ Коруны Полскоѣ и Вѣликого Княжества Литовскаго. Лѣта Божего Нарожения Тысяча Пятсот шест дѣсять дѣвятого, мѣсяца февраля 15 дня.

II.

О ЗНАЧЕНІИ СМОЛЕНСКА ВЪ ИСТОРІИ РОССІИ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

*(Окончаніе *).*

Касаясь внѣшней исторіи смоленскаго княжества, мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми мелкими событіями, связанными съ именемъ Смоленска, а только въ общемъ очеркѣ укажемъ на болѣе крупныя и характеристичныя изъ нихъ, такъ чтобы при свѣтѣ такихъ событій, можно было подмѣтить особенности въ исторіи Смоленска, сравнительно съ историческимъ движеніемъ въ другихъ русскихъ областяхъ, и уловить особенныя задачи, достигаемыя этою исторіею, или, что тоже, понять значеніе Смоленска въ русской исторіи. Поэтому мы совсѣмъ даже опускаемъ очень длинный періодъ первоначальной исторіи Смоленска, продолжающійся почти на два столѣтія, именно отъ начала русской исторіи до смерти Ярослава I (отъ 862 до 1054 г.); потому что означенный періодъ не представляетъ сколько нибудь замѣчательныхъ фактовъ историческаго движенія въ смоленской области, объясняющихъ предположенную нами задачу (не говоримъ уже о томъ, что вообще за это время фактовъ, записанныхъ лѣтописцами, для исторіи, Смоленска чрезвычайно мало.

Лѣтописи, до прибытія Рюрика съ братьями, не говорятъ ни о какихъ князьяхъ въ племени смоленскихъ Кривичей; въ это время въ смоленской области, при ея общинномъ устройствѣ, было одно правленіе—народное или вѣчевое. Смо-

*) См. „Вѣстникъ Западн. Россіи кн. 8.

ленскъ оставался независимою отъ князей волостію до взятія его Олегомъ (до 882 г.). По смерти своихъ братьевъ, Рюрикъ началъ раздавать мужамъ своимъ города, между которыми упоминаются даже Полотскъ и отдаленный Ростовъ, но о Смоленскѣ, обладаніе которымъ должно бы быть весьма важнымъ для Рюрика, совсѣмъ умолчано. Архангельскій лѣтописецъ, сказавши о походѣ Аскольда и Дира подъ Кіевъ, прибавляетъ, что Аскольдъ и Диръ плыли Днѣпромъ мимо Смоленска и не смѣли войти въ сей городъ великій и многолюдный 1). Ни о посадникахъ, ни о какомъ нибудь подчиненіи Смолянъ здѣсь нѣтъ рѣчи, тогда какъ наприм. о Кіевѣ сказано, что онъ платилъ дань козарамъ. Со времени Олега рядомъ съ властію вѣча выдвигается въ Смоленскѣ власть князя, или посадниковъ, которыхъ назначаетъ князь. Смоленскія владѣнія тогда уже ограничены были съ сѣвера и запада новгородскою землею и полоцкимъ княжествомъ. Владиміръ, по извѣстію никоновской лѣтописи, посадилъ въ Смоленскѣ сына своего Станислава (989 г.); но это извѣстіе не подтверждается другими лѣтописями, равно какъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Станислава въ Смоленскѣ. Но во всякомъ случаѣ оба эти событія, т. е. занятіе Смоленска Олегомъ и посаженіе въ немъ Владиміромъ своего сына, выражаютъ одно: особенную заботливость князей о томъ, чтобы держать Смоленскъ въ непосредственномъ подчиненіи у себя, или въ зависимости отъ кіевскаго стола. Это совершенно понятно, если припомнимъ, какое важное положеніе занималъ Смоленскъ для стратегики; онъ служилъ точкою опоры для вліянія княжеской власти на сосѣднія племена и области— новгородскую, полоцкую и ростовскую. Затѣмъ еще встрѣчаемъ извѣстіе о Смоленскѣ подъ 1015 въ разсказѣ о убіеніи князя Глѣба. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что когда мѣсто, гдѣ лежало тѣло князя, ознаменовано было чудесами, то смоленскіе жители вспомнили о страдальцѣ и перенесли тѣло его въ городъ въ сопровожденіи священниковъ съ крестами (Никон. Л. 1015 г.). Это извѣстіе указываетъ на то, что въ Смоленскѣ тогда уже было насаждено христіанство, хотя о введеніи его въ томъ краѣ лѣтописи ничего не разсказываютъ. Такимъ обра-

1) Ист. Г. Рос. 1, прим. 582.

зомъ все, что можно сказать на основаніи приведенныхъ извѣстій, сводится къ одному, а именно, что Смоленскъ до 1054 г. находился въ непосредственной зависимости отъ кіевскихъ князей, составляя сѣверную оконечность власти Руссовъ, зависѣвшихъ отъ Кіева.

Точно также мы въ немногихъ словахъ скажемъ о первыхъ временахъ смоленскаго княжества, отъ начала его отдѣльной исторіи (до 1127 г.) до начала княженія въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича. Въ это время Смоленскъ хотя имѣетъ отдѣльную исторію съ своими собственными князьями, но во 1-хъ князья не непрерывно жили въ Смоленскѣ, и смоленское княжество управлялось иногда изъ другой области, какъ было напр. при Владимірѣ Мономахѣ, который имѣлъ свой столъ въ Переяславлѣ, часто продолжалъ бывать по дѣламъ управленія и въ Смоленскѣ, а во 2-хъ Смоленскъ находился въ полной зависимости вообще отъ князей Рюриковичей. Сюда назначались князья и выводились въ другія волости обыкновенно при участіи и подъ непосредственнымъ распоряженіемъ другихъ князей родичей 1), такъ что наприм. исторія этого времени не представляетъ ни одного факта вмѣшательства земщины въ княжескія дѣла, въ посаженіи князей на столъ или въ перемѣщеніи ихъ въ другую область. Послѣ любечскаго съѣзда (1100 г.) Смоленскъ, какъ отчинный городъ назначенъ былъ Мономаху, въ племени котораго онъ и остался навсегда.

Въ періодъ времени отъ 1054 г. до Ростислава Мстиславича Смоленскъ имѣлъ враждебныя столкновенія особенно съ полоцкими князьями. Въ 1066 г. трое Ростиславичей; Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ пошли войною на Всеслава Брячиславича полоцкаго и побѣдили его на рѣкѣ Нѣмизѣ. Послѣ того князья сошлись у Смоленска и, зазвавши сюда Всеслава, обманомъ схватили его и заключили въ Кіевѣ. Здѣсь любопытно то, что князья пользуются выгодною позиціею Смоленска для вліянія на Всеслава, побѣду надъ которымъ они, какъ видно, не считали надежною для упроченія общаго мира 2). Но Всеславъ не смирился: освободившись изъ зато-

1) См. біографіи князей въ VI томѣ „Изслѣдованій и лекцій" Погодина.

2) Лавр. л. 6574 г.; I Новг. л. 6575 г.

ченія, онъ снова началъ свои опустошительные набѣги на соседнія русскія владѣнія, и въ одинъ изъ такихъ набѣговъ сжегъ Смоленскъ 1). Мономахъ, услышавъ объ этомъ, погнался за нимъ изъ Чернигова; но не заставъ Всеслава въ Смоленскѣ, въ отмщеніе разорилъ часть полоцкой области.

Объ отношеніяхъ Смоленска къ Новгороду имѣемъ одно извѣстіе за означенное время [2]). Давидъ Святославичъ, новгородскій князь (бывшій сначала княземъ въ Смоленскѣ), отправившись въ 1095 году къ Смоленску, не былъ опять принятъ новгородцами, которые призвали Мстислава Владиміровича изъ Ростова, и остался въ Смоленскѣ. Можно бы ожидать, что Давидъ будетъ мстить Новгородцамъ за непріязнь къ себѣ, но лѣтописи объ этомъ не говорятъ. Это обстоятельство даетъ поводъ къ тому заключенію, что смолняне не захотѣли разрывать съ Новгородомъ изъ-за обиды князя и, можетъ быть, убѣдили его самого отложить свою непріязнь къ Новгородцамъ. Во всякомъ случаѣ мы должны допустить, что отношенія Смолнянъ къ Новгородцамъ въ этотъ періодъ были мирныя.

Но собственно отдѣльная исторія смоленскаго княжества должна начинаться со времени Ростислава Мстиславича. Съ него Смоленскъ получаетъ себѣ отчинныхъ князей въ его племени и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ болѣе прочное положеніе своей земщины, которая со времени Ростислава Мстиславича начинаетъ принимать весьма видное участіе въ княжескихъ дѣлахъ и въ политикѣ.

При самомъ началѣ княженія Ростислава, въ Смоленскѣ случилось событіе, которое имѣло большое вліяніе на исторію всей Россіи тогдашняго времени и особенно на исторію полоцкаго и смоленскаго княжествъ: мы разумѣемъ знаменитые походы Мстислава кіевскаго въ союзѣ съ другими русскими князьями на полоцкихъ князей [3]). Походы Мстислава вывели полоцкую землю изъ того отчужденія, въ которомъ она была въ прежнее время. Полоцкіе князья вступили въ болѣе тѣсныя сношенія съ приднѣпровскими князьями, стали прибѣгать къ ихъ помощи въ спорахъ между собою, такъ что съ этого времени ни одно меж-

1) Лавр. л. стр. 103.
2) I Новг. л. 6603 г.; Лавр. л. 6603 г.
3) Ист. Гос. Рос. II, 193—194. Изд. Эйнерлинга.

усобіе полоцкихъ князей не обходилось безъ участія кіевскихъ, черниговскихъ или смоленскихъ князей, а на оборотъ и Полочане и ихъ князья, время отъ времени, вмѣшивались въ междоусобія сосѣднихъ приднѣпровскихъ князей 1).

Но для насъ собственно важно знать, какъ повліяло это событіе на отношенія смоленскаго княжества къ полоцкому?—Съ Смоленскомъ, Полоцкіе князья естественно завязали еще болѣе тѣсныя связи, чѣмъ съ другими княжествами, потому что Смоленскъ, по своему географическому положенію, тѣснѣе всѣхъ другихъ примыкалъ къ полоцкому княжеству.

Они стали вступать въ родство съ смоленскими князьями, и съ этого времени полоцкая земля поступаетъ подъ покровительство смоленскихъ князей, которые не опускаютъ случая вмѣшиваться въ дѣла этого княжества, разумѣется, въ виду собственныхъ интересовъ. Такъ уже Ростиславъ Мстиславичъ за помощь, оказанную Рогволду въ борьбѣ его съ другими князьями полоцкими, получилъ отъ него Витебскъ и другіе пограничные съ Смоленскомъ города, и хотя Витебскъ не разъ опять отходилъ къ полоцкимъ владѣніямъ, но наконецъ поступилъ въ совершенную зависимость отъ смоленскихъ князей. Въ другой разъ когда Мстиславъ Ростиславичъ съ Новгородцами шелъ воевать въ полоцкихъ владѣніяхъ (1178 г.), то Романъ Ростиславичъ, смоленскій князь, заступился за своего зятя, полоцкаго князя Всеслава Васильковича, и уговорилъ Мстислава съ Новгородцами воротиться назадъ. Однако полоцкіе князья не всегда оставались вѣрными своему союзу съ смоленскими князьями. По смерти Романа, полоцкіе князья Всеславъ и Брячиславъ Васильковичи и еще четверо ихъ союзниковъ отступили отъ союза съ Смоленскомъ и передались черниговскимъ князьямъ и, во время ихъ войны съ смоленскими князьями, привели къ нимъ на помощь Литву и Ливь. Этотъ переходъ полоцкихъ князей къ черниговскимъ, лѣтъ черезъ пять (именно въ 1186 г.) произвелъ войну Давида смоленскаго съ полоцкими князьями. Давидъ вооружилъ Смолнянъ и Новгородцевъ и, соединившись съ двумя полоцкими князьями, своими союзниками, пошелъ на полоцкую землю. Впрочемъ полочане поспѣшили заключить миръ,

1) Бѣляевъ: Очеркъ ист. сѣверозап. края. Стр. 12.

обѣщая держаться смоленскихъ князей, а не черниговскихъ. Однако въ 1195 г. полоцкіе князья опять были на сторонѣ черниговскихъ. Такая ихъ непослѣдовательность очевидно еще болѣе вредила собственнымъ интересамъ ихъ, отталкивая тѣхъ, которые хотѣли союза съ ними.

Но смоленская опека не дешево стоила Полочанамъ и ихъ князьямъ, изъ дома Святослава Всеславича. Они во 1-хъ окончательно должны были уступить смоленскимъ князьямъ важный полоцкій городъ, Витебскъ (Ок. 1178 г.), владѣніе которымъ давало Смолянамъ открытую дорогу въ Полоцкъ (потому что Витебскъ, по своему положенію на Двинѣ, служитъ какъ бы передовою крѣпостію для Полоцка). Потомъ, вслѣдствіе этой опеки, Полочане и ихъ князья волей неволей должны были принимать участіе въ междоусобіяхъ смоленскихъ князей и поэтому подвергаться нападеніямъ сосѣдей, которые были въ войнѣ съ Смолянами 1). Наконецъ,—и это самое важное,—полоцкіе князья, поступивъ въ опеку къ смоленскимъ князьямъ, тѣмъ самымъ отдѣлились отъ другихъ князей полоцкой земли и стали къ нимъ во враждебныя отношенія, (а другіе князья полоцкіе вступили въ союзъ съ черниговскими князьями, враждебными Смоленску 2). Такимъ образомъ запутались дѣла въ полоцкой области ко вреду ея самой и къ выгодѣ Смоленска. Послѣдствія этого положенія дѣлъ были таковы, что въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. Полоцкъ и Витебскъ представляются зависимыми отъ смоленскаго князя, хотя имѣютъ еще и собственныхъ князей.

Чтобы еще нагляднѣе видѣть, какія вліянія двигали исторіею смоленскаго княжества и сообщили ей особенный мѣстный колоритъ, мы начнемъ опять съ первоначальныхъ фактовъ вообще въ исторіи первыхъ гражданскихъ обществъ, именно съ вліянія физическихъ условій на духовную жизнь племенъ. По этому воззрѣнію, значеніе Смоленска въ политической исторіи

1) Наприм. Новг. 1 л. подъ 1168 г. говоритъ: „ходиша Новгородци (бывшіе тогда во враждѣ съ Смоленскомъ) съ Пльсковици къ Полотьску, и пожогше волость возвратишася отъ града за 30 верстъ“.... и проч.

2) Бѣляевъ: „Разсказы изъ рус. и ст.стр. 334—336.—„Очеркъ ист. сѣверозап. края. Его же. Стр. 42.

Россіи условливалось самымъ географическимъ положеніемъ смоленскаго княжества.

Смоленская область, какъ извѣстно, обнимала верховья рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины, т. е. она лежала въ самомъ центрѣ главныхъ водяныхъ сообщеній древней Россіи и, прибавимъ, въ центрѣ русскихъ областей, потому что ближайшимъ образомъ окружена была со всѣхъ сторонъ славянскимъ же населеніемъ. Такимъ образомъ, теченія рѣкъ, выходящихъ изъ области смоленской и идущихъ на громадномъ протяженіи во всѣ концы Россіи, указывали для Смоленска естественные пути сношеній со всѣми русскими областями и ставили его въ неразрывную связь со всею Русью, какъ на оборотъ всю Русь ставили въ нѣкоторую зависимость отъ Смоленска, по чрезвычайной важности его положенія въ стратегическомъ и промышленномъ отношеніи. Ближайшимъ образомъ Смоленскъ примыкалъ, какъ извѣтно, къ области верхней Волги, или ростовско-суздальской, къ области днѣпровской или кіевской Руси,—западно-двинской, или области Кривичей полоцкихъ, наконецъ къ области ильменско-волховской, или къ землѣ Новгородскихъ Славянъ, которые не иначе могли входить въ сношенія съ собственною Русью или днѣпровскою областію, какъ чрезъ посредство смоленскихъ владѣній. Естественно поэтому выходило, что когда какая нибудь область, по сосѣдству съ Смоленскомъ, становилась сценою важныхъ политическихъ событій, то смоленскіе князья принимали въ нихъ непосредственное и дѣятельное участіе. А такъ какъ важнѣйшее явленіе политической исторіи древней Руси составляютъ княжескія усобицы внутри государства, къ которымъ въ послѣдствіи присоединилась взаимная борьба цѣлыхъ областей или княжествъ, то смоленскіе князья обыкновенно принимали участіе въ политическихъ дѣлахъ Россіи въ качествѣ союзниковъ или враговъ которой нибудь изъ враждующихъ сторонъ. Но при этомъ политика смоленскихъ князей не была постоянно послѣдовательною и, по видимому, не вытекала изъ какого нибудь прочнаго и опредѣленнаго политическаго принципа; она мѣнялась, смотря по обстоятельствамъ. Это, какъ увидимъ, также стояло не внѣ связи съ особенными мѣстными условіями въ географическомъ положеніи смоленскаго княжества. Естественными союзниками для смоленскихъ князей были

великіе кіевскіе князья, потому что самое естественное тяготѣ ніе для Смоленска было тяготѣніе къ Кіеву, съ которымъ Смоленскъ связанъ былъ одинаковою рѣчною системою; къ этоі надобно прибавить еще то, что Кіевъ большею частію остава. ся за Мономаховичами съ которыми смоленскіе князья, Рости славичи, были весьма близкіе родственники, а не рѣдко пер ходилъ къ прямымъ потомкамъ Ростислива Мстиславича, смоленскимъ же князьямъ 1). Но когда въ самомъ племени Мономаховомъ произошелъ раздоръ между прямыми потомками Владиміра Мономаха отъ старшаго сына его, Мстислава, и су дальскими князьями, изъ рода Юрія Долгорукаго, и когда во растающее могущество суздальскихъ князей стало оказыват чрезвычайное вліяніе на теченіе политическихъ дѣлъ внутри Рос сіи, то смоленскіе князья, преемники Ростислава Мстиславич волей—неволей примыкаютъ къ союзу съ суздальскими князья ми, и враждебно дѣйствуютъ противъ Кіева и Новгорода. Эт колебательность въ политикѣ смоленскихъ князей въ извѣстно степени зависѣла также отъ особенныхъ условій положенія смоленскаго княжества между русскими областями, такъ что ес съ одной стороны Смоленскъ держалъ въ зависимости отъ се бя и отъ южныхъ князей сосѣднія съ нимъ земли, заним весьма важное по отношенію къ нимъ стратегическое положеніе, и съ другой стороны сосѣднія области производили все вмѣстѣ си большее давленіе на смоленское княжество и взаимно держали е отъ себя въ сильнѣйшей зависимости.

Весьма важны слѣдствія, которые вытекаютъ отсюда дл исторіи собственно смоленскаго княжества и для той роли, ка кая должна принадлежать ему вообще въ политической истор древней Руси. И во-первыхъ, Смоленскъ никогда не могъ во выситься до господствующаго положенія между русскими кн жествами, а только могъ занимать между ними полунезависи мое положеніе; смоленскіе владѣтели постоянно рисковали быт орудіемъ въ рукахъ сильнѣйшихъ сосѣднихъ князей—сначал кіевскихъ, которые чрезъ нихъ держали въ подчиненіи нове-

---

1) Кіевскими князьями впослѣдствіи были: Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ его Романъ и внукъ Мстиславъ Романовичъ, далѣе Володиміръ Рюриковичъ,—занимавшіе сначала смоленскій стол

одскую и полоцкую земли, а потомъ суздальскихъ. По физическимъ условіямъ того края, въ которомъ лежалъ Смоленскъ, онъ не могъ совершенно выдѣлиться изъ общаго государственнаго единства и составить изъ себя отдѣльное политическое цѣлое, особую самостоятельную область, съ сильною государственною властію; скажемъ более: даже сепаративныя стремленія должны обнаружиться въ населеніи смоленскаго княжества въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ, наприм. въ галицкомъ княжествѣ или въ новгородской землѣ. Хотя Ростиславъ Мстиславичъ положилъ начало отдѣльному существованію смоленскаго княжества и даже успѣлъ сообщить ему нѣкоторый политическій блескъ, особенно благодаря ослабленію сосѣднихъ полоцкихъ владѣтелей и удачной политикѣ его съ князьями южной Руси; однако уже при сынѣ его Романѣ обнаружилась политическая слабость и несостоятельность смоленскаго княжества въ томъ, что Андрей Боголюбскій ведетъ смоленскаго князя, Романа Ростиславича, войною противъ Новгорода и Кіева, принуждаетъ его вооружиться противъ своихъ же братьевъ, князей южной Руси [1]). Что это не было случайностію, временно вызванною могуществомъ суздальскаго князя, а имѣло болѣе глубокія основанія въ топографическихъ и этнографическихъ условіяхъ смоленскаго княжества, то можетъ быть подтверждено всею системою дѣйствій Ростислава Мстиславича, когда онъ былъ еще смоленскимъ княземъ. Большую часть княженія онъ проводилъ во внѣшней дѣятельности, въ борьбѣ съ суздальскими князьями за Кіевъ, съ полоцкими и черниговскими и даже галицкими; ему не чужды были и другіе вопросы внутренней политики Россіи: онъ наприм. посылаетъ вмѣстѣ съ прочими князьями посла о выдачѣ Берладника къ великому князю Изяславу Давидовичу [2]), вмѣшивается въ дѣло о поставленіи кіевскаго митрополита, т. е. принимаетъ участіе въ церковныхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе ко всей

1) Ипат. л. 1174 г. „Идущимъ же имъ (войскамъ Андрея Боголюбскаго) мимо Смоленскъ, казалъ бо бяшеть Романови пустити сынъ свой Смолняны, тако Романъ нужею пусти сынъ свой Смолняны на братью“.

2) См. біографію Ростислава Мстиславича по лѣтописнымъ извѣстіямъ въ VI т. „Изслѣдованій Погодина, стр. 141—146.

Руси, такъ какъ кіевскій митрополитъ былъ главою всей русской церкви. И такъ кругъ Ростиславовой дѣятельности переходитъ за предѣлы областныхъ интересовъ, попечительности о благоустройствѣ и возвышеніи могущества своего княжества; Ростиславъ слѣдитъ за ходомъ событій въ цѣлой Россіи, заботится объ умиротвореніи государства, такъ что мѣстныя задачи смоленскаго княжества обращаютъ на себя его вниманіе не болѣе, чѣмъ наприм. то, чтобы Кіевъ не оставался во власти суздальскихъ князей; это князь столько же отдѣльной волости, сколько князь вообще русской земли, потому что онъ одинаково считаетъ нужнымъ устроять дѣла не только въ своемъ княжествѣ, но и въ цѣлой Руси.

Такъ смотрятъ на него и другіе князья: Изяславъ Мстиславичъ поручаетъ ему стеречь русскую землю отъ Юрія (приднѣпровскую Русь); еще болѣе—онъ извѣщаетъ его о своихъ походахъ, въ которыхъ тотъ не участвовалъ, т. е. онъ какъ бы признаетъ за Ростиславомъ дѣйствительное право быть судьею не только въ дѣлахъ своего княжества, но и въ дѣлахъ другихъ русскихъ княжествъ и во взаимныхъ отношеніяхъ князей. А между тѣмъ Ростиславъ Мстиславичъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ Смолнянами князей, чего онъ могъ достигнуть только отвѣчая потребностямъ и задачамъ смоленской земли: (смоленскіе жители особенно показали свою любовь къ нему въ торжественной встрѣчѣ его, когда, незадолго до своей смерти, онъ шелъ чрезъ Смоленскъ въ Новгородъ); значитъ что исторія не судила смоленской области замкнутости въ кругу мѣстныхъ интересовъ жизни, а дала ей болѣе широкую задачу, чѣмъ развитіе сепаративныхъ элементовъ въ исторіи русской государственности.

Отдѣльное смоленское княжество до нашествія Татаръ на Россію существовало, подъ владѣніемъ Ростиславичей, около ста лѣтъ; но во все это время мы не замѣчаемъ, чтобы смоленскіе князья дѣйствовали въ политическихъ дѣлахъ Россіи во имя какого нибудь принципа, имѣвшаго слѣдствіемъ увеличеніе собственнаго могущества и упроченіе политической независимости смоленскаго княжества, или первенство его между другими княжествами. Особенное положеніе обоихъ Мстиславовъ, Мстислава Ростиславича Храбраго и Мстислава Мстиславича Уда-

лаго, стоявшихъ во главѣ историческаго движенія своего времени и заправлявшихъ политическими событіями въ цѣлой Россіи, представляетъ лучшее доказательство сказаннаго. Мы видѣли, что Ростиславъ Мстиславичъ, оставаясь смоленскимъ княземъ, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ остальной Руси; обстоятельства времени произвели перемѣну и въ этомъ положеніи смоленскихъ князей: постоянное сидѣніе на одномъ столѣ, хотя бы соединенное съ частыми военными походами для защиты другихъ областей и въ помощь какому нибудь князю, стало недостаточною гарантіею для умиротворенія государства и для поддержанія политическаго равновѣсія между русскими княжествами. Мстиславы ведутъ самую подвижную жизнь: они и въ Смоленскѣ, и въ Новгородѣ, и въ кіевской землѣ, и на Волыни непосредственно заправляютъ дѣлами этихъ областей; къ нимъ уже очень мало могутъ быть примѣнены названія смоленскаго, или новгородскаго, или галицкаго князя: это герои русской земли, страдальцы за свою отчину, въ понятіе которой входитъ вся Русь. По мѣсту рожденія, по племени, по почину дѣятельности они смоленскіе князья; но имя смоленскаго сглаживается и замѣняется именемъ Русь во всей послѣдующей ихъ дѣятельности. „Бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо тосняшеться умрети за русскую землю и за хрестьяны", такими чертами изображаетъ лѣтописецъ характеръ Мстислава Храбраго, и далѣе: „не бѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться (тщашеся) на великая дѣла: и (по смерти его) плакася по немъ вся земля русская" 1). Отсюда можно видѣть и то, какими принципами руководствовался Мстиславъ въ образѣ своихъ дѣйствій: это чисто нравственные, а не политическіе принципы; защитить обиженныхъ, подать руку помощи угнетаемымъ, возстановить правду въ русской землѣ— все равно; въ какомъ бы мѣстѣ она ни нарушалась, и смирить нарушителей ея—вотъ эти общіе принципы. „Братья! ничтоже имѣте во умѣ своемъ", такими рѣчами Мстиславъ воодушевлялъ къ бою свою дружину: „аще нынѣ умремъ за хрестьяны, то очистився грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнить кровь нашу съ мученикы; ажели Богъ дасть милость, а слава Бо-

1) Ипат. л. 1179 г.

ту; мы бо еще нынѣ (не) умремъ, умремъ же всяко". Конечно уже не болѣе имѣлъ притязаній на верховную власть и на расширеніе могущества своей области Мстиславъ Мстиславичъ Удалый, бывшій княземъ въ Торопцѣ, удѣльномъ городѣ смоленскаго княжества. Онъ велъ еще болѣе подвижную жизнь, чѣмъ отецъ его, дѣйствовалъ въ политическихъ дѣлахъ съ такимъ безкорыстіемъ, что позволилъ отдать на разорѣніе собственную торопецкую волость съ тѣмъ, чтобы дать провіантъ бѣдствующимъ новгородскимъ войскамъ 1). Дѣятельность Мстислава не была привязана къ одному мѣсту; защищая Новгородъ отъ самовластія суздальскихъ князей, дѣйствуя въ кіевской области, заправляя дѣлами галицкой Руси, онъ всюду хотѣлъ возстановлять правду, страдать вообще за русскую землю; его стремленія обнимаютъ всю Русь, а не отдѣльное княжество, или одну область. Но Мстиславъ Удалый, какъ и отецъ его, представляетъ превосходный и въ своемъ родѣ единственный образецъ того, какъ особенныя топографическія и этнографическія условія смоленской земли воспитывали ея князей, какова долженствовала здѣсь быть нравственная среда, изъ которой они выносили идеалы и принципы своей послѣдующей дѣятельности. Все это весьма полно отразилось въ Мстиславѣ, какъ въ отцѣ, такъ и въ сынѣ, и характеръ и дѣятельность, принципы ихъ дѣятельности, могутъ быть поставлены въ строгое соотвѣтствіе съ физическими и нравственными условіями смоленскаго края и выводимы и объясняемы изъ этихъ условій.

Мы сказали, что Смоленскъ не могъ значительно усилиться на счетъ другихъ сосѣднихъ княжествъ. Если естественное распространеніе территоріальныхъ владѣній для государства, владѣющаго верховьями большихъ рѣкъ, должно слѣдовать внизъ по теченію этихъ рѣкъ, то Смоленскъ относительно физическихъ основъ возрастанія политическаго могущества находился въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Здѣсь уже было не просто обиліе естественныхъ средствъ, а избытокъ ихъ, переходившій въ невыгоду для владѣтелей этихъ земель. Занимая сравнительно не обширную территорію 2), на которой мы не имѣемъ основанія

1) Новг. 1. л. 1215 г.

2) Во времена удѣловъ смоленское княжество на сѣверо-за-

допускать очень густаго населенія, для тогдашняго времени смоленское княжество, слѣдуя пути, указанному природою, подвергалось опасности растянуться во всѣ стороны на неопредѣленно большое протяженіе и ослабить центральные пункты. Само собою разумѣется, что пріобрѣтеніе новыхъ земель не могло обходиться безъ борьбы съ сосѣдними владѣтелями; но понятно также, что для успѣха этой борьбы нужно было, кромѣ весьма значительныхъ матеріальныхъ средствъ и большихъ людскихъ силъ, присутствіе уже сильной и окрѣпшей политической власти, дружное дѣйствіе силъ, направляемыхъ одною волею. Не говоримъ уже о томъ, что сосѣдніе владѣтели западной окраины Россіи, полоцкіе князья, сами нуждались для своихъ земель въ русскомъ населеніи и дѣлали нападенія на русскія области между прочимъ съ цѣлію захватывать и переселять къ себѣ тамошнихъ жителей. Такимъ образомъ шаткость политическаго значенія смоленскаго княжества зависѣла съ одной стороны еще отъ того, что называютъ отсутствіемъ естественныхъ границъ для государства; на смоленскомъ княжествѣ въ малыхъ размѣрахъ мы видимъ примѣненіе того принципа территоріальныхъ

падѣ и сѣверо-востокѣ опредѣлялось верховьями Двины, Днѣпра и Волги. Верховье Двины,—это мѣстность между Велижемъ и Суражемъ (Велижъ былъ въ торопецкомъ уѣздѣ смоленскаго княжества), отдѣлявшая смоленское княжество отъ полоцкаго,—потомъ между Ловатью и Торопою, за которымъ начинались псковскія и новгородскія волости. Верховье Волги—мѣстность близъ Ржева, города тверскаго княжества. Верховье Днѣпра—пространство между бѣльскимъ и сычевскимъ уѣздомъ. Далѣе отъ Ржева шла восточная граница, сначала по притокамъ Волги: по верховью Москвы рѣки и по Протвѣ въ можайской области, принадлежавшей смоленскому княжеству,—потомъ, сдвигаясь нѣсколько къ западу, по Угрѣ и ниже между Сожею и Десною. На югѣ смоленское княжество примыкало къ черниговскому. Здѣсь крайнимъ предѣломъ его авторъ „исторіи Россіи“ (1, 17) полагаетъ впаденіе Прони въ Сожь; но за смоленскимъ княжествомъ упоминаются мѣстности гораздо далѣе Сожи: Пацини, Рогнѣдино, Сеславль; Сожь занимаетъ самую не значительную сѣверную оконечность рославскаго уѣзда. Поэтому на югѣ границъ нужно искать между Рославлемъ и Брянскомъ. На западѣ, смоленское княжество опредѣлялось теченіемъ Днѣпра по Оршу. Орша принадлежала уже минскому княжеству.—„Историко-статистич. описаніе смол. епархіи“. Стр. 1—3.

государственныхъ владѣній, который послѣ въ обширныхъ размѣрахъ имѣлъ вліяніе въ исторіи русскаго царства и имперіи.

Въ Смоленскѣ князья не пользовались весьма сильною властію, да едва ли она и могла принадлежать имъ. Весьма важно то обстоятельство, что смоленское княжество не только сплошь населено было славянскимъ племенемъ, (исключая горсти Голядей), но и окружено было славянскими же землями. Извѣстно, что борьба съ инородческимъ элементомъ, который вообще въ Россіи былъ по нравственнымъ качествамъ ниже славянскаго (финскія и монгольскія племена и другіе Азіаты), располагаетъ къ господству одного племени надъ другимъ и вызываетъ стремленіе къ сосредоточенію власти въ одномъ лицѣ. Суздальскіе князья стали самодержавными между прочимъ по той причинѣ, что русское населеніе въ суздальской области было не болѣе, какъ славянскою семьею въ инородческой странѣ—и естественно семьею господствующею, надъ которою возвысился, благодаря тѣмъ же благопріятнымъ условіямъ, т. е. малочисленности славянской семьи и превосходству ея въ нравственномъ отношеніи надъ финскими племенами, одинъ диктаторъ, суздальскій князь. Но въ Смоленскѣ понятіе свободы, всегда присущее славянскому племени и ярко обозначившееся въ вѣчевой жизни, которая пустила глубокіе корни въ народъ уже потому, что была древнѣе княжеской власти, естественно отчуждало всякое обнаруженіе властительскихъ притязаній, имѣвшихъ цѣлію сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ князя въ ущербъ народнымъ вольностямъ. Къ тому же служило и отсутствіе враждебнаго давленія отвнѣ; такое давленіе обнаружилось со стороны Литвы уже очень поздно, къ концу разсматриваемаго періода (особенно въ 13 вѣкѣ). Правда, что у Смоленска также происходила борьба съ другими княжествами, съ полоцкимъ княжествомъ, съ суздальскими и черниговскими князьями и т. д.; бывали нападенія на смоленскія волости: значитъ, было нѣкоторое давленіе на Смоленскъ отвнѣ, которое могло производить въ немъ централизацію, стремленіе къ сосредоточенію, къ усиленію княжеской власти. Но вникнемъ глубже въ дѣло: что было побужденіемъ къ этой борьбѣ? За немногими исключеніями;—княжескіе раздоры, притязанія князей на волости;

что—принципъ добыванія волостей, имѣвшій мѣсто въ междукняжескихъ отношеніяхъ. И такъ это не были народныя войны, а усобицы княжескія; здѣсь защищались не интересы народа, а честь князей; народъ, значитъ, оставался въ сторонѣ отъ этой борьбы. Онъ могъ стать за своего князя и идти за него войною; но могъ и не принимать участія въ усобицахъ, что дѣйствительно и бывало не разъ. Значитъ, въ этомъ случаѣ не народъ опирался на своего князя и ждалъ отъ него защиты и помощи, а въ большей части случаевъ князь опирался на народъ и нуждался въ содѣйствіи его для собственной безопасности и силы. Въ послѣдствіи, въ борьбу князей между собою вмѣшались цѣлыя области, стала обнаруживаться племенная рознь между различными частями Руси; населеніе смоленскаго княжества, подобно другимъ, принимало участіе во всѣхъ войнахъ своихъ князей. Но въ сущности принципъ княжеской власти отъ этого мало измѣнился; земщина оставалась также самостоятельною и имѣла даже свои полки, отдѣльно отъ княжеской дружины. И опять здѣсь важно то обстоятельство, что давленіе происходило отъ своихъ же людей, а не отъ иноземцевъ, борьба велась внутри страны и между русскимъ населеніемъ.

Итакъ мы видимъ, что ни топографическія, ни этнографическія условія не благопріятствовали усиленію власти смоленскихъ князей и подавленію этою властію народной свободы, какъ прежде видѣли, что тѣже вліянія помѣшали смоленскому княжеству пріобрѣсть первенствующее положеніе въ системѣ русскихъ княжествъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ пунктѣ Смоленскъ не заявилъ притязаній на значеніе въ русской исторіи, въ исторіи образованія русскаго государства.

Но Смоленскъ и не могъ выдѣлиться изъ государственнаго единства и стать особнякомъ, совершенно отдѣльною областію. Если условіемъ обособленія надобно считать нѣкоторую естественную замкнутость, отдѣльность княжества или государственнаго округа посредствомъ нѣкоторыхъ естественныхъ границъ, наприм. для округовъ на пространствѣ древней Россіи особенное положеніе рѣчной системы (не говоримъ объ этнографическихъ элементахъ, которые у смоленскихъ Кривичей могли быть отличные отъ другихъ; но и въ этомъ пунктѣ они ближе при-

мыкали къ общей жизни народа, потому что кривское племя было самое многочисленное и имѣло нѣсколько развѣтвленій связь между которыми долженствовала быть крѣпче, чѣмъ между отдѣльными племенами [1]), то для Смоленска, какъ мы видѣли, это было совершенно не возможно; водные пути притягивали его ко всѣмъ округамъ государства, и оторваться и стать отдѣльно отъ государства онъ не могъ. Смоленскъ тѣснѣе, непосредственнѣе жилъ общею русскою жизнію, чѣмъ какое нибудь другое русское княжество, долженъ былъ принимать и принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ всей Россіи; по этому же и во внутреннемъ своемъ устройствѣ онъ не могъ разниться съ общимъ устройствомъ племенъ на пространствѣ Россіи.

Итакъ Смоленское княжество открыто было для всесторонняго доступа. Смоленскіе князья должны были раздроблять и разтягивать свои силы по разнымъ направленіямъ, должны были бороться съ полоцкими князьями, которымъ лежалъ путь въ смоленскія владѣнія по западной Двинѣ, и держать Новгородъ въ зависимости отъ южныхъ князей, оберегать себя отъ властолюбивыхъ притязаній суздальскихъ владѣтелей и принимать участіе въ распряхъ ихъ съ южными князьями. Въ немъ не было мѣста сосредоточенію силъ, дружному дѣйствію ихъ въ одномъ какомъ нибудь направленіи, во имя одного какого нибудь политическаго принципа; но понятно, что при раздробленности и колебательномъ дѣйствіи силъ Смоленскъ не могъ достигнуть прочнаго положенія въ политической системѣ государства. Въ чемъ же обозначилась роль Смоленска въ исторіи государства Русского?

Намъ кажется, что значеніе Смоленска въ политическої

---

1) Дѣйствительно признаки племенной розни смоленскихъ кривичей обнаружились въ исторіи въ немногихъ только случаяхъ, наприм. въ разграбленіи Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, въ которомъ участвовали и Смолняне,—въ войнѣ Новгородцевъ и Смолнянъ съ Ярославомъ суздальскимъ, особенно въ намѣреніи ихъ сжечь Владиміръ. Воскресенскій лѣтописецъ приводитъ слѣдующій любопытный отзывъ Полочанъ о Смолнянахъ": не можемъ стати, говорятъ они, противу Новгородцомъ и Смолняномъ, и аще пустимъ ихъ въ свою землю, то миръ хотя съ ними будетъ, а зла много створя намъ и землю нашу пусту сотворятъ; но идемъ къ нимъ на рубежъ.—Воскр. л. 1186 г.

исторіи Россіи выступаетъ именно въ томъ пунктѣ, гдѣ яснѣе всего обнаруживается слабость и несостоятельность отдѣльнаго политическаго существованія смоленскаго княжества; именно это значеніе можно опредѣлить служеніемъ общему дѣлу государственности русской, но не въ смыслѣ споспѣшествованія государственной централизаціи, за которою болѣе или менѣе слѣдуетъ подавленіе народной свободы и автономіи отдѣльныхъ округовъ, а въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ значеніи принадлежности всѣхъ округовъ къ одному политическому цѣлому, которое есть Русская земля. Смоленскъ служилъ какъ бы переходною ступенью отъ совершенной особности отдѣльныхъ областей къ совершенному сліянію ихъ въ понятіи или въ идеѣ русскаго государства, какъ одинъ Русскій народъ, одна русская земля. Это очень полно выразилось въ дѣятельности обоихъ Мстиславовъ; но признаки этого можно примѣчать въ образѣ дѣйствій другихъ смоленскихъ князей, какъ мы указали ихъ въ лицѣ Ростислава Мстиславича. Подобно тому, какъ рѣки тянули Смоленскъ ко всей Руси, такъ смоленскіе князья сознательно или несознательно способствовали поддержанію связей между различными частями Руси.

Таково было, по нашему мнѣнію, значеніе Смоленска внутри Россіи; но близость его къ западной окраинѣ государства навязала ему другую задачу, по отношенію къ тамошнимъ инородцамъ, съ которыми Смоленскъ сообщался сначала чрезъ посредство полоцкихъ владѣній, пока тѣ не придвинулись къ самымъ границамъ смоленскаго княжества. И такъ мы представимъ здѣсь общую характеристику отношеній Смоленска къ западнымъ сосѣдямъ и по преимуществу къ полоцкому княжеству.

Съ землею полоцкихъ Кривичей или съ областію Западной Двины Смоленскъ имѣлъ постоянныя и самыя дѣятельныя сношенія въ продолженіи всей древней исторіи. Верхнее теченіе Западной Двины, соединяющей полоцкую область съ Балтійскимъ моремъ, не принадлежало къ владѣніямъ полочанъ; но такъ какъ послѣдніе естественно стремились къ обладанію всею Западно-Двинскою системою, то это и послужило поводомъ ко враждебнымъ столкновеніямъ полоцкихъ князей съ смоленскими. Послѣдніе уже по той причинѣ не могли отказаться отъ исто-

ковъ Двины, что верхнее теченіе ея было продолженіемъ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; значитъ, уступая Двину во владѣніе полоцкихъ князей, враждебныхъ Ярославичамъ Русскимъ, Смоленскъ чрезъ это самое устранялъ бы себя отъ непосредственнаго участія въ сѣверно-русской торговлѣ, отъ котораго онъ не могъ отказаться, не рискуя экономическимъ упадкомъ своего края. Но владѣя верховьями Двины, Смоленскъ также естественно стремился къ расширенію своихъ владѣній внизъ по теченію этой рѣки, которая имѣла ту несомнѣнную выгоду, что непосредственно соединяла Смоленскъ съ Балтійскимъ моремъ и слѣдов. съ западною Европою. По этому пути столкновенія уже должны были происходить не съ одними Полочанами, но и съ Латышскими и Финскими племенами, прилегавшими къ среднему и нижнему теченію Западной Двины. По всему видно, что этотъ путь къ берегамъ Балтійскаго моря для соединенія съ Западною Европою и особенно въ югозападномъ направленіи отъ смоленскаго княжества не былъ безъизвѣстенъ смоленскимъ Кривичамъ съ очень давняго времени, что они еще въ доисторическій періодъ начали движеніе на западъ чрезъ земли Литовцевъ, и что это движеніе, соединенное съ колонизаціею и, вѣроятно, съ торговлею въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда только достигало ихъ вліяніе, совершалось вмѣстѣ и Полочанами и Кривичами. Но съ того времени, какъ образовалось отдѣльное полоцкое княжество, которое стало во враждебныя отношенія ко всему роду Ярославичей Русскихъ, непосредственныя отношенія Смоленска къ западнымъ инородцамъ прекратились. Такимъ образомъ задача борьбы съ иногородческимъ элементомъ пала на одно полоцкое княжество. Естественно ожидать, что результатъ его обособленнаго вліянія на инородцевъ будетъ слабѣе, чѣмъ результатъ совокупной дѣятельности всѣхъ Кривичей, жившихъ въ полоцкихъ и смоленскихъ владѣніяхъ. Но полоцкое княжество, отдѣлившись отъ остальной Руси и чрезъ это самое ослабивши свои силы для борьбы съ инородческимъ элементомъ, съ самаго начала, какъ мы сказали, приняло фальшивую политику: вмѣсто того, чтобы дѣйствовать за одно съ сосѣдними славянскими областями, оно становится во враждебное къ нимъ отношеніе, и вмѣсто сосредоточенія своихъ силъ на подчиненіе инородцевъ, раздробляетъ и тратитъ эти силы на безплодную и па-

убную борьбу съ русскими княжествами. Въ этомъ случаѣ уже е русскія силы содѣйствуютъ Русскимъ къ подчиненію инородческаго элемента, но иноземная сила Литовская въ союзѣ съ полоцкими князьями дѣйствуетъ противъ соплеменниковъ ихъ, князей остальной Руси противъ русской земли. Слѣдствія этого не замедлили обнаружиться. Когда во второй половинѣ XII вѣка отъ устьевъ Двины начинается движеніе нѣмецкаго племени; то полоцкіе князья, запутанные въ собственные споры, слабые и раздробленные, не въ силахъ были воспрепятствовать наплыву нѣмцевъ и латынскихъ пропагандистовъ въ русскія владѣнія. Нѣмцы сначала отрываютъ отъ полоцкихъ владѣній устье Двины, а потомъ овладѣваютъ и всею Лифляндіею, которая была въ зависимости отъ великихъ князей полоцкихъ и платила имъ дань.

Но въ то время, когда Полоцкъ, угрожаемый съ одной стороны Нѣмцами, а съ другой Литвою, имъ же самимъ выдвинутою, приближался къ своему національному и политическому паденію, исторія передаетъ задачу его другимъ русскимъ областямъ и между ними-ближайшему сосѣду, смоленскому княжеству. Такимъ образомъ Смоленскъ, къ концу разсматриваемаго періода, становится на стражѣ русскихъ интересовъ противъ наплыва западныхъ иноплеменниковъ и вступаетъ въ борьбу съ ними. Такъ какъ при этомъ онъ никогда не разрывалъ своихъ связей съ остальною Русью, то естественно надобно бы ожидать, что это дѣло, т. е. обрусѣніе западной окраины Россіи, пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ оно шло въ рукахъ полоцкихъ князей.

Но Смоленскъ вступаетъ въ борьбу съ западными иноплеменниками уже при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ какія были для Полоцка. Правда, что вліяніе славянскаго населенія въ странѣ латышскихъ и финскихъ племенъ въ теченіи не одного столѣтія принесло свои плоды, такъ что край этотъ въ XIII вѣкѣ былъ близокъ къ совершенному обрусѣнію, къ полному сліянію инородческаго элемента съ коренною славянорусскою національностію; но, какъ мы сказали, Литва къ этому времени успѣла выдвинуться изъ среды собственно русскаго населенія въ краѣ, усилиться на счетъ полоцкихъ владѣній и начать наступательное движеніе на востокъ, на собственно русскія земли. Значитъ, для борьбы съ нею потребовались новыя, зна-

чительнѣйшія силы, чѣмъ прежде. Но этого мало: съ запада, отъ устья Двины, на встрѣчу движенію славяно-русскаго племени началось новое движеніе, также враждебное Русскимъ, движеніе латино-германскаго племени; такимъ образомъ дѣла въ этомъ краѣ усложнились еще болѣе. Двинская система теперь подѣлена была между тремя владѣтелями: смоленскими князьями, которымъ принадлежало верховье Двины, литовско-полоцкими князьями, по среднему теченію ея и нѣмецкими владѣтелями, захватившими устье рѣки. Борьба между этими разнородными элементами въ краѣ была неизбѣжна. Но Смоленску предстояло сначала подчинить себѣ полоцкихъ владѣтелей, чтобы вмѣстѣ съ ними успѣшнѣе дѣйствовать на Литву и Нѣмцевъ. Онъ достигъ послѣдняго, какъ мы видѣли: въ 1229 г. полоцкій и витебскій князья являются подручными смоленскому князю.

Но исторія не судила Смоленску довести до конца борьбу русскаго вліянія на западныхъ границахъ государства съ иноземными: Русская земля въ это время внутри себя представляла исторію смутъ и борьбы между двумя половинами ея сѣверовосточною и югозападною за принципъ самодержавной власти, такъ что Смоленскъ долженъ былъ разомъ участвовать и въ войнахъ русскихъ князей однихъ съ другими, и отбиваться отъ западнаго иноземнаго давленія, къ которому наконецъ присоединилось новое сильнѣйшее давленіе со стороны Татаръ, и заслонило собою всякіе другіе политическіе и національные интересы. Такимъ образомъ и Смоленскъ въ концѣ концевъ не успѣлъ совершить того, что требовалось для пользы русской исторіи въ отношеніи къ западнымъ окраинамъ Россіи; но историческая заслуга его въ борьбѣ съ западными иноземцами едва ли можетъ быть заподозрѣваема. Извѣстно также, что только неблагопріятныя историческія условія, на которыя мы указали, воспрепятствовали тогда же исполниться тому, что совершила Россія, спустя пять вѣковъ, овладѣвши берегами Балтійскаго моря и всѣмъ теченіемъ Двины: значитъ, задача была только отсрочена, замедлилось осуществленіе ея, но не потеряла своего значенія для исторіи русской.

III.

ОПИСАНІЕ ДѢЛЪ,

хранящихся въ архивѣ виленскаго генералъ-губернаторства. Составилъ Андрей Энгель.

Томъ I-й, часть 1-я 1783-1791 г.) и часть 2-я 1791-1794 г.).

Нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что дѣятельность по части изданія историческихъ матеріаловъ развивается въ Вильнѣ съ каждымъ годомъ. Въ нынѣшнемъ 1870 году, Вильна уже успѣла подарить насъ четырьмя томами такихъ матеріаловъ: два изъ нихъ изданы временнымъ комитетомъ, существующимъ при Вил. учебномъ округѣ, одинъ — Виленскою археографическою коммисіей, и, наконецъ, такъ недавно явилась въ свѣтъ вторая часть (1-го тома) трудовъ г. Энгеля, подъ заглавіемъ: „Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства.“ Такъ какъ и первая часть этого тома, вышедшая въ прошедшемъ году, не была, кажется, разобрана въ мѣстномъ органѣ, то мы постараемся, насколько можно, поправить этотъ промахъ, т. е. дадимъ отчетъ относительно изданія и содержанія обѣихъ частей этого достойнаго и въ высшей степени полезнаго труда г. Энгеля. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ напередъ оговориться предъ читателемъ, что нашъ разборъ не будетъ ни обстоятеленъ, ни подробенъ, частію потому, что для полной оцѣнки документовъ, изданныхъ г. Энгелемъ, необходимо спеціальное знакомство съ военной исторіей и военными науками вообще,—а эта область, признаемся, чужда намъ.

Необходимость подобныхъ изданій не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ какъ аргументируетъ ее самъ г. Энгель, въ своемъ

введеніи: „Исторія с.-западнаго края, со времени возвращенія его къ Русской Имперіи, весьма мало извѣстна; нельзя же придавать значенія историческаго тѣмъ исхищреннымъ и вымышленнымъ даннымъ, коими переполнены многочисленныя памфлетическія сочиненія польской плодовитой литературы“... На всѣ эти памфлеты и вымыслы, за весьма малыми исключеніями, доселѣ не было отвѣта съ русской стороны. Назвавъ такое молчаніе „въ свое время краснорѣчивымъ и полнымъ достоинства молчаніемъ великой державы, вполнѣ сознающей правоту и необходимость своихъ политическихъ дѣйствій,“ издатель считаетъ его нынѣ уже неумѣстнымъ и затѣмъ продолжаетъ такъ: „настало время серьезно заняться исторіей здѣшняго края за послѣднія три четверти столѣтія, чтобы *изъ недавняго прошедшаго вывести полезныя заключенія для будущаго упроченія благосостоянія этого края, природою столь счастливо одареннаго, но вполнѣ разореннаго,* вслѣдствіе вѣковаго порабощенія подъ иго магнатовъ и рѣчи посполитой, со всей ея неурядицей.“ Рѣшительно не соглашаясь съ издателемъ, чтобы для блага края и всей Россіи было полезно столь долговременное молчаніе о самомъ жгучемъ и, безъ преувеличенія можно сказать—роковомъ государственномъ вопросѣ, мы вполнѣ раздѣляемъ его мнѣніе о цѣли серьезнаго занятія здѣшней исторіей. Дѣйствительно, если бы наши государственные дѣятели внимательнѣе изучали исторію и охотнѣе прислушивались къ ея урокамъ, къ урокамъ здѣшней исторіи, то край, „столь счастливо одаренный“, не остался бы „вполнѣ разореннымъ“ доселѣ, и вся остальная Россія не приносила бы для его успокоенія такихъ громадныхъ пожертвованій, на какія она была обречена до послѣдняго времени.

Источникъ, изъ котораго г. Энгель почерпалъ свои матеріалы,—есть архивъ Виленскаго генералъ-губернатора, въ коемъ хранятся дѣла, относящіяся собственно къ с.-западному краю, начиная со времени назначенія литовскимъ генералъ-губернаторомъ князя Николая Васильевича Репнина, (т. е. съ 30-го октября 1794 года), хотя тамъ и

найдено издателемъ нѣсколько дѣлъ еще съ 1783 года, касающихся, по преимуществу, прежней военной дѣятельности князя въ Турціи и административной—въ Ригѣ. Нынѣ изданныя двѣ части 1-го тома доводятъ „Описаніе" только до перваго года управленія князя Репнина литовской Русью; отсюда уже не трудно заключить, сколько еще драгоцѣннаго матеріала остается въ архивѣ для дальнѣйшаго печатанія, и если обстоятельства позволятъ г. Энгелю продолжать его изданіе такъ, какъ онъ началъ, то мы въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть въ рукахъ богатѣйшій источникъ для изученія исторіи, не только западной, но и всей Россіи, въ концѣ прошлаго и въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія.

При разработкѣ и печатаніи дѣлъ архива, издатель преслѣдуетъ двѣ цѣли: административную и ученую, чтобы его „Описаніе" служило съ одной стороны точною справочною книгою о дѣлахъ административныхъ, нахоядщихся въ архивѣ, а съ другой—полнымъ сборникомъ всѣхъ переписокъ и дѣлъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи; вслѣдствіе этой двойственности цѣли, издатель, при описаніи дѣлъ, неодинаково относится къ нимъ; дѣла, могущія имѣть значеніе въ административномъ отношеніи, излагаются имъ кратко; краткость эта иногда простирается до изложенія одного заголовка дѣла. Что же касается до актовъ, имѣющихъ историческое значеніе и до переписки между государственными лицами, то они предлагаются или въ полной копіи, или во извлеченіяхъ, иногда краткихъ, а иногда подробныхъ, смотря по степени важности содержанія этихъ документовъ для исторіи. Иногда въ „Описаніи" встрѣчаются документы, уже прежде напечатанные; въ такомъ случаѣ, въ настоящемъ изданіи дѣлается сличеніе и указывается разница въ текстахъ. При встрѣчѣ какого-либо историческаго имени, въ „Описаніи" указываются сочиненія, изъ коихъ можно почерпнуть объ этомъ лицѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія. Впрочемъ, этотъ самъ по себѣ прекрасный, пріемъ выдержанъ далеко не вездѣ и не въ томъ широкомъ объемѣ, какъ бы это требовалось отъ ученаго изданія, и мы не посѣтуемъ на издателя,

если онъ при дальнѣйшемъ изданіи „Описанія“, уклонится отъ исполненія этого пріема въ его настоящемъ видѣ. Точно также, „Описаніе“, по нашему крайнему убѣжденію, скорѣе выиграло бы, чѣмъ потеряло бы, если бы описаніе дѣлъ, могущихъ имѣть значеніе только въ административномъ отношеніи, было какъ можно болѣе ограничено, если не совсѣмъ исключено. Справочною книгою для администраціи настоящее „Описаніе“ едва ли сдѣлается, а историческій интересъ его значительно слабѣетъ отъ наполненія этихъ, кромѣ администраціи, ни для кого неважныхъ дѣлъ, особенно при такихъ сухихъ и краткихъ извлеченіяхъ изъ нихъ. Притомъ же, помѣщеніе всѣхъ дѣлъ этого рода, а равно перепечатаніе изъ польскаго собранія законовъ Высочайшихъ указовъ, хотя бы и относящихся до исторіи здѣшняго края грозитъ увеличить объемъ изданія до громадныхъ размѣровъ,—что можетъ подвергнуть это прекрасное дѣло опасности быть не конченнымъ.

Помимо этихъ неудобствъ, а равно нѣкоторыхъ опечатокъ и недостатковъ въ пунктуаціи, первый томъ изданія „Описанія“ представляется вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію. Въ концѣ его приложены: 1) алфавитный указатель личныхъ именъ; 2) такой же указатель географическихъ названій, встрѣчающихся въ 1-мъ томѣ собранія писемъ и документовъ 1794 года и относящихся до возстанія въ Польшѣ; и 3) оглавленіе документовъ по картонамъ и годамъ, не слишкомъ, впрочемъ, подробное. Всѣ эти прибавленія очень облегчаютъ читателю знакомство съ самымъ содержаніемъ „Описенія“. Шрифтъ изданія четкій и на хорошей бѣлой бумагѣ.

Содержаніе двухъ нынѣ вышедшихъ выпусковъ, составляющихъ первый томъ „Описанія архива генералъ-губернатора“, касается, главнымъ образомъ, двухъ важнѣйшихъ моментовъ изъ исторіи Россіи конца истекшаго столѣтія: второй турецкой войны и польскаго возстанія 1794 года. Документы перваго рода, которыхъ сравнительно немного, попали въ виленскій генералъ-губернаторскій архивъ довольно случайно: вѣроятно, князь Репнинъ, участвовавшій во второмъ турецкомъ походѣ (1788—1791 г.), и затѣмъ (1793),

бывшій эстляндскимъ и лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, послѣ своего назначенія на такую же должность въ Вильну, привезъ сюда съ собою нѣкоторыя изъ бумагъ, оставшихся отъ его первой служебной дѣятельности и касавшихся нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Въ этомъ отношеніи замѣчательны: а) Реестръ повелѣніямъ его свѣтлости, главнокомандующаго екатеринославскою арміей, князя Потемкина, посланнымъ къ генералу и кавалеру князю Репнину, въ правленіе его сіятельствомъ оной арміи первою дивизіей; б) Административныя и особенно секретныя и собственоручныя письма князя Потемкина къ князю Репнину за 1788, 1789 и 1790 г.; в) Подлинные рапорты Репнина къ князю Потемкину Таврическому; г) Расположеніе генеральной аттаки на крѣпость Очаковъ, объявленное при особомъ приказѣ Потемкина; д) Приказъ князя Репнина по своей командѣ, отъ 4-го декабря, о генеральномъ расположеніи его отряда для аттаки Гасанъ-Баши; е) Исходящій журналъ князя Репнина, по части военной (секретной), съ 27 апрѣля по 18 іюня 1789 года и за цѣлый 1791 годъ; ж) Журналъ его же переписки съ генералъ-маіоромъ Голенищевымъ-Кутузовыхъ и другими лицами и проч. Для ближайшаго знакомства съ содержаніемъ этого интереснаго матеріала, касающагося по преимуществу турецкой войны, мы отсылаемъ читателя къ подлинному изданію. Замѣтимъ только, что переписка Потемкина еще разъ подтверждаетъ, что князь Тавриды, неодаренный талантами полководца, былъ отличнымъ администраторомъ по организаціи и хозяйству войскъ. Онъ входилъ, какъ видно изъ писемъ, въ мельчайшія подробности по военной части и много заботился о сохраненіи здоровья солдатъ, и между прочимъ, объ ограниченіи произвола въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Отсюда же видно, что главнокомандующій екатеринославскою арміей сильно давалъ чувствовать своимъ подчиненнымъ генераламъ, особенно наиболѣе достойнымъ, тягость своего командованія. Какъ бы въ противоположность этой чертѣ характера Потемкина, письма князя Репнина рисуютъ предъ нами отношенія этого вельможи екатерининскихъ временъ къ под-

чиненнымъ совершенно въ иномъ видѣ. Послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, Репнинъ вступаетъ въ командованіе Екатеринославской арміей и даже его официальная переписка въ это время съ Кутузовымъ, Голицинымъ, Волконскимъ, де-Рибасомъ и другими начальниками отдѣльныхъ частей войска отличается мягкимъ, даже дружескимъ тономъ, чего напрасно мы стали бы искать въ ордерахъ, предписаніяхъ и приказаніяхъ его предмѣстника. Отсюда же мы видимъ, какъ, съ перемѣной главнокомандующаго, измѣняется характеръ самой войны; колебаніе, вялость и крайняя осторожность уступаютъ мѣсто быстротѣ, энергіи и рѣшительности въ военныхъ дѣйствіяхъ. Точно отъѣздъ великолѣпнаго князя Тавриды развязалъ всѣмъ руки и далъ возможность Россіи разомъ кончить съ успѣхомъ затянувшуюся войну. Для такихъ героевъ, какъ Суворовъ, которому мы, главнымъ образомъ, обязаны счастливыми результатами этой войны, нуженъ былъ именно такой главнокомандующій, какъ князь Репнинъ, а не Потемкинъ. Этими краткими замѣчаніями мы принуждены закончить наше изложеніе содержанія документовъ, касающихся второй турецкой войны.

Почти двѣ трети втораго выпуска „Описанія" (съ 613-й до 984-й стр.) наполнены оффиціальными бумагами, секретными рапортами и письмами, касающимися польской революціи 1794 года и нашихъ военныхъ дѣйствій въ эту пору въ Литвѣ и Польшѣ. Большая часть этихъ бумагъ адресована на имя князя Репнина лицами, принимавшими непосредственное участіе въ подавленіи возстанія и нерѣдко сообщавшими ему извѣстія прямо изъ военныхъ лагерей и съ самаго поля битвъ. Сверхъ этого, въ томъ же отдѣлѣ находится довольно значительная переписка между собою командировъ разныхъ частей дѣйствовавшей тогда здѣсь русской арміи. Она касается того же предмета и носитъ тотъ же характеръ, какъ и бумаги на имя князя Репнина. Наконецъ, въ томъ же выпускѣ помѣщены разныя деклараціи и воззванія польскихъ революціонныхъ вождей и трибуналовъ къ войскамъ и народу. Все это представляетъ намъ живую, хотя и недоконченную карти-

ну тогдашнихъ событій въ областяхъ рѣчи посполитой. Напечатанные въ настоящемъ выпускѣ „Описанія“ документы обнимаютъ время отъ января 1794 года до половины мая того же года; слѣдовательно, далеко не весь періодъ возстанія, начавшагося въ первыхъ числахъ апрѣля, а только первые его моменты. Впрочемъ, продолженіе изданія дальнѣйшихъ документовъ, относящихся къ той важной эпохѣ русской исторіи, обѣщано въ слѣдующемъ томѣ, котораго мы и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ.

Напечатанные же документы между прочимъ говорятъ, что мы, русскіе, еще въ началѣ 1794 г. снова не предчувствовали революціи, спустя три мѣсяца вспыхнувшей въ Польшѣ и Литвѣ. Еще въ январѣ мы думали объ уменьшеніи нашихъ войскъ въ областяхъ рѣчи посполитой, какъ видно изъ рапорта графа Салтыкова къ князю Репнину, бывшему тогда Эстляндскимъ генералъ-губернеторомъ (смотр. стр. 614). Но уже въ концѣ февраля, нашъ полномочный министръ въ Варшавѣ, баронъ О. А. Игельстромъ [1]), пишетъ къ тому же Репнину: „Сіятельнѣйшій князь, м. г.! Стороною дошли до меня извѣстія, что появились въ Литвѣ нѣкоторые слѣды заговора, клонящагося къ возмущенію здѣшняго края“.... Поэтому „я предписалъ во всѣ части войскъ моего начальства, по Польщѣ и Литвѣ расположенныхъ, устремлять наиприлежнѣйшее наблюденіе на всѣ поступки здѣшнихъ обывателей.“—Чтобы удостовѣриться въ правдивости вышеупомянутыхъ извѣстій, Игельстромъ отправилъ въ Вильну одного поляка „конфидента.“ „По увѣренію сего конфидента,“ продолжаетъ онъ, „дѣйствительно кроются тамъ нѣкоторые признаки заговора, и общество, къ возмущенію склонное, составляетъ не малое число людей, также, что есть въ немъ постановленіе особымъ знакамъ, по коимъ состоящіе въ семъ обществѣ могутъ познавать другъ друга... и что партія сія имѣетъ сообщниковъ даже въ Курляндіи и Лифляндіи“ (стр. 625—627). Спустя недѣлю (5-го марта) послѣ это-

1) Онъ же былъ и главнокомандующимъ русскихъ войскъ, въ Польшѣ расположенныхъ.

го, мы находимъ секретное сообщеніе того же Игельстрома къ Репнину, изъ котораго видно, что слухи о подготовленіи возстанія уже начинаютъ переходить въ область фактовъ." „По случаю наступившей польскимъ войскамъ реформы",—пишетъ онъ „лишь только дошло объ ономъ отъ здѣшней военной коммиссіи повелѣніе въ бригаду народной кавалеріи начальства бригадира Мадалинскаго, бригада сія явнымъ образомъ повелѣнію сему воспротивилась." Самъ Мадалинскій отвѣчалъ коммиссіи, что они должны искать себѣ пристанища на чужой сторонѣ, такъ какъ отечество отвергаетъ ихъ,—и направился съ своимъ отрядомъ къ границамъ Пруссіи.— Замыслы же его, по замѣчанію Игельстрома. клонятся къ тому, чтобы начать здѣсь революцію, подобную французской... Чернь по всѣмъ шинкамъ, здѣсь въ Варшавѣ, о томъ только теперь и твердитъ. Знатные же, всѣ вообще, поступками бригадира Мадалинскаго крайне недовольны" (стр. 629—630). Въ началѣ апрѣля уже сдѣлалось яснымъ, что революція обхватываетъ нетолько всю Польшу, но и Литву. Мадалинскій, по новому донесенію нашего посла (стр. 643—646), совершивъ разныя злодѣйства и насилія на прусской границѣ, перешелъ въ Краковское воеводство и, присоединивъ къ себѣ расположенныя тамъ польскія войска, устремился къ Кракову. Между тѣмъ, еще въ мартѣ 13-го (24-го) числа явился въ Краковъ „польскій генералъ Костюшко и, провозгласивъ себя главнымъ начальникомъ силъ народа, возвѣстилъ тамъ вольность по подобію французской революціи и... издалъ ко всему народу и войску польскому манифесты и актъ возстанія, наполненные пагубными правилами нынѣшняго ученія французовъ." „По всей необходимости", говоритъ Игельстромъ, „собралъ я войска моего начальства, отрядилъ корпусъ оныхъ къ Кракову, и другой собралъ и содержу въ Варшавѣ, ибо между тѣмъ открылъ я, что въ ономъ крылся весьма немалый заговоръ, составленный изъ сообщниковъ разнаго рода и состоянія, на возженіе во всемъ здѣшнемъ краю мятежнаго огня и на введеніе въ оный пагубной системы якубинцевъ, что Варшава назначена была мѣстомъ, гдѣ положено было перво-

начально открыть сію революцію и что готовность сего мѣста къ тому явно ознаменовываютъ теперь нахальство и грубость его жителей. И если еще держится въ ономъ спокойствіе, такъ единственно потому, что есть теперь здѣсь войска, устрашающія городъ приступить къ предпріемлемому возмущенію."

Питая еще надежду на поддержаніе спокойствія въ Варшавѣ при помощи русскихъ войскъ, Игельстромъ въ томъ же письмѣ къ Репнину выражаетъ сильное опасеніе за Литву и Жмудь. „Изъ нынѣ полученныхъ мною бумагъ, вы, м. г., пишетъ онъ, увидѣть изволите, что во всей Жмудіи пламя мятежа уже готово къ открытію, и безсомнѣнно на сихъ же дняхъ въ явномъ видѣ оное обнаружится. Въ Литвѣ имѣю я весьма мало начальства моего войскъ. Гродна и Вильна нѣсколько оными заняты; въ Ковнѣ же остались только двѣ роты пѣхоты и эскадронъ карабинеръ и затѣмъ по всей Жмудіи нигдѣ ни души россійскаго войска нѣтъ. Прусскія войска здѣсь (т. е. соб. въ Польшѣ) малочисленны, а тамъ и совсѣмъ ихъ также нѣтъ." Въ такомъ видѣ сообщалъ Игельстромъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ отъ 3-го апрѣля, прося Репнина отдѣлить изъ подъ его команды нѣсколько полковъ для занятія Литвы и Жмуди. Но вѣроятно еще прежде, чѣмъ это увѣдомленіе дошло по назначенію, страшная катастрофа разразилась надъ Игельстромомъ тамъ, гдѣ онъ менѣе всего ожидалъ ея: 6-го апрѣля, въ 5-ть часовъ по полуночи, въ Варшавѣ вспыхнулъ страшный бунтъ и нашъ полномочный министръ, послѣ кровопролитнаго боя съ мятежными силами, едва успѣлъ самъ спастись отъ плѣна и вывести изъ Варшавы часть русскихъ войскъ, избѣгнувшихъ побоища. Подробное донесеніе Игельстрома объ этомъ дѣлѣ на имя императрицы помѣщено въ самомъ „Описаніи", на стр. 670—678.

„Макрановскій, писалъ Игельстромъ, отъ 9-го апрѣля, императрицѣ, явился главнокомандующимъ возмущенными войсками, однакожъ съ зависимостію (отъ) короля". Затѣмъ перечисливъ польскихъ вельможъ, оставшихся вѣрными Россіи, Игельстромъ продолжаетъ: „Бунтъ во всѣхъ частяхъ города возгорѣлъ единовременно: польскія войска прежде

всего заняли цейхгаузъ и королевскій замокъ. Овладѣвъ цейхгаузомъ, они открыли его и выдали изъ него пушки и множество разнаго оружія, коимъ вооружилась чернь. Батальоны русскихъ войскъ въ Варшавѣ были расположены въ осьми частяхъ города. Многочисленныя толпы мятежниковъ устремились вдругъ на всѣ тѣ мѣста, которы были назначены сборными для войскъ в. и. величества на случай тревоги, и, по такому ко всѣмъ онымъ мѣстамъ порыву и приступу, каждый батальонъ принужденъ былъ особенно сражаться 'на своемъ сборномъ мѣстѣ, а соединеніе было совсѣмъ отрѣзано.

„Продолжая сраженіе, говоритъ онъ далѣе, я ласкалъ себя все еще надеждою, что которому ни есть батальону удастся подойти ко мнѣ на подкрѣпленіе, или что прусскія войска, подъ самымъ городомъ стоявшія, преподадутъ мнѣ оное. Игельстромъ не дождался ни съ какой стороны помощи, и потому, отвергнувъ многократныя „постыдныя предложенія мятежниковъ положить оружіе и сдаться плѣннымъ", рѣшился наконецъ пробиться чрезъ толпы бунтовщиковъ до края города. „Сіе предпріятіе, говоритъ Игельстромъ, сколько отчаянное, но столько-же необходимое, удалось мнѣ: я прорвался за городъ и, соединясь съ прусскими войсками вчерашняго дня вечеромъ, обще съ ними дошелъ до Закрочина, гдѣ и остановился на нынѣшній день." Затѣмъ, Игельстромъ, упомянувъ о вышедшихъ съ нимъ изъ Варшавы генералъ-поручикѣ Апраксинѣ, генералъ-маіорахъ Писторѣ и графѣ Зубовѣ и объ оставшихся при немъ въ живыхъ 500 нижнихъ чинахъ изъ двухъ цѣлыхъ батальоновъ, одного эскадрона и конвойной команды,—продолжаетъ такъ: „что послѣдовало съ другими, бывшими въ Варшавѣ семью батальонами гренадеръ и егерей, пятью эскадронами Харьковскаго легко коннаго полка и съ орудіями полѣвой артиллеріи, по краямъ города стоявшими, о томъ до сего часа я не имѣю достовѣрнаго свѣдѣнія. Изъ постороннихъ показаній, между разговоровъ, вѣдаю лишь, что по жесточайшемъ же сопротивленіи частію они побиты, частію въ плѣнъ взяты." Далѣе онъ пересчитываетъ число русскихъ войскъ, находившихся тогда въ Польшѣ и

Литвѣ, указываетъ мѣстности, гдѣ какія войска расположены и гдѣ ихъ недостаетъ, и затѣмъ продолжаетъ: „Какъ же и имъ открылось, что всѣмъ настоящимъ смятеніямъ въ Польшѣ король глава, то теперь безсомнѣнно и ожидать слѣдуетъ, что скоро и въ Литвѣ начнется революція, въ коей, по приглашенію возмутителя Костюшки, чрезъ манифесты и актъ возстанія..... не только войска и дворянство, но и мѣщане и поселяне будутъ участвовать и дѣйствовать всѣ вообще военною рукою.“ Настаивая предъ императрицей на необходимости увеличенія военныхъ силъ въ Польшѣ для энергическаго приведенія „мятежниковъ къ спокойствію и въ повиновеніе“, Игельстромъ излагаетъ предъ нею планъ своихъ дальнѣйшихъ операцій до тѣхъ поръ, пока ожидаемыя подкрѣпленія откроютъ ему возможность къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и заключаетъ всеподданнѣйшее донесеніе слѣдующими словами: „Все, бывшее въ моемъ домѣ, досталось мятежникамъ въ добычу, кромѣ в. и. величества именныхъ рескриптовъ, данныхъ мнѣ и моему предмѣстнику, д. т. с. Сиверсу, между прочими и полученная имъ при отправленіи сюда секретная инструкція; также генералъ-фельдцейхместера, графа П. А. Зубова, кои всѣ сожжены находящимся при мнѣ у исправленія дѣлъ подполковникомъ Фризелемъ, когда онъ увидѣлъ, что не только мой домъ, но и всѣ войска были близки (къ) гибели.“

Возстаніе въ Варшавѣ вскорѣ отозвалось и въ Литвѣ. 12-го апрѣля оно вспыхнуло въ Вильнѣ. Небольшой отрядъ стоявшихъ здѣсь русскихъ войскъ, застигнутый врасплохъ, частію принужденъ былъ очистить Вильну. Вотъ какъ описываетъ подполковникъ Левизъ это возстаніе, въ своемъ секретномъ рапортѣ генералъ-маіору Лукашевичу: „12-го апрѣля, въ 1-мъ часу по полуночи, находящіяся въ Вильнѣ польскія войска и великое число конфедератовъ здѣлали нечаянное нападеніе на стоящихъ въ караулѣ Нарвскаго пѣхотнаго полка 270 человѣкъ, которые хотя, какъ по оружейной стрѣльбѣ надобно было судить, три часа оборонялись однако всѣ взяты въ полонъ съ двумя шестифунтовыми орудіями. Въ тоже время арестовали:

великаго гетмана, графа Коссаковскаго, нашего генералъ-маіора и кавалера, Николая Дмитріевича Арсеньева, полковника Псковскаго полка Языкова, подполковника и коменданта Ребока" и др. (702 стр.) Левизъ, стоявшій съ своимъ батальономъ въ 12-ти верстахъ отъ Вильны, при вѣсти „о сей тревогѣ", поспѣшилъ-было со стороны Виліи на помощь русскому войску, но такъ какъ „поляки въ самомъ началѣ тревоги отрубили канатъ у парома, на рѣкѣ Виліѣ, то и невозможно было съ этой стороны идти въ городъ на сикурсъ, хотя наши солдаты сильную перепалку имѣли съ ними чрезъ рѣку." Эта помощь оказалась невозможною и потому, что наша артиллерія, находившаяся въ Вильнѣ, подъ начальствомъ капитана Тучкова, въ день возстанія отступила въ противоположную отъ Виліи сторону на Погулянку, откуда Тучковъ, нанесши много вреда мятежникамъ, направился къ Гроднѣ. „Узнавъ, говоритъ Левизъ, что непріятель несоразмѣрно сильнѣе былъ и не было надежды, хотя бы съ великимъ урономъ, взять сильною рукою городъ, ибо тамъ находится, кромѣ конфедератовъ, три полка пѣхотные и пинская бригада кавалеріи, рѣшился я ретироваться въ Нѣменчину, въ 18 верстахъ отъ Вильны, гдѣ переправился чрезъ Вилію и теперь ожидаю подкрѣпленія или повелѣнія куда, въ другое мѣсто идти". Стр. 702—703 отъ 14-го апрѣля). Месть Виленскихъ мятежниковъ, опьяненныхъ первыми успѣхами, обрушилась прежде всего на графа Коссаковскаго. 18-го апрѣля они нарядили надъ нимъ свой уголовный судъ. Судъ обвинилъ его въ 1) въ томъ, что онъ, Симонъ Корвинъ-Коссаковской, „вступилъ съ россійскимъ войскомъ, яко генералъ, частью того же войска командующій, въ предѣлы рѣчи посполитой и, бывъ въ единомысліи съ Тарговицкимъ бунтомъ, по интригамъ и усилію двора заграничнаго, употребилъ на опровержение народной конституціи тожъ самое насиліе"; 2) что „будучи подкрѣпляемъ силою непріятельскаго оружія въ городѣ Вильнѣ, титулъ польнаго гетмана литовскаго, который тогда конституціею уничтоженъ былъ, какъ бы по волѣ народной, безчестно себѣ присвоилъ и, соединя достоинство польной булавы съ генеральскимъ рос-

сійскимъ чиномъ, опустошилъ литовскія земли"; 8) „забралъ въ свою надобность деньги изъ публичной казны и изъ войсковыхъ суммъ." Поэтому, „уголовный судъ, вышеупомянутаго Семена Коссаковскаго, признавая недостойнымъ чести, доброй славы и жизни, яко измѣнника отечества, приговариваетъ къ смертной на висѣлицѣ казни, а имѣніе его отписать въ казну рѣчи посполитой." Подписали приговоръ: Доминикъ Нарбутъ, Каэтанъ Нагурскій, Тадеушъ Высогердъ, Самуель Корсакъ, Антонъ Боржимовскій, Юрій Бялопетровичъ, Людвигъ Вязовскій, Тадеушъ Мордосъ. (Стр. 758—760. Казнь была совершена надъ несчастнымъ на другой же день. Такъ-то пользовались вожаки возстанія своими временными успѣхами, чтобы усилить терроръ и уничтожить людей, желавшихъ спокойствія краю и противодѣйствовавшихъ безумнымъ замысламъ чужеядныхъ революціонеровъ на русско-литовской почвѣ!

Первымъ серьезнымъ дѣломъ, которымъ началось въ въ Литвѣ усмиреніе мятежа 1784 года, была ожесточенная схватка съ Виленскими конфедератами знаменитаго полковника Дѣева, въ послѣдствіи измѣннически умерщвленнаго однимъ фанатикомъ, Виленскимъ ксендзомъ, кармелитомъ Цѣлицею. Въ „Описаніи" помѣщено нѣсколько рапортовъ и донесеній объ этой схваткѣ частію самого Дѣева, частію другихъ командировъ; постараемся расказать ее вкратцѣ, на основаніи этихъ документовъ. Вслѣдствіе извѣстія о тревожномъ настроеніи Вильны, полковникъ Дѣевъ, по приказанію генералъ-аншефа графа Н. И. Салтыкова, былъ командированъ съ своимъ полкомъ въ распоряженіе генералъ-маіора Арсеньева. Уже на походѣ, за 20-ть верстъ отъ Вильны, Дѣевъ узналъ о Виленской катастрофѣ съ арестомъ Арсеньева, повѣшеніемъ Коссаковскаго и другими печальными подробностями,—и потому, присоединивъ къ своему полку 6 ротъ подполковника Левиза, 150 донскихъ казаковъ съ премьеръ-маіоромъ Кирѣевымъ и егерскій баталіонъ, подъ командою подполковника Шилинга, остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Распоряженія эти не замедлили: получено было извѣстіе, что мя-

тежники грозятъ Минску,—и Дѣевъ, получилъ новое секретное повелѣніе отъ генералъ-губернатора новоприсоединенныхъ провинцій, Т. И. Тутолмина, „стараться денно и нощно слѣдовать къ Минску.“ Только что Дѣевъ повернулъ къ Минску, какъ Виленскіе мятежники, узнавъ объ этомъ движеніи, рѣшились съ превосходными силами настигнуть Дѣева, „чтобы, „по увѣренію плѣнниковъ, не только разбить его, но и всѣхъ взять въ плѣнъ до одного.“ Дѣйствительно, положеніе Дѣева была опасное; его боевыя силы были очень незначительны въ сравненіи съ войсками Виленскихъ революціонеровъ. У послѣднихъ было 4 полка пѣхоты, двѣ бригады конницы, и татарскій полкъ передовой стражи—всего до 6000 человѣкъ съ 18-ю орудіями. Сверхъ этого, болѣе 5000 конфедератовъ-шляхтичей, Виленскихъ стрѣлковъ и мужиковъ, вооруженныхъ ружьями, пиками, топорами и косами. Главнымъ предводителемъ ихъ былъ инженерный полковникъ Ясинскій.

26-го апрѣля, въ 9 часовъ утра, разъѣзжіе пикеты открыли, что непріятель идетъ отъ Вильны двумя густыми колоннами. Дѣевъ выстроилъ свое войско въ боевый порядокъ при деревнѣ Полевнѣ. Въ 11-ть часовъ показались и непріятели. Завидѣвъ русское войско, они раздѣлились на шесть колоннъ, чтобы аттаковать его со всѣхъ сторонъ. Подошедши на пушечный выстрѣлъ, они построились въ двѣ линіи и начали жесточайшую пушечную пальбу, дабы ворваться во фронтъ русскаго войска. Но трехчасовая аттака мятежниковъ была блистательно отражена егерами, охотниками и донскими казаками подъ командою Кирѣева, который, „будучи раненъ въ животъ. сѣлъ на лошадь и вездѣ отбивалъ непріятеля“. Тогда непріятель рѣшился штурмовать русскія конны и, „придвинувшись со всѣхъ сторонъ обѣими линіями на ружейный выстрѣлъ, съ великимъ крикомъ началъ производить изъ пушекъ картечами и изъ ружей чрезвычайную пальбу“. Чтобы заставить непріятеля прекратить эту убійственную канонаду, Дѣевъ скомандовалъ въ штыки. Десять ротъ быстро ударили на непріятеля и опрокинули его первую линію, которая побѣжала за второю, а вторая линія начала ретироваться, закрывая фланги конницею“.

У Дѣева было только 150 человѣкъ казаковъ, а непріятели имѣли болѣе 3000 конницы,—и потому усилія его разстроить непріятельскую кавалерію оказались на этотъ разъ безуспѣшными. Прикрываемый конницею, непріятель отступалъ къ Вильнѣ болѣе пяти верстъ подъ напоромъ русскаго войска—и наконецъ скрылся въ лѣсъ. „Но при наступившемъ уже вечерѣ, замѣчаетъ Дѣевъ, я оставилъ мое за ними уже преслѣдованіе“. Трофеями этой побѣды были 6 пушекъ, болѣе 5000 убитыхъ и 34 человѣка плѣнныхъ. „Но войска, прибавляетъ при этомъ донесеніе, были такъ раздражены, что не давали пардону, но и они такъ были отчаяны, что раненные оборонялись“. Впрочемъ и побѣдителю нелегко досталась эта побѣда. Въ теченіи шестичасоваго боя, у насъ выбыло изъ строя 174 человѣка убитыхъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ священникъ, и 327 раненныхъ. „Сколько же мнѣ извѣстно, заключаетъ свой рапортъ Дѣевъ, въ Вильнѣ всѣ мятежники заперлись и окопавшись остаются съ надеждою на свои батареи“ (стр. 877—800). Донося объ этомъ боѣ Репнину, графъ Салтыковъ, между прочимъ, говоритъ: „Дѣло господина Дѣева по всей справедливости уваженія достойно“ (стр. 893). Дѣйствительно, оно и сильно охладило горячку виленскихъ мятежниковъ и поубавило у нихъ вожаковъ спѣси и самонадѣянности. Вообще съ этого времени, какъ замѣчается въ одномъ рапортѣ, „въ Литвѣ сдѣлалось тоже поспокойнѣе“. Изъ одного письма Салтыкова извѣстно, что за дѣло при Полянѣ Дѣевъ былъ представленъ къ ордену Георгія 3-й степени Мы не знаемъ, получилъ ли онъ эту награду, а если получилъ то сколько времени пользовался ею, пока шальная пуля безумнаго фанатика, направленная изъ святаго мѣста мира и молитвы, не положила замертво достойнаго бойца за русское дѣло [1]). Вѣроятно, въ доку-

1) Существуетъ преданіе, будто Дѣева не брала никакая пуля и будто вслѣдствіе этого ружье фанатика было заряжено вмѣсто пули монетами. Есть также мнѣніе, что Остробрамская икона стала считаться у поляковъ *чудотворною* только съ 1794-го года т. е. послѣ того, какъ Цѣлица изъ отверстія Острыхъ Воротъ застрѣлилъ Дѣева.

ментахъ слѣдующаго тома мы найдемъ разсказъ о новых подвигахъ этого умнаго и энергическаго командира под самой Вильной и достовѣрныя подробности о его погибел отъ руки злодѣя.—Большая часть остальныхъ документов разсматриваемаго нами выпуска содержитъ распоряженія п передвиженію нашихъ войскъ и снабженію ихъ предметам необходимости, расказы о волненіяхъ въ разныхъ мѣстно стяхъ Литвы, о покушеніи мятежниковъ на Минскъ и предупрежденіи этого покушенія: но до 18-го мая, до которагo доведены напечатанные въ „Описаніи“ документы еще не видно систематическихъ и рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны противъ польской революціи 1794 года. Мы еще собирались и ждали...появленія Суворова подъ Варшавой, что бы разомъ порѣшить съ гидрой революціи на всемъ пространствѣ Литвы и Польши.

Обо всемъ этомъ разкажетъ намъ, вѣроятно, немало интересныхъ подробностей слѣдующій томъ „Описанія“ г. Энгеля. Намъ остается поблагодарить отъ имени русской науки и русской публики издателя за то, что онъ уже далъ намъ, и вторично выразилъ надежду, что онъ безостановочно будетъ продолжать прекрасное и такъ *кстати* начатое имъ дѣло. При этомъ г. Энгель не посѣтуетъ на насъ, если мы еще разъ напомнимъ ему о необходимости устраненія въ слѣдующихъ томахъ тѣхъ недостатковъ, на которые было слегка указано нами при разборѣ нынѣ вышедшаго 1-го тома „Описанія.“

Н—овъ.

(Виленск. Вѣстн.)

IV.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО БЫТА ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Миновалъ полдень. Жаркій іюльскій, воскресный день. Солнце во всемъ своемъ южномъ, лѣтнемъ, блескѣ и величіи, уже склонялось къ западу. На небосклонѣ ни одной тучки; въ въ воздухѣ совершенная тишина,—кругомъ лѣсъ во всей красѣ и цвѣту,—недавно скошенное и слегка привявшее, сѣно ласкаетъ обоняніе чуднымъ ароматомъ; птички весело щебечутъ вокругъ, а молодой еврей—шинкарь Сруль, сидя на порогѣ своей одинокой, въ лѣсу, корчмы, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на окружающую его природу, а только отъ скуки и досады ворчитъ на свою жену Перлю.

— Мешигене [1]) ты, мешигене, Перля! тоскливо бормочетъ Сруль; наварила свѣжей рыбы; теперь такая жара, и рыба испортится, а она стоитъ цѣлыхъ пять злотыхъ [2]).

Перля занята была штопаньемъ грязной, синей, шерстяной, ваточной юбки и такъ углубилась въ свою работу, что, казалось, не замѣчала словъ Сруля.

— Ой вей [3])—пропадетъ рыба! Ой вей миръ [4])—пропадетъ пять злотыхъ! прогнусилъ опять Сруль. Мешигене ты—мешигене, Перля!

— Не бойся—не пропадетъ рыба. Дастъ Богъ еще кто нибудь случится, отозвалась Перля.

---

1) Мешигене—съумашедшая.

2) Злотъ—15 копѣекъ.

3) Ой вей—общеупотребительное восклицаніе евреевъ, выражающее разнообразныя чувства.

4) Миръ—мнѣ.

— Охъ! я чувствую что никто уже не случится,—пропадетъ рыба.

— А не случится, такъ и сами съѣдимъ, отвѣтила Перля.

— Сами съѣдимъ, цѣлыхъ пять окъ 1) рыбы? воскликнулъ Сруль, вытаращивъ отъ удивленія на Перлю глаза.

— На шабасъ оставимъ.

— На шабасъ оставимъ? А гдѣ у насъ ледъ? Развѣ хочешь опять заболѣть, развѣ хочешь, чтобы я, также какъ въ прошломъ году, тащилъ къ тебѣ цирюльника и платилъ и за подводу, и за лекарство, и цирюльнику? Ой вей! Ой вей миръ! Мешигене ты—мешигене, Перля!

— Тогда была холера,—и я перепугалась; а теперь холеры нѣтъ, такъ чего бояться? Поболѣю, да и выздоровѣю, разсудительно отвѣтила Перля.

Слова Перли видимо произвели на Сруля лучшее впечатлѣніе, и онъ замолчалъ, призадумался, и въ тоже время машинально началъ „запихать“ подъ покрышку клочки грязной ваты, которые упорно вылѣзали изъ распоротыхъ швовъ и безчисленныхъ дыръ его куцаго, зеленаго фланелеваго кафтанчика. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ хранилось молчаніе: Перля продолжала штопать свою ваточную юбку, а Сруль думалъ,—какъ вдругъ, опустивъ руки, онъ предоставилъ хлопьямъ ваты свободно болтаться въ воздухѣ, а самъ, навостривъ уши, пытливо началъ глядѣть въ даль, въ кусты. Перля оставила работу и тоже внимательно смотрѣла по одному съ нимъ направленію.

— Цобе 2)! Цобе! послышалось въ дали.

Усердно защебетала вблизи птичка, а Сруль проклялъ ее.

— Мѣшаетъ прислушаться, проклятая. Не прислышалось ли мнѣ? спросилъ онъ жену.

— Нѣтъ, я ясно слышала, что кто то ѣдетъ, и вѣрно остановится возлѣ нашей корчмы, отвѣтила Перля.

— Охъ, не остановится,—вѣрно не остановится, рѣшилъ со вздохомъ Сруль.

---

1) Око—три фунта.

2) Цобе—восклицаніе, которымъ югозападные крестьяне командуютъ волами, и заключаетъ въ себѣ сокращенное: отъ себя—направо, а *ксо*, къ себѣ—налѣво.

— Цобэ! раздался между тѣмъ близко, грубый энергическій голосъ, и крестьянскій возъ, запряженный парой рослыхъ сѣрыхъ воловъ, очутился вдругъ, изъ за кустовъ, возлѣ самаго порога, ветхой срулевой корчемки. На возу сидѣли крестьянинъ изъ ближайшаго села Иванъ Опыськинъ и его жена Настя. Какъ мы уже сказали, былъ воскресный день, и чета возвращалась съ бывшей въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, ярмарки. Продали или купили что либо Иванъ да Настя на ярмаркѣ, и пили ли они магарычъ, (неизбѣжный при всякой торговой сдѣлкѣ), намъ не извѣстно; но судя по раскраснѣвшемуся лицу Ивана. по сдвинувшемуся на бокъ платку и чепцу и безпорядочно разсыпавшимся изъ подъ чепца по плечамъ, волосамъ Насти, не трудно было заключить, что наша чета порядочно таки подкутила.

— Иванъ, Иванъ! останавливалъ Сруль Ивана, когда возъ началъ миновать корчму, вовсе не зная того, что Опыськинъ дѣйствительно называется Иваномъ, а только по увѣренности: что ни мужикъ, то Иванъ. Постой вацпанъ [1])!

— Накой чортъ? грубо отвѣтилъ Опыськинъ. *А можетъ и справди* [2]) остановиться, шепнулъ онъ женѣ, хорошо зная что во всякой корчмѣ продается водка.

— А гроши маешь [3])? отгадывая мысль Ивана, внушительно напомнила ему Настя о его пустомъ кошелькѣ.

— А таки нема—трасця [4]) ихъ матери! тоскливо отвѣтилъ Иванъ.

— Постойте, постойте! завопилъ Сруль, увидѣвъ что возъ минуетъ корчму, дѣло имѣю.

— А яке тамъ дило? спросилъ Опыськинъ, останавливая своихъ воловъ.

— Не хотите ли покушать рыбки? Свѣжая рыбка, славная рыбка, и совсѣмъ не дорого возьму.

— Иванъ и Настя подумали, что Сруль смѣется надъ ними, обидѣлись и начали ругаться.

---

1) Вацпанъ—господинъ, средней руки.
2) Справди—въ самомъ дѣлѣ.
3) Маешь—имѣешь.
4) Трясця—лихорадка.

— Траспя твоей матери! Жыдюга ты проклятый! Пархъ! кричалъ Иванъ.

— Щобъ ты здохъ зо всимъ своимъ родомъ и плодомъ! добавила Настя, погоняй воловъ! обратилась она къ мужу.

— Но Иванъ и не думалъ погонять воловъ, а только замигалъ глазами, улыбнулся, и, видно было, что какая то очень веселая и забавная мысль, мелькнула у него въ головѣ. Отъ удовольствія Опыськинъ подвинулъ на лобъ свой соломенный *капелюхъ* (шляпу) и энергически началъ чесать затылокъ. Настя, хорошо зная нравъ своего мужа, замѣтила что онъ хочетъ позабавиться; недавно выпитая водка тоже располагала ее къ веселью, и она не заставляла болѣе мужа погонять воловъ. Наблюдавшему за ходомъ дѣла Срулю, когда онъ взглянулъ въ лица Ивану и Настѣ, показалось, что оно клонится къ добру, и онъ весело подошелъ къ возу. Помѣщавшемуся на задней части воза, жирному не проданному борову, должно быть стало и не ловко и жарко, подъ толстымъ *ряднomъ* 1), которымъ онъ былъ прикрытъ; боровъ лѣниво и болѣзненно захрюкалъ; а его хрюканіе непріятно подѣйствовало на нервы Сруля, такъ какъ евреи, исполняя заповѣдь, до того не навидятъ всю свинную породу, что торгуя всѣмъ на свѣтѣ, они ни за что не согласятся торговать свиньми. Приблизилась къ возу и Перля. Иванъ продолжалъ ухмыляться, а глядя на веселую мину мужа, въ ожиданіи большой потѣхи, улыбалась и Настя.

— Панъ арендаръ! не хотите ли купить у меня скотинку? спросилъ, наконецъ, Опысьскинъ. Молодая скотинка, славная скотинка, славная скотинка, и совсѣмъ не дорого возьму. Настя догадалась въ чемъ дѣло.

— Купить соби на шабасъ, остроумно добавила она.

— Куплю, куплю! обрадовался Сруль.

— Купимъ, купимъ! радостно воскликнула и Перля, съ удовольствіемъ глядя на подкутившія лица веселой четы.

— Какую продаете скотинку? Можетъ быть курку, или гуску? спрашивала Перля, не знавшая въ совершенствѣ языка крестьянъ.

— А можетъ быть вола? добавилъ Сруль.

---

1) Рядно—большая простыня изъ грубаго полотна.

— А *ось що* хохоча сказалъ Опысьвинъ, и сдернулъ съ борова рядно, а *скотынка* перепугалась и захрюкала изо всей мочи.

Догадались Сруль и Перля, что надъ ними смѣются, и начали ругаться.

— Западенька ты, клямка, гадюка! закричала Перля.

— *Злодій* ты, мужикъ! кричалъ обидѣвшійся Сруль, а минуту спустя, когда возъ съ хохотавшими на немъ до упаду Опысьвиными, удалился, Сруль пожалѣлъ что позволилъ себѣ югорячиться; Сруль пожалѣлъ въ томъ предположеніи, что если бы онъ не обидѣлся, а напротивъ того хохоталъ вмѣстѣ съ Опысьвиными, то, по всей вѣроятности, завязался бы веселый разговоръ, и кто знаетъ, быть можетъ, какъ разъ случился бы и выгодный *гандель* 1).

Молодая и вспыльчивая Перля продолжала горячиться и бранить уѣхавшихъ мужиковъ, а Сруль опустилъ носъ и опять призадумался.

— Мешигене, ты мешигене, Перля! Пропадетъ рыба, опять заворчалъ онъ, и трася болтающимися кругомъ его туловища, длинными и косматыми, бурыми ваточными хлопьями, уныло направлялся внутрь своей корчмы. Срулева корчма, какъ внутри такъ и снаружи, имѣла далеко не привлекательный видъ. Она была ветхая, деревянная, покрытая почернѣвшей и полуизгнившей соломой. Въ корчмѣ были обширныя сѣни, служащія, также какъ и во всѣхъ корчмахъ юго-западнаго края, вмѣстѣ и сѣньми, и сараемъ, и скотнымъ дворомъ; въ сѣняхъ, куча полуистлѣвшей соломы, худая, съ выдавшимися ребрами корова, старыя сани, возъ безъ колесъ, хромая по меньшей мѣрѣ пятнадцатилѣтняя кобыла, забытыя тутъ деревянныя дверцы отъ какого то шкафа, домашнія птицы, куча навоза и всякаго рода нечистотъ. Вправо помѣщались двѣ отгороженные отъ сѣней тоненькими стѣнками комнаты; по спертому, затхлому и гнилому воздуху которыхъ и слѣпой, знающій край, не зная того, куда его ввели, сразу пронюхалъ бы, что онъ находится въ обиталищѣ бѣднаго еврейскаго семейства. И въ избахъ бѣдныхъ крестьянъ бываетъ

1) Гандель—торговля.

и затхло и гнило: но это вовсе не то: есть что то своеобраз ное въ запахѣ еврейскихъ корчемъ, кварталовъ и цѣлыхъ поселеній. Двѣ Срулевы комнаты были не велики, но и не малы. Въ первой изъ нихъ помѣщался шинокъ, а вторая комната была домашнею. Въ стѣнкѣ, раздѣляющей обѣ комнаты, прорѣзано было окно; бочка, съ неизбѣжной водкой, главнымъ предметомъ торговли шинкаря, помѣщалась въ домашней комнатѣ, возлѣ окна, тутъ же прилавокъ, а на немъ, привлекательно для югозападнаго простолюдина красовались мѣдные, жестяные и стеклянные крючки, стаканы, стаканчики, рюмки и рюмочки. Всѣ эти сосуды на народномъ языкѣ именуются *порціями* и, конечно, количествомъ копѣекъ опредѣляется величина порціи.

— Порцію за *трояка*! Порцію за *шостака* [1])! то и дѣло, въ дни разгула, раздаются въ корчмѣ громогласныя восклицанія.

Возлѣ стѣнъ тянулись грубыя деревянныя лавки, а возлѣ нихъ, подъ окномъ, помѣщался длинный столъ, также какъ и лавки неполированный и некрашенный; но за то толстыми слоями грязь покрывала узорчатыя естественныя слои дерева. Стѣны и потолокъ, окрашены были бѣлой глиной,—росписные, узорчатые; но ихъ росписала не рука малера, а рижеватая жидкость, которая, во время ненастья, просачиваясь сквозь изгнившую солому крыши, обильно текла по стѣнамъ и образуя на земляномъ полу широкія лужи, капала изъ потолка Срулевой корчмы. Мухи, жужжа и звѣня, летали роями и лѣпясь по стѣнамъ и потолку, разнообразили ихъ фантастическіе узоры. Тощій также какъ и его мать, которую мы видѣли въ сѣняхъ, теленокъ, упорно глядѣлъ въ печку, оставивъ возлѣ стола слѣды своего тутъ пребыванія.

— Кукурику! протяжно, звонко и хрипло, прокричалъ сидѣвшій на лавкѣ пѣтухъ, въ ту минуту, когда Сруль вошелъ въ корчму.

— Пѣтухъ поетъ; не будетъ ли дождя? подумалъ Сруль. А славно было бы: поѣдутъ съ ярмарки, а тутъ дождь, и народъ къ намъ въ корчму такъ и валитъ, такъ и валитъ!... Но нѣтъ, не будетъ дождя, не будетъ и народу, не будетъ и гандля. Охъ, не будетъ, не будетъ! И Сруль отправился въ

1) Троякъ—полторы, а шестакъ—три копѣйки серебромъ.

свою домашнюю камнату, открылъ стоящій возлѣ бочки съ водкой сундучекъ, досталъ мѣшокъ, высыпалъ изъ него на прилавокъ кучу мѣдныхъ монетъ, и принялся считать ихъ. Тутъ же находились и *квитки* (денежныя записки) владѣльца, у котораго Сруль арендовалъ корчму. Посчитавъ деньги и повѣривъ записки, Сруль убѣдился, что у него всего капитала двадцать семь рублей.

— Плохо, ой плохо—плохо! завопилъ Сруль; черезъ недѣлю нужно платить пану *квартальовую* 1) *рату* 2) а мнѣ недостаетъ еще до раты, двадцати трехъ рублей.

Въ домашней комнатѣ Срулевой семьи между дверьми изъ шинка, и стѣнкой, отдѣляющей комнату отъ сѣней, помѣщалась огромная кухонная печь. Горнило и внутренность ея были черны, отъ копати и сажи, а наружныя стѣнки печи тоже чернѣли отъ бесчисленнаго множества помѣщавшагося на нихъ мухъ, которыхъ было здѣсь далеко болѣе, чѣмъ въ шинку. Напротивъ печи, возлѣ наружной стѣнки комнаты, стоялъ шкафъ съ посудой, но безъ дверецъ, которыя валялись въ сѣняхъ; тутъ же помѣщался кухонный столъ и пара изломанныхъ стульевъ. Широкая, съ высоко взбитыми подушками, съ пестрыми ситцевыми наволочками, — постель, по одной съ шкафомъ стѣнкѣ, упираясь изголовьемъ къ наружной стѣнѣ и примыкая къ окну, красовалась во всей своей непривлекательной красѣ. Неизбѣжные на всякой, даже и нищенской, еврейской постели пуховики, прикрыты были ваточнымъ одѣяломъ, крытымъ такой же зеленой фланелей, какъ и на куцомъ Срулевомъ кафтанчикѣ; фланель, также какъ и на кафтанѣ, была въ дырахъ, но вата, благодаря заботливости Перли, не вылѣзала изъ дыръ. Взбитыя подушки, положенныя въ три этажа, имѣли видъ безобразной, расплюснувшейся башни, съ четвероугольнымъ купольчикомъ, то есть *яськомъ* 3) наверху. Привѣшенная веревкой къ прибитому къ потолку крючку плетенная люлька висѣла возлѣ постели, а въ ней сопѣла полуторагодовая любимица Перли, маленькая Ента. Мѣдная прибитая къ серединѣ потолка позеленѣвшая отъ ржавчины, люстра была единственною вещью въ

1) Кварталъ—три мѣсяца.
2) Рата-извѣстная срочная арендная плата.
3) Ясекъ—маленькая подушка.

комнатѣ, которая была тутъ не ради необходимости, а въ видѣ украшенія. Призадумавшись о предстоящей *ратп*, Сруль машинально побрякивалъ мѣдными монетами, Ента по прежнему сопѣла, мухи продолжали жужжать и звенѣть, а обитатели всякаго сыраго жилья-сверчки усердно вторили и Срулю и Ентѣ и мухамъ.

Таты! Таты! раздались вдругъ въ шинку звонкіе свѣжіе дѣтскіе голоса, и куча бывшихъ до того времени въ лѣсу Срулевыхъ Сруленятъ вбѣжала въ комнату.

Сруль былъ еще молодъ, — немного можетъ быть старше тридцати лѣтъ, а на видъ и того моложе; а между тѣмъ, по обычаю евреевъ женившись очень рано, онъ имѣлъ уже сына пятнадцати лѣтъ, и Сруль неразъ подумывалъ, что пора уже ему просватать своего первороднаго Іося. Евреи вообще весьма чадолюбивы; унылое лицо Сруля нѣсколько просіяло, когда веселая орда вбѣжала вь комнату, и онъ взялъ на руки свою четырехлѣтнюю Басю и началъ ласкать ее, а Іось уставился на *мпдяки* (мѣдныя деньги) и думалъ, что онъ былъ бы благополучнѣйшимъ изъ Іосей, если бы обладалъ хотя половиною видѣннаго имъ сокровища, потому что купилъ бы возъ орѣховъ, булокъ, пряниковъ и завелъ бы такой *гандель* , что просто чудо. Проголодавшіеся Нухимъ и Сура полѣзли въ шкафъ, лдѣ порой водилось съѣдомое, но не найдя тамъ ничего, подобрали на полу въ грязи, оставшіеся отъ ранняго обѣда, скорлупы свѣжихъ огурцовъ, и, хрустя зубами, начали ими лакомиться, а Бася, глядя на Нухима и Суру, позавидовала имъ — счастливицамъ и попросила у Сруля грошъ, за который могла бы купить у Іося пряникъ; но Сруль продолжая ласкать и цѣловать Басю, всетаки не разщедрился и гроша не далъ.

— О, хитрая *маме,* — наварила кучу рыбы, да такъ припрятала, что и сама кошка не найдетъ ее, думалъ, хрустя зубами, Нухимъ, давно уже подмѣтившій, что домашнему, вороватому коту гораздо чаще удается поживиться рыбой, чѣмъ ему.

— Огурцы вкуснѣе скорлупы, въ то же время думала Сура. Ента проснулась, заплакала, и Перля пришла въ комнату, вынула Енту изъ люльки и такъ же какъ Сруль съ Басей, принялась нѣжничать съ ней. Всякій изъ членовъ еврейской семьи, молча, занятъ былъ своимъ дѣломъ, какъ вдругъ взбутаражились

и Сруль, и Перля, и даже молодой Іось: совсѣмъ неожиданно, вдругъ потемнѣло въ комнатѣ и вѣтеръ сильно захлопалъ ставнями у оконъ. Сруль первый выскочилъ на дворъ, взглянулъ на небо и увидѣлъ, что большая темносѣрая туча, погоняемая вѣтромъ, быстро подвигается съ запада впередъ, по направленію къ корчмѣ.

— Дождь будетъ! радостно воскликнула прибѣжавшая Перля.

— Не будетъ дождя,— вѣрно небудетъ, ворчалъ Сруль.

— Будетъ, будетъ! кричалъ Іось.

— Охъ, не будетъ, не будетъ дождя! твердилъ Сруль; но въ ту же минуту почувствовалъ большую и холодную каплю дождя на своемъ носу; а вскорѣ дождь полилъ уже ливмя. Была какъ разъ пора возвращенія съ ярмарки, дождь продолжалъ лить, а потому, не смотря на всѣ сомнѣнія Сруля,— пессимиста,— вскорѣ корчма его наполнилась многочисленными посѣтителями.

— Пляшку (бутылку) горылки!.. Порцію за шистака! Порцію за трояка. *Мини* порцію за шостака, а *баби, хлопцю* и *дивчини* по трояку! ежеминутно осаждали боченокъ благополучнаго Сруля его щедрые гости.

— Не хотите ли рыбки? Славная рыбка, свѣжая рыбка, убѣждалъ Сруль; но вскорѣ Перля объявила, что рыбка вся уже съѣдена, и что, по всей вѣроятности, она распродалась ежели бы ея было и вдвое больше.

— Мешигене ты, мешигене Перля! зачѣмъ такъ мало наварила рыбы? мелькнуло въ головѣ Сруля, но онъ не произнесъ, однакожъ, этой укоризны.

Въ корчмѣ Сруля были самые разнообразные посѣтители: тутъ были, мужики, бабы, хлопци, дивчата, евреи, еврейки, жиденята, солдаты, панки, которыхъ нейтечанки съ лошадьми, спасаясь отъ дождя, заѣхали въ обширныя сѣни, и наконецъ цыганъ-кузнецъ и его черноглазая и черноволосая ворожейка—жена.—Черноглазая цыганка, то и дѣло, предлагала свои чародѣйскія услуги, а у ея муженька черные глазки такъ и бѣгали, такъ и допытывались—нельзя ли чего нибудь стащить подъ шумокъ. Но всякій изъ бывшихъ тутъ (даже молодыя дѣвчата) хорошо зналъ цыганскую натуру и ловкость, и что, слѣдовательно, въ его при-

сутствіи держи ухо востро. Мужики и солдаты пьянствовали и горланили, бабы трещали какъ трещетки, хлопцы перемигивались и заигрывали съ дѣвчатами, панки держали себя на благородной дистанціи отъ толпы, а евреи скороговоркой толковали на своемъ жаргонѣ,—въ разговорѣ ихъ всего чаще слышились слова *гандель, гельдъ,* и *кербелъ* 1). Перля продавала булки и суетилась возлѣ печи, разтапливая ее въ надеждѣ успѣть еще кое что изготовить и продать. Іось удачно продавалъ свои пряники, Нухимъ и Сура подбирали и пожирали валявшіеся возлѣ стола въ грязи, въ шинку объѣдки, Ента опять заснула, Вася отъ скуки ревѣла, да такимъ лѣнивымъ голосомъ, что ясно было какъ день, что она реветъ собственно только для развлеченія, а Сруль воодушевился, у него блестѣли глаза, и онъ дрожащею рукой усердно не доливалъ до края всякую изъ подносимыхъ гостямъ порцій, а запущеннымъ въ рюмку большимъ пальцемъ лѣвой руки, снова сокращалъ емкость рюмки на 10%. Сруль шинковалъ изъ своей комнаты, помѣстившись рядомъ съ своей возлюбленной бочкой, возлѣ окна въ шинокъ, у котораго, какъ мы сказали уже, по наружной сторонѣ стѣнки шинка, былъ прилавокъ. На прилавкѣ разставлена была цѣлая батарея разной посудины; пьяныя руки многихъ изъ посѣтителей дрожали; подносимая къ губамъ водка проливалась, попадала въ сосуды, и такимъ образомъ оставалось въ экономіи нѣкоторое количество живительной влаги, которое пропало бы даромъ, если бы не предусмотрительность Сруля. Іось взялъ было, за двѣнадцать грошей въ недѣлю 2), на откупъ водку, которая попадала такимъ образомъ въ разставленные на прилавкѣ посудины; но, подмѣтивъ, что отецъ, украдкой отъ него, сливаетъ часть ея, при помощи лейки, назадъ въ бочку, чуть чуть не обанкротившись, отказался отъ спекуляціи, которая, какъ онъ былъ убѣжденъ, была бы безъ того очень выгодна.

— Просто бѣда съ дождемъ, пропадетъ сѣно, замѣтилъ бывшій въ корчмѣ молодой панокъ, обращаясь къ старому пану, своему сосѣду.

Плати и косарямъ, плати и *громадильникамъ* (гре-

---

1) Гельдъ-деньги. Кербель—рубль.
2) Грошъ—полъ-копѣйки.

бущимъ сѣно) давай соль, водку и харчь, а тутъ пойдутъ дожди и пропали и деньги и сѣно, отвѣтилъ старый панъ.

—По скольку панъ плотитъ на день косарямъ?

—По пятьдесятъ грошей, и по три чарки водки.

—Дорого,—я платилъ всего по сорокъ пять грошей, и по двѣ чарки водки.

—Не мудрено, отвѣтилъ старый панъ, ваши косари, подъ присмотромъ эконома, лѣнятся, а я самъ стою надъ ними съ утра до поздняго вечера.

—Ты недавно и самъ былъ экономомъ [1]), такъ не мудрено, что самъ присматриваешь за своими работниками, я же отъ отца и дѣда *обыватель* [2]), подумалъ молодой про стараго пана и отошелъ отъ него.

Возлѣ самаго прилавка разговаривали два мужика.

—*Я чувъ* [3]) что у васъ въ селѣ падаетъ скотъ? спрашивалъ крестьянинъ Остапъ Дашевскій крѣпко подкутившаго стараго Юзька Лысаго.

—Хорошо что *нагадали* (вспомнили) мнѣ куме объ этой бѣдѣ: у меня на прошлой недѣлѣ пала пара воловъ и корова, и я, какъ только припомню это несчастье, крѣпко выпью, и мнѣ становится какъ будто бы повеселѣй. Уже два карбованцы я пропилъ. Спасибо что напомнили, а то у меня подъ сердцемъ такъ млѣло, такъ млѣло..... Ще за шостака, добавилъ Лысый, обращаясь къ Срулю.

—Это уже четвертая порція, замѣтилъ Сруль, подавая водку.

—А якъ четвертая, *то що*? отвѣтилъ Лысый, не скрывавшій количества пропитыхъ денегъ, но и не любившій, чтобы ему напоминали о количествѣ выпитыхъ порцій. Выпью, то и заплачу. Ой бѣда, бѣда у насъ со скотомъ, обратился Лысый къ Дашевскому; ежели такъ продлится еще въ недѣльку, то у насъ въ селѣ, пожалуй, ни шерстинки не останется.

—А передъ самымъ падежемъ я совѣтовала моему Юзькѣ чтобы онъ продалъ воловъ, потому что знала, что скотъ будетъ падать, обратилась къ Дашевскому рыжая баба, жена Лысаго.

1) Экономъ—управитель небольшаго имѣнія.
2) Обыватель—помѣщикъ.
3) Чуть—слышать.

—Знали? спросилъ Дашевскій. А почему же вы знали?

—А потому я знала, что мнѣ разсказывалъ нашъ пастухъ, что когда онъ пасъ на Петра и Павла въ полѣ стадо, то святая Магдалина подошла къ нему и спросила дорогу въ наше село, а извѣстное дѣло, что когда святая Магдалина спрашиваетъ дорогу въ какое нибудь село, то уже быть тамъ бѣдѣ: непремѣнно появится холера или падежъ на скотъ, или коклюшъ на дѣтяхъ.

—Дашевскій укоризненно покачалъ Лысому головой.

—Послушались бы *жинки*, сказалъ онъ, были бы деньги за волы и не пропили бы двухъ карбованцевъ.

—А Господь его зналъ, что будетъ падежъ, я думалъ, когда узналъ про святую Магдалину, что будетъ также, какъ и въ прошломъ году, холера, и боясь холеры, всякій день пилъ и пропилъ, пока насталъ падежъ, вмѣсто холеры цѣлыхъ три карбованца.

—Я и не боялся холеры, а успѣлъ уже отъ Петра и Павла пропить болѣе трехъ карбованцевъ, подумалъ Дашевскій.

—Теперь куда ни заглянешь у насъ въ селѣ подъ *стрыху* [1]) вездѣ *на бантѣ* [2]) висятъ, воловыя, коровьи или телячьи шкуры, сказалъ Лысый. И зачѣмъ это святой Магдалинѣ было приходить къ намъ?

Сруль навострилъ уши—но, конечно, его интересовала вовсе не святая Магдалина.

— И продать-то теперь некому шкуръ, продолжалъ Лысый, потому что возлѣ нашего села мѣстечекъ нѣтъ вблизи и жидки къ намъ рѣдко заглядываютъ, а теперь пора рабочая и некогда самимъ возиться въ мѣстечко съ шкурами.

— Завтра же явлюсь къ вамъ въ село, подумалъ Сруль.

— У нашего пана въ магазинѣ, говорила жена Лысаго, висятъ на бантахъ покрайней мѣрѣ сорокъ яловичихъ [3]) шкуръ, а панъ хотя и долженъ намъ за работы, *трасця его матери*, шкуръ не продастъ, тогда какъ полученными деньгами могъ бы хотя на половину расплатиться съ нами.

1) Стрыха—кровля.
2) Банта—балка.
3) Яловичья—воловья, коровья или телячья шкура.

— Панъ не продаетъ шкуръ потому, что не случилось еще купца, замѣтилъ Лысый.

— Непремѣнно завтра же явлюсь къ вамъ въ селю, продолжалъ думать Сруль. Вы изъ Волицы? спросилъ онъ Лысаго.

— А якъ изъ Волицы, то що?

— Ничего. Я такъ только спрашиваю. Такъ изъ Волицы?

— *Нехай* и изъ Волицы, отвѣтилъ Лысый. Порцію за шистака!

— Пятая порція.

— Тфу! и Лысый плюнулъ. А пятая, то и пятая, съ досадой добавилъ онъ; потомъ выпилъ порцію и отправился въ сѣни навѣдаться къ своимъ конямъ.

Въ широкораскрытыя заднія двери сѣней, видна была дорога, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло и Лысый, возясь возлѣ своего воза, нечаянно взглянулъ въ дверь и пораженъ былъ яркимъ, какъ ему показалось, заревомъ, виднѣвшимся промежъ кустовъ и блестѣвшимъ на верхушкахъ деревьевъ, вдали, въ лѣсу.

— *А щобъ це таке?* подумалъ Лысый. Лѣсъ не загорится въ такое ненастье, чумаки, если бы они не дотянувъ съ дуру до корчмы, и захотѣли, переночевать въ лѣсу и разложить огонь, то онъ не разгорѣлся бы подъ проливнымъ дождемъ. Ужъ не валитъ ли въ корчму св. Магдалина и не будетъ ли опять холеры, и не возвратиться ли сію же секунду въ шинокъ и потребовать для бодрости сразу двѣ порціи по шестаку?

Пока разсуждалъ такимъ образомъ Лысый, блескъ приближался къ корчмѣ и ясно стало, что это вовсе не ореолъ осѣняющій св. Магдалину, а свѣтъ отъ фонарей, которые держали въ рукахъ, верховые люди, окружавшіе подъѣзжающій къ корчмѣ экипажъ.

— Кто бы это, подумалъ Лысый? Ужъ не мировой ли возвращается изъ бывшей сегодня въ Красиловѣ сходки къ себѣ въ Дубище домой? и вспомнивъ о мировомъ готовился было уже снять свой соломенный капелюхъ; но въ ту же минуту экипажъ, подъѣхавъ къ корчмѣ, остановился, и Лысый убѣдился что это не мировой, потому что экипажъ мироваго, если бы ему случилося запоздать и потребовать провожатыхъ, окружали бы мужики, а тутъ сидѣли на коняхъ, промокшіе до костей и съёжившіеся въ три погибели жидки.

— Рабинъ ѣдетъ, сразу рѣшилъ Лысый.

Дѣйствительно, это ѣхалъ рабинъ, знаменитѣйшій и мудрѣйшій изъ еврейскихъ цадыковъ, старый Абрамка Коростышевскій. Онъ ѣхалъ въ огромной крытой нейтечанкѣ, и сидѣлъ внутри ея одинъ, не смотря на то что тамъ было довольно еще мѣста для шестерыхъ; тогда какъ почетнѣйшіе изъ евреевъ м. Николаева, откуда рабинъ ѣхалъ, тоже промокшіе не менѣе верховыхъ жидковъ, лѣпились на козлахъ, запяткахъ и подножкахъ нейтечанки. Достопочтенный Абрамка, при усиленіи дождя, предложилъ было даже арендарю м. Николаева и владѣльцу большаго каменнаго дома и семи лавокъ, рыжему и толстому Нафтумъ. помѣститься вмѣстѣ съ нимъ внутри нейтечанки, но Нафтулка только облобызалъ отъ умиленія край одежды Абрамки и рѣшительно отказался отъ предлагаемой ему высокой чести.

— Нечего дѣлать ребе 1), тихо и почтителльно говорилъ Нафтула Абрамкѣ, когда экипажъ остановился; до мѣстечка еще пятнадцать верстъ , впереди горы, темно и скользко, нейтечанка легко можетъ опрокинуться; вамъ придется переночевать въ этой корчемкѣ.

— А кто тутъ арендаръ, не выкрестъ ли? спросилъ Абрамка.

— Нѣтъ, ребе, жидокъ.

— А самоваръ есть у него?

— Самоваръ долженъ быть; впрочемъ я пойду и справлюсь, и Нафтула зашлепалъ по грязи въ корчму.

Сруль хорошо зналъ Нафтулу Николаевскаго, потому что не разъ занималъ у него деньги, съ платою по два въ мѣсяцъ процента; Сруль питалъ къ Нафтулѣ, какъ къ человѣку богатому, особенное уваженіе, и потому Сруль принялъ весьма почтительный видъ, когда Нафтула подошелъ къ его прилавку; но его почтительность къ Нафтулѣ была нуль въ сравненіи съ перепуганнымъ, взволнованнымъ, торжествующимъ и умиленнымъ лицемъ, и всей фигурой Сруля, когда онъ узналъ, что у порога его корчмы находится , ни болѣе ни менѣе, какъ самъ Абрамка Коростышевскій, и намѣревается у него переночевать.

— Ой вей миръ! ой вей миръ! воскликнулъ Сруль. Ой

1) Ребе—учитель.

вей! Ой вей! завопила, узнавъ о небываломъ событіи, иПерля, и Іось, и Нухимъ съ Сурой, и перестали подбирать объѣдки.

— Ой вей! Ой вей! тутъ Абрамка Коростышевскій! кричали бывшіе въ корчмѣ проѣзжіе жиды.

Сама св. Магдалина, неожиданно появившаяся въ корчму, не могла бы произвесть на бывшихъ тутъ крестьянъ такого глубокаго впечатлѣнія какое произвело на евреевъ прибытіе Абрамки Коростышевскаго. Сруль забылъ и свой боченокъ съ торчащимъ надъ нимъ ливеромъ, и приготовленную имъ лежащую на прилавкѣ Лысому, сдачу съ рубля, и выбѣжалъ на дворъ, глаза кузнеца — цыгана заискрились удовольствіемъ отъ предположенія, что десятки глазъ устремленныхъ доселѣ на него, примутъ другое направленіе. Черноглазая ворожейка поняла волновавшія муженька ея чувства и тоже засуетилась. Перля, Іось, Нухимъ, Сура и прочіе бывшіе тутъ евреи тоже выскочили на дворъ, и черезъ минуту возвратились уже съ предшествовавшимъ и указывающимъ Абрамкѣ дорогу Срулемъ. На Абрамкѣ надѣтъ былъ длинный черный атласный общитый чернымъ же бархатомъ кафтанъ; на головѣ высокая соболья шапка, а на плечахъ, не смотря на лѣтнюю пору, накинута была дорогая кунья шуба. Рабинъ, молча, прошелъ шинокъ и по указанію Сруля отправился въ домашнюю его комнату, куда шмыгнувъ Перля успѣла выхватить изъ люльки спящую Енту, которая проснулась, перепугалась и разплакалась. Сруль зажегъ въ подсвѣчникахъ и въ люстрѣ всѣ находившіеся въ это время у него сальныя шабасовки [1]) и вышелъ, а съ Абрамкомъ остался въ комнатѣ только всегда сопровождавшій рабина во время его путешествій,—наперстникъ его, Коростышевскій же еврей, Хаимъ.

Сруль завозился съ самоваромъ; Нафтула хлопоталъ возлѣ пожитковъ Абрамка, а прочая, сопровождавшая рабина, еврейская челядь, сбросивъ свои мокрые черные кафтаны сушила ихъ возлѣ примыкавшей къ кухонной печкѣ, разогрѣвшейся стѣнки. Закипѣлъ позеленѣвшій отъ ржавчины и нелуженный самоваръ, Сруль потащилъ его къ рабину, который пригласилъ къ чаю и Нафтулу. Рабинъ потребовалъ ужина, но, какъ мы уже знаемъ, оказалось что все ѣдомое было съѣдено и, увы, быть рабину Абрамкѣ Коростышевскому на тотъ день безъ ужина!

1) Шабасовки—маленькія свѣчки.

— Мешигене ты, мешигене, Перля! укоризненно шепнулъ женѣ Сруль, а Перля съ горя замотала головой.

Разложили, впрочемъ, въ шинку въ печкѣ огонь и сварили Абрамкѣ яицъ въ смятку. Онъ выпилъ, прошептавъ молитву, полрюмки водки, съѣлъ яйца, запилъ снова водкой и улегся въ Срулево и Перлино супружеское ложе, а проникнутый благоговѣніемъ Сруль такъ усердно умолялъ своихъ гостей не шумѣть, что въ шинку, дѣйствительно, стало какъ будто нѣсколько потише. Нафтула потребовалъ отъ Сруля и бывшихъ въ корчмѣ постороннихъ евреевъ дани для рабина; никто, конечно, и не подумалъ отказать ему, а Сруль до того увлекся что, забывъ о предстоящей *ратѣ*, далъ цѣлыхъ семь рублей; даже и Іось отдалъ *злотый*, который успѣлъ наторговать въ этотъ день за свои пряники.

Былъ часъ одинадцатый; Лысый первый возвѣстилъ, что дождь прошелъ; паны, мужики съ ихъ семьями и солдаты, начали разъѣзжаться и расходиться, убрался и цыганъ съ своей ворожейкой, а Сруль, по всей вѣроятности, первый еще въ жизни разъ, порадовался, что разъѣхались и разошлись тѣ которые даютъ *гандлевать*. Абрамка Коростышевскій не зналъ могущественной силы персидскаго порошка, и онъ не возилъ его съ собой, а потому, лежа на Срулевой постели, пыхтѣлъ, сопѣлъ, почесывался и ворочался съ бока на бокъ, а жидки потихоньку разсказывали другъ другу о всемогуществѣ всевѣдущаго Абрамки.

— Въ прошломъ году, разсказывалъ одинъ изъ нихъ, отъ неудачныхъ ганделей, я чуть чуть было не обанкротился и поѣхалъ за совѣтомъ въ Коростышевъ къ Абрамкѣ, онъ посовѣтовалъ мнѣ накупить пшеницы, я накупилъ, пшеница вздорожала, и я заработалъ цѣлыхъ триста тридцать семь рублей!

— А у меня цѣлыхъ семь лѣтъ, говорилъ Нафтула, не было дѣтей, я поѣхалъ съ женой къ Абрамкѣ, и у меня въ этомъ же году родился сынъ.

— А у меня, хотя уже пять лѣтъ, какъ я женатъ на третьей женѣ, нѣтъ отъ ней дѣтей,—сокрушался старый семидесяти-лѣтній еврей; и хотя я всякій годъ ѣзжу къ Абрамкѣ, а все таки моя жена безплодна!

— Видно ты неугоденъ, ежели молитва о тебѣ Абрамки не доходитъ до Бога, порѣшили евреи.

— Видно что не угоденъ, со вздохомъ согласился и старикъ.

Наговорившись до сыта о чудесахъ Абрамки, евреи выпивъ водки и закусивъ булкой съ *цыбулей* [2]), задремали, закивали бородками и улеглись гдѣ попало. Перля съ дѣтьми расположилась на соломѣ, которую Іось притащилъ изъ сѣней, а Срулю лежа на жесткой скамьѣ не спалось; но не потому что постель его была жестка, а отъ обилія волновавшихъ его чувствъ, а особенно потому, что онъ хорошо слыхалъ, какъ Абрамка кряхтитъ, ворочается и не спитъ.

— И почему бы это не спалось Ребе? разсуждалъ Сруль. Кажется постель и мягка и просторна, и ни Перля, ни Сура не толкаютъ его подъ бокъ.

Свыкшенуся съ микроскопическими обитателями своей постели, Срулю и въ голову не приходило, чтобъ они могли быть помѣхой сну святаго гостя.

— Мешигене ты; Мешигене, Перля! Зачѣмъ такъ много наварила рыбы, рабинъ объѣлся и съ нимъ сдѣлалась холера, и я не куплю завтра въ Волицѣ шкуръ, — померещилось задремавшему Срулю.

И все храпѣло кругомъ Сруля, а только Абрамко, когда неуловимый врагъ въ продолженіи одной минуты три раза сряду напалъ съ ожесточеніемъ на его шею, неутерпѣлъ и, забывъ свою молчаливую роль, довольно громко и энергически воскликнулъ: Ой вей!

На конецъ и Абрамка заснулъ передъ свѣтомъ и ему снилось, что евреи мѣстечка, въ которое онъ ѣхалъ, вмѣсто того, чтобы снести ему покрайней мѣрѣ нѣсколько сотъ, какъ онъ разсчитывалъ, рублей, дали вовсе не даютъ, а напротивъ того кусаются, и Абрамко и злится во снѣ, и еще громче закричалъ спросонья: ай вей!

(*Продолженіе будетъ*).

---

1) Цыбуля—лукъ.

РАХИЛЬ

повѣсть.

(Посвящается моимъ классным товарищамъ).

*(Продолженіе *).*

V.

Груне дѣлаетъ шагъ впередъ

Чрезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами событія, однажды вечеромъ въ кабинетѣ ребъ—Авремеле происходило продолжительное совѣщаніе между супругами. Груне старалась убѣдить своего мужа, что Рахили не слѣдуетъ больше учиться у клойзнера и настаивала на томъ, чтобы мужъ совершенно предоставилъ ее на ея попеченія.

— Хлебенъ Авремлъ! воспитывать дѣвушку—это не мужеское дѣло, говорила Груне своему мужу, мальчикъ дѣло другаго рода, онъ принадлежитъ отцу, но дѣвушкою должна распоряжаться мать, а не отецъ. При томъ не забудь, что ты нисколько не понимаешь *нынѣшняго свѣта*, и если воспитывать Рахиль по твоему, такъ съ нею просто нельзя будетъ показываться въ люди. Я думаю, что и мальчика воспитывать нельзя бы было предоставить исключительно тебѣ, потому что одною гемаррою ограничиться невозможно: человѣкъ долженъ быть образованнымъ...

— Ну, моя нѣмочка прервалъ ребъ—Авремеле свою жену, дай мнѣ только господь сына, и я не смотря на всю мою любовь къ тебѣ не отдамъ его тебѣ. Ужъ это будетъ мое дѣло, Ты увидишъ какой будетъ онъ у меня ламденъ (ученый). Весь свѣтъ будетъ имъ *звонить*! Конечно, онъ умѣлъ бы писать по русски, по нѣмецки, былъ бы самъ въ состояніи—написать телеграмму тоже, но при всемъ томъ я бы не далъ ему по цѣлымъ днямъ просиживать за *трейфпосулахъ*...

— Вѣдь—мы не говоримъ о нашемъ сынѣ, котораго Богъ еще не далъ намъ, прервала—въ сердцахъ Груне своего мужа, потому что ей страшно надоѣло строеніе воздушныхъ замковъ ребъ—Авремеле, я вѣдь говорю о нашей Рахили.

---

*) См. „Вѣстникъ Западн. Россіи кн. 8.

— Я только къ слову, оправдывался ребъ—Авремеле. Конечно, слѣдуетъ намъ *вымуштировать* нашу дочь какъ слѣдуетъ, но при всемъ томъ можетъ—же она учиться и у клойзнера. Развѣ это повредитъ ей, если она будетъ умѣть и по еврейски? Я думаю, если при своемъ образованіи, которое ты хочешь дать Рахили, она еще научится еврейскому языку, то она будетъ первою въ Вильнѣ.

— *Геръ* (слушай) Авремлъ, опять прервала мужа Груне,— къ чему намъ много толковать; *чтобы съ тобою говорить слѣдуетъ прежде бобовъ наѣсться*, это наконецъ не выносимо. Ты ничего не смыслишь въ этихъ дѣлахъ, а я дуракъ пускаюсь съ тобою въ пренія. Я лучше твоего знаю свѣтъ, ну и буду воспитывать Рахиль какъ я знаю, а не какъ ты хочешь. Не позже завтрашняго дня я найду для Рахили учителя изъ воспитанниковъ раввинскаго училища. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово, и баста,—не будемъ больше объ этомъ говорить, окончила Груне, окинувъ мужа полу—надменнымъ или точнѣе—презрительнымъ взглядомъ.

Ребъ-Авремеле обдало холодомъ отъ взгляда жены. Хотя онъ уже давно привыкъ уступать во всемъ женѣ, но никогда она не обращалась къ нему такъ высокомѣрно, повелительно, грозно и съ такимъ явнымъ презрѣніемъ какъ въ этотъ разъ. Онъ разсердился и не нашелся что отвѣчать.

— Пусть будетъ по твоему, произнесъ наконецъ ребъ—Авремеле съ покорностью.

— Разумѣется по моему, повторила вслѣдъ за нимъ Груне и окинувъ его насмѣшливымъ взглядомъ, съ самодовольною улыбкою торжества, выпорхнула изъ кабинета мужа.

Оставившись одинъ, ребъ Авремеле долгое время не могъ прійти въ себя. Долго предъ нимъ стоялъ образъ молодой красивой женщины, съ презрительно—надменнымъ взглядомъ, этотъ взглядъ, какъ острее кинжала кололъ ему прямо въ сердце... Наконецъ онъ опомнился; онъ осмотрѣлся вокругъ себя, какъ будто, желая удостовѣриться, что никто его не подслушиваетъ, губы его зашевелились и онъ произнесъ: „Боже мой какъ она перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась изъ заграницы... Я просто не узнаю въ ней моей прежней Груне...“ Ребъ—Авремеле затрепеталъ; холодный потъ выступилъ

на его лбу, и онъ почти закричалъ, какъ будто, желая этимъ крикомъ заглушить возникающія мысли. "Ахъ нѣтъ, нѣтъ, я клевещу на мою Груне, продолжалъ ребъ—Авремеле послѣ короткой паузы, разумѣется она умнѣе и образованнѣе меня, она желаетъ добра моей Рахили... Вѣдь Рахиль ея дочь тоже.. Какъ было ей не закричать на меня, когда я, старый болванъ, мѣшаюсь въ совершенно не понятное для меня дѣло... Да, да мнѣ слѣдуетъ помириться съ нею и сказать ей, чтобы больше не волновалась... Ахъ Груне, Груне! не такого мужа какъ я тебѣ слѣдовало бы имѣть... Не мнѣ оцѣнить тебя!... Ну Авремлъ, продолжалъ онъ говорить самому себѣ, что ты замѣшкался,— ступай и проси свою голубушку, чтобы она не волновалась и успокой ее..."

Произнеся послѣднія слова, ребъ—Авремеле, раздосадованный на самого себя, отправился нерѣшительными шагами въ комнату Груне, чтобы успокоитъ свою жену и вымолить у нея прощеніе. Груне, по видимому, ожидала его прихода. Лице ея приняло суровое выраженіе, потому что она думала: „мужъ стоитъ на своемъ и пришелъ въ свою очередь, какъ полновластный хозяинъ всего дома и меня самой, высказать свое рѣшительное, послѣднее слово и принудить повиноваться." Но лишь только она всмотрѣлась въ безмолвную, трепещущую и блѣдную фигуру ребъ—Авремеле, какъ поняла все и восторгъ побѣды чуть замѣтно мелькнулъ на ея лицѣ.

— Прости мнѣ, моя Грунечка, прости мнѣ, могъ только проговорить ребъ—Авремеле, не будучи въ состояніи устоять на ногахъ.

Груне, притворяясь удивленною, устремила на своего мужа взглядъ выражавшій невинность, добродушіе и вмѣстѣ съ тѣмъ что—то гордое, повелѣвающее и, въ свою очередь, звучнымъ, мелодическимъ голосомъ спросила.

— Въ чемъ просишь у меня прощенія?...

Ребъ—Авремеле не далъ ей договорить и, бросившись цѣловать свою жену въ руки, шею и лице, отчаянно кричалъ: „Да, да ты ангелъ, а я тиранъ!!... Грунечка, я твоей подметки не стою!... да, да не стою!... Ты лучшая изъ женщинъ!..." Обильныя слезы полились по его сморщенному лицу и растрепанные волосы его длинныхъ пейсовъ въ безпорядкѣ разсыпались по всему лицу,

потому что во время своихъ нѣжничаній съ женою, ермолка вурхнула съ головы ребъ—Авремеле и она оставалась не покрытою.

Груне съ улыбкою на губахъ выдерживала всю эту сцену, съ большими усиліями ей удалась скрыть свою непомѣрную радость. А—радоваться Груне было чѣмъ: она убѣдилась *что вполнѣ владѣетъ мужемъ.* Ей было такъ легко и хорошо въ эту минуту, что она рѣшилась отложить дальнѣйшія побѣды надъ мужемъ до болѣе благопріятныхъ случаевъ и охотно заключила съ старымъ ребъ—Авремеле мировую. Ребъ—Авремеле, въ припадкѣ восторга, обѣщался на дняхъ купить женѣ дорогой перстень.

Наступилъ день. На улицѣ было холодно. Морозъ заставилъ прохожихъ поднять воротники шубъ и потеплѣе закутаться. Бороды извощиковъ, разнощиковъ, лавочниковъ и всякаго промышляющаго люда замерзли и образовали у кого фигуры въ видѣ висящихъ на палочкѣ грошовыхъ сальныхъ свѣчей, у кого фигуры остраго угла а у кого просто—ледяной четырехугольной доски. Нищихъ на улицахъ не было видно: сильный морозъ не позволялъ имъ выползать въ дырявыхъ рубищахъ изъ своихъ конуръ. Крестьянскія телѣги съ дровами и сѣномъ скрипѣли по улицамъ. Изъ отворенныхъ дверей кабаковъ валилъ паръ какъ изъ трубъ. Тяжела такая погода для бѣднаго класса людей! Холодъ иногда хуже голода, но еще хуже когда оба эти злѣйшіе враги человѣческіе встрѣчаются въ одной хижинѣ, и утомленный голодомъ и окоченѣвшій отъ холода несчастный, по неволѣ принужденъ пѣть вмѣстѣ съ убогимъ странникомъ г. Некрасова.

Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно родименькой, холодно!
Голодно странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Пробило одинадцать часовъ утра. Въ спальнѣ Груне царствовала мертвая тишина: она еще не просыпалась. По временамъ только служанка Ревека тихонько растворяла двери и освѣдомлялась не пробудилась ли уже ея госпожа. Груне между тѣмъ и не думала такъ скоро проснуться, потому что она начала засыпать только съ разсвѣтомъ.

Иногда человѣкъ не можетъ заснуть отъ радости, а иногда отъ горя. Груне не могла заснуть, потому что слишкомъ много свѣтлыхъ дней мечталось ей въ будущемъ. Въ перспективѣ видѣлось радость да свобода дѣйствій, а это очень важно для молодой женщины, а для Груни—тѣмъ болѣе.

Ребъ—Авремеле сильно безпокоился, и уже въ сотый разъ справлялся у краснощекой Ревнеки, пробудилась ли Груне.

Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать, раздался колокольчикъ въ спальнѣ Груни, Реввека стремглавъ бросилась на зовъ своей госпожи. Груне лежала на раскошной постели и глядѣла въ потолокъ. Улыбка играла на ея губахъ. Реввека стояла, затаивъ дыханіе и не смѣя тревожить покой своей госпожи. Спустя нѣсколько минутъ, Груне обернулась и увидѣла свою горничную.

— Ты здѣсь? обратилась она къ ней съ вопросомъ.

— Да, я здѣсь и жду вашихъ приказаній, отвѣчала горничная, лукаво улыбаясь.

— Который часъ? полюбопытствовала Груне.

— Двѣнадцатый, отвѣчала Реввека.

Груне усѣлась на своей постели и приказала горничной подать себѣ чаю. Приказаніе ея было немедленно исполнено. Не успѣла Груне допить первый стаканъ, какъ ребъ—Авремеле уже очутился въ спальнѣ.

— *Гутъ моргенъ диръ мейнъ лебенъ* (доброе тебѣ утро моя жизнь); хорошо ли ты спала, мое сердце? произнесъ ребъ-Авремеле, торжественно вынимая изъ боковаго кармана дорогой перстень рублей въ двѣсти, и подалъ Груне.

Какъ шаловливый ребенокъ игрушку, Груне выхватила перстень изъ рукъ мужа, полюбовалась имъ немного, попробовала надѣть его на палецъ, потомъ сняла и какъ будто нечаянно уронила на одѣяло и принялась пить другой стаканъ чаю.

Ребъ—Авремеле съ наслажденіемъ наблюдалъ за всѣми движеніями своей жены и старался уловить удобную минуту, чтобы сказать что нибудь пріятное своей Груне, какъ вдругъ появился *мешуресъ* (парень—служитель) и объявилъ что пришелъ какой то подрядчикъ. Ребъ—Авремеле, скрѣпя сердце, долженъ былъ оставить свою жену, которая на прощанье послала ему воздушный поцѣлуй.

Лишь только ребъ-Авремеле удалился, Реввека подошла къ своей госпожѣ и таинственно произнесла: „Herr Вайнтройбъ встрѣтилъ меня сегодня утромъ и приказалъ вамъ кланяться.“

— Ахъ да, какъ будто что то соображая, проговорила Груне: помоги мнѣ скорѣе одѣться, а потомъ пошлю тебя къ Вайнтройбу съ порученіемъ...

Горничная приняла таинственный видъ, какъ будто приготовляясь слушать что нибудь предназначеное исключительно для ея уха; но напрасно: Груне, какъ бы забывшись, не сказала ни слова.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о Реввекѣ, которая играла не послѣднюю роль въ семействѣ ребъ—Авремеле.

Реввека не была просто служанкою, а скорѣе компаніонкою и довѣреннымъ лицомъ своей госпожи. Она родилась въ пограничномъ городкѣ, откуда, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями, захватила ее Груне на возвратномъ пути изъ за границы. Захватила-же ее Груне потому, что имѣть въ услуженіи *атайцке* (нѣмку) было ея давнишнимъ желаніемъ. Хотя Реввека была еврейка, а не нѣмка, но это было для нашей Груне все равно: въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, *нѣмкою* величали всякую, которая употребляла въ разговорѣ нѣмецкія слова и вообще, разставляла слова такъ, что ее трудно было понять, а Реввеку сначала наша Груне понимала съ трудомъ, но впослѣдствіи оказалось, что Реввека умѣетъ говорить какъ всѣ смертные, когда остается наединѣ съ своею госпожою, что и доставляло Груне не малое удовольствіе. Въ домѣ ребъ—Авремеле Винтъ, Реввека была извѣстна подъ именемъ *фрейлинъ*, такъ величали ее всѣ, не исключая и господъ. Она была приближеннымъ лицомъ Груне, которая ничего не предпринимала, не посовѣтовавшись заранѣе съ нею. Реввека отлично понимала свое положеніе и держалась весьма хорошо, какъ въ отношеніи къ знакомымъ госпожи Винтъ, такъ и въ отношеніи къ остальной прислугѣ ребъ—Авремеле, на которую Реввека смотрѣла свысока, и при каждомъ удобномъ случаѣ высказывала свое превосходство надъ нею. Она успѣла въ короткое время такъ привязать къ себѣ M—me Винтъ, что послѣдняя не могла уже ни ѣсть, ни пить, ни прогуливаться безъ своей любимицы. Природа какъ

будто создала обѣихъ женщинъ другъ для друга: взгляды ихъ на вещи были одинаковы; то что нравилось госпожѣ, нравилось и горничной. Казалось, что послѣдняя существуетъ только для первой. Однимъ словомъ фрейлейнъ Реввека и Груне составляли одного человѣка. Реввека скоро разгадала свою хозяйку и поняла, чѣмъ она должна ей быть обязана, и потому не удивительно, если главнѣйшею задачею жизни Реввеки сдѣлалось выполнить и по возможности предупреждать всѣ желанія и прихоти своей госпожи,

Но довольно о Ревеккѣ: возвращаюсь къ расказу.

Когда Груне одѣлась, она не замедлила отправить Реввеку къ Вайнтройбу съ просьбою, чтобы онъ рекомендовалъ ей учителя для Рахили изъ воспитанниковъ раввинскаго училища, а сама отправилась въ кабинетъ мужа, чтобы поболтать съ дѣловыми подрядчиками, которые приходили къ ребъ—Авремеле и между которыми попадались иногда молодые люди, *съ образованіемъ*, какъ выражалась о нихъ Груне.

Было шесть часовъ вечера. Семейство Винтъ расположилось въ роскошной гостиной и распивало чай. Ребъ—Авремеле гладилъ Рахиль по головкѣ и потихоньку напѣвалъ какую то мелодію знаменитаго кантора. Груне полулежала на диванѣ и любовалась своими дорогими украшеніями, къ которымъ въ это утро ребъ-Авремеле прибавилъ еще одинъ перстень, и которому Груне послѣ продолжительнаго совѣщанія съ Реввекою, назначила мѣсто на среднемъ пальцѣ правой руки. Иногда Рахиль прерывала торжественное молчаніе какимъ нибудь вопросомъ, обращеннымъ обыкновенно къ отцу. Во время вечерняго чая никто не тревожилъ семейство Винтъ и ребъ—Авремеле постоянно говорилъ, что часы послѣ—обѣденнаго чая у него лучшіе въ жизни, потому что тогда онъ живетъ исключительно въ своемъ семейномъ кругу. На этотъ разъ, противъ обыкновеннаго, лишь только начали наливать вторые стаканы, вошла служанка и объявила, что нѣкто herr Прайсъ проситъ позволенія войдти. Груне приказала просить, а ребъ—Авремеле нахмурился.

Прошло нѣсколько минутъ. На порогѣ гостиной появился юноша прекрасной наружности и не рѣшительно затворивъ за собою дверь, почти пролепеталъ. „меня послалъ къ вамъ г. Вайнтройбъ.“

— Прошу садиться, сказала хозяйка.

Юноша нѣсколько минутъ не двигался съ мѣста: онъ видимо размышлялъ—слѣдуетъ ли ему снять шапку или нѣтъ. М—me Винтъ, какъ будто угадавъ мысли гостя, незамѣтнымъ для мужа наклоненіемъ головы, дала ему знать, что нечего стѣсняться присутствіемъ хозяина. Юноша снялъ шапку и болѣе смѣлыми шагами приблизился къ указанному Грунею стулу. Груне нѣсколько минутъ наблюдала за всѣми движеніями молодаго человѣка, потомъ, прищуривъ слегка правый глазъ, спросила: „какъ васъ зовутъ, молодой человѣкъ, т. е. какъ ваша фа—ми—лія..."

— Прайсъ, отвѣчалъ юноша.

— Прайсъ, Прайсъ, повторила нѣсколько разъ Груне, какое странное имя! вы должны быть изъ Пруссіи, продолжала она, смѣясь во все горло.

Юношу немного передернуло. Онъ всталъ съ своего мѣста и, выпрямившись во весь ростъ, проговорилъ:

— М—me я вамъ не подалъ никакого повода смѣятся надо мною... Честь имѣю кланяться...

Произнеся послѣднія слова, онъ обернулся по направленію къ двери. Въ туже самую минуту М—me Винтъ живо поднялась съ своего мѣста и ласково заговорила.

— Ахъ, herr Prais, какъ-же вы обидчивы!... помилуйте, вѣдь я только такъ... ничего, надѣюсь, мы будемъ друзьями. Садитесь лучше, продолжала она, видя, что гость все еще колеблется, остаться ли ему или уйдти. Вотъ такъ, продолжала она, когда молодой человѣкъ, преодолѣвъ свое смущеніе, сѣлъ другой разъ, скажите мнѣ, пожалуста, въ какомъ вы классѣ?

— Въ седьмомъ, отвѣчалъ скромно Прайсъ.

— Ну хорошо, сказала хозяйка, надѣюсь вы съумѣете обучать мою дочь. Кстати я вамъ ее представлю; вотъ она,—будущая ваша воспитанница, продолжала она указывая на Рахиль. Ну, Рахиль, подойди къ господину Прайсу и скажи ему: „здравствуйте"

Рахиль высвободила свою головку изъ подъ руки отца, который все еще продолжалъ гладить ее по головкѣ, и исполнила приказаніе матери. Ребъ—Авремеле сильно покоробило, что *его ребъ—Авремеле* дочь, заставляютъ *кривляться* предъ какимъ нибудь рабинчукомъ, котораго, еслибъ онъ не

боялся сцены съ женою, прогналъ бы изъ своего дома. Онъ не могъ удержаться, и поднялся было для того, чтобы припугнуть ненавистнаго рабинчука, какъ встрѣтилъ повелительный взглядъ своей жены и вторично опустился въ свои вольтеровскія кресла.

— Вотъ вы уже знакомы съ моею дочерью, начала Груне, когда Рахиль, послѣ церемоннаго книксена, отправилась на свое мѣсто; надѣюсь, продолжала она, вы будете ею довольны и полюбите ее, когда покороче познакомитесь. Не угодно ли вамъ чаю, господинъ Прайсъ? окончила она вопросомъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ будущій наставникъ Рахили, немного поднимаясь съ своего мѣста и покраснѣвъ до ушей.

— Церемониться то у насъ нечего, начала опять Груне, будьте какъ дома.

Прайсу подали стаканъ чаю.

Груне, какъ бы забывъ причины появленія гостя совершенно уклонилась отъ главнаго дѣла, и начала разсказывать о своей поѣздкѣ за границу. Гость очень внимательно слушалъ ея болтовню и, оправляясь все больше, довольно развязно вставлялъ свои замѣчанія объ упоминаемыхъ Грунею мѣстностяхъ, которыя онъ почерпнулъ изъ всевѣдущаго Ободовскаго. Груне говорила безъ умолку и, увлекаясь болѣе и болѣе пріятными воспоминаніями, разсказала даже какъ она всѣмъ вскружила тамъ голову и какой произвела она, Груне, фуроръ въ нѣмецкихъ гостиныхъ, забывая совершенно, что старый ребъ—Авремеле находится тутъ же. Впрочемъ ей нечего было стѣсняться присутствіемъ мужа, такъ какъ ребъ—Авремеле, отъ нечего дѣлать, вздремнулъ не много.

Такъ прошелъ часъ. Помощникъ *шамеса* сосѣдней молельни пришелъ звать ребъ—Авремеле къ *майривъ* (поздней вечернѣ). Груне его разбудила. Очнувшись, ребъ—Авремеле протеръ глаза и, повидимому, былъ крайне удивленъ, что рабинчукъ такъ долго еще въ его домѣ, а жена не только не выгнала его, но даже бесѣдуетъ съ нимъ,

— А что, ребъ—норевъ (ближній), ма—шмейхемъ (какъ ваше имя), не пойдете ли и вы вмѣстѣ со мною молиться, обратился ребъ—Авремель къ Прайсу съ вопросомъ и самъ засмѣялся своей удачной шуткѣ.

— Слушай, Авремель, что это у тебя за привычка звать всякаго молиться?... Развѣ ты *шамесъ* что ли? и еще смѣется, прибавила Груне, поднимая на мужа полныя гнѣва глаза.

— Ахъ, какая ты Грунечка, пробормоталъ, извиняясь ребъ—Авремеле,—я только пошутилъ... такъ себѣ, ей Богу, такъ себѣ... а ты уже сердишься... *Хлебенъ*! я недумалъ обидѣть его... ну, ну не сердись...

— Ну, ступай, я прощаю тебѣ, только ступай себѣ съ Богомъ, перебила Груне своего мужа.

Ребъ—Авремеле отправился молится и Груне осталась съ Прайсомъ только вдвоемъ, потому что Рахиль уже давно была выслана въ дѣтскую. Съ большею живостью Груне продолжала разсказывать Прайсу о загряницѣ, передавая, ему, между прочимъ, и такіе анекдоты, отъ которыхъ молодой человѣкъ краснѣлъ. Не извѣстно, сколько бы продолжалась ихъ бесѣда, еслибы не помѣшало слѣдующее обстоятельство: Реввека вошла и объявила своей госпожѣ, что пришли просить ее на вечеръ. Груне очень ловко сократила свой разсказъ, которому не предвидѣлось конца и, условившись съ Прайсомъ насчетъ уроковъ, протянула ему на прощаньи кончики своихъ пальцевъ, прибавивъ.

— До свиданія т. е. до завтра, въ два часа.

— До завтра, повторилъ вслѣдъ за ней Прайсъ, и вышелъ изъ гостиной Винта, довольный какъ урокомъ, такъ и матерью своей будущей ученицы.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Рахиль уже совершенно овладѣла при помощи Прайса „Первымъ наставленіемъ.“ Ежедневно, въ два часа Прайсъ являлся на урокъ. Груне всегда присутствовала при занятіяхъ Прайса съ Рахилью. Обученіе сначала шло въ дѣтской, а потомъ, по волѣ Груне началось въ гостинной, такъ какъ послѣдняя представляла больше удобствъ для Груне. Зорко слѣдила Груне за успѣхами своей дочери, но потомъ мало—по малу ей это наскучило.

Однажды вечеромъ Груне напала на счастливую мысль: „почему, вдругъ подумала она, мнѣ не воспользоваться случаемъ и не дополнить мое образованіе, вѣдь тотъ-же Прайсъ можетъ заниматься и со мною... Конечно я не стану приготовлять для него уроковъ, но все таки я могу очень легко научиться чему нибудь... Развѣ я непремѣнно должна читать эти скучныя

книги?... Я заставлю Прайса разсказывать мнѣ о чемъ говорится въ разныхъ, даже *труднѣйшихъ* книгахъ, а потомъ, при случаѣ, буду пользоваться этимъ... Не догадаются же слушатели, что я сама не читала этихъ книгъ... Ахъ, да Прайсъ мнѣ разскажетъ не только содержаніе нѣмецкихъ книгъ, но и русскихъ... Послѣ этого мнѣ уже не придется молчать и краснѣть, когда у Вайнтройба и другихъ знакомыхъ начнутся между дѣвицами, молодыми дамами толки и разсужденія о не доступныхъ до селѣ для меня *„глупыхъ книгахъ...“* Груне все болѣе и болѣе приходила въ восторгъ отъ воображенія,—какъ она вдругъ, однимъ разомъ, сдѣлается образованнѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ. Въ томъ, что Прайсъ есть *сама ученость*, она не сомнѣвалась. „Эхъ, продолжала она мечтать, какъ будутъ всѣ изумлены, когда я заговорю даже о такихъ сочиненіяхъ, которыя для нихъ совершенно не доступны!... Прайсъ, кажется, говорилъ мнѣ, что кромѣ романовъ тоже есть книги, и, что эти книги называются *серьезными*, а дамы ихъ не читаютъ, потому что онѣ, говорятъ, чрезвычайно скучны и трудны... Я его попрошу познакомить меня съ этими книгами...“

Груне была такъ довольна своими мыслями, что не замѣтила прихода мужа, который испугался до смерти, видя, какъ Груне разсуждаетъ сама съ собою.

— Груне! могъ только проговорить ребъ—Авремеле, въ испугѣ.

— А, Авремеле, произнесла Груне, выведенная изъ своихъ сладкихъ думъ голосомъ мужа; я дѣйствительно немного замечталась, окончила она, послѣ минутной паузы и, совершенно неожиданно, поцаловавъ ребъ—Авремеле въ лобъ, отправилась изъ гостиной въ свою комнату, прося мужа оставить ее на нѣкоторое время одну.

Очутившись въ своей комнатѣ, Груне опять предалась своимъ прежнимъ мыслямъ, и въ заключеніе рѣшила не откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ, а на слѣдующій-же день переговорить о немъ съ Прайсомъ. „Какъ бы я хотѣла, чтобы пролетѣло уже нѣсколько мѣсяцевъ,“ заключила она свои размышленія, и, призвавъ къ себѣ Ревеку, начала совѣтоваться съ нею, какое платье надѣть ей въ настоящій вечеръ, чтобы отправиться въ гости.

Было два часа дня. Прайсъ, по обыкновенію, явился къ Витамъ на урокъ. Рахиль разсказала твердо—заученный урокъ изъ географіи Ободовскаго, путешествуя маленькимъ пальчикомъ по картѣ Европы. Прайсъ былъ весьма доволенъ, ибо это былъ первый заданный урокъ на картѣ и Рахиль отвѣчала такъ, какъ будто она уже цѣлые года знакома съ картой.

— Ахъ, Рахиль, вѣдь вы просто чудо! Что за дитя! проговорилъ Прайсъ въ избыткѣ удовольствія; увѣряю васъ, что вы будете ученѣйшая изъ всѣхъ вашихъ единовѣрокъ.

— Herr Lehrer, проговорила только Рахиль, поднимая на Прайса свои умные глаза...

Прайсъ понялъ, что промахнулся, ибо не долженъ былъ посторонними словами прерывать своихъ занятій съ Рахилью, и торопливо снова занялся своимъ дѣломъ.

Рахиль была странный ребенокъ. Весь домъ Винта, разумѣется, кромѣ родителей, прозвалъ ее чудачкою. Дѣйствительно, она вела себя очень странно. Не смотря на свой возрастъ,—ей всего было восемь лѣтъ съ небольшимъ,—она уже давно оставила своихъ сверстницъ на дворѣ рѣзвиться однѣхъ, и постоянно находилась въ своей комнатѣ, сначала приготовляя уроки для *клойзнера*, а потомъ для Прайса. Мать свою почему то кажется, она не совсѣмъ любила; замѣтно было, что она старалась избѣгать ее. Къ отцу она питала самое нѣжное чувство, что и доказывали частыя посѣщенія Рахили отцовскаго кабинета, когда мать отправлялась по ночамъ въ гости, Рахиль проводила цѣлые вечера въ кабинетѣ отца, занимаясь приготовленіемъ своихъ уроковъ для Прайса и изрѣдка перебрасываясь съ отцомъ нѣсколькими словами. Она была очень добра и очень умна для ея лѣтъ. Рахиль какъ будто поняла, что старику—отцу не очень тепло живется на свѣтѣ, и своими ласками старалась, при всякомъ удобномъ случаѣ, пригрѣть его; но не въ ея натурѣ было вѣшаться на шею, цѣловать и голубить любимаго человѣка; не смотря на теплоту своего сердца, она не могла выражать своихъ чувствъ внѣшними знаками. Мать свою Рахиль считала чуть не чужою. Груне, конечно, это было все равно,—врядъ ли она даже замѣчала холодность дочери и, въ свою очередь, тоже не любила Рахили. Намъ уже извѣстно какъ Груне, прежде смотрѣла, на свою дочь, какъ

на предметъ, долженствующій въ будущемъ доставить ей много удовольствій и, при всякомъ удобномъ случаѣ, старалась извлечь изъ нея личную пользу. Рахиль видѣлась съ матерью только опредѣленное число разъ въ день. Утромъ, въ сопровожденіи Ревекки, она отправлялась на минуту въ спальню матери, чтобы пожелать ей добраго утра. При утреннихъ визитахъ дочери, Груне обыкновенно почти не замѣчала Рахили и, пробормотавъ всегда одинъ и тотъ-же: *„Гутъ моргенъ диръ Рахиль“* (доброе утро тебѣ Рахиль), на привѣтетствіе дочери, отпускала ее назадъ. Съ собою прогуливаться или въ гости Груне никогда не брала Рахили. Когда случалась, что гости навѣщали Груне, то Рахиль, разодѣтая въ пухъ и прахъ, должна была находиться въ гостинной при матери, которая, при такихъ случаяхъ, очень часто притягивала Рахиль къ себѣ и осыпала поцалуями, разсказывая гостямъ, что любитъ свою дочь до того, что должна постоянно держать ее при себѣ; въ противномъ случаѣ *сердце ея не намѣстѣ*. Груне очень любила при чужихъ хвалить свою дочь и много распространяться о богатыхъ способностяхъ *своей милой* Рахили. Очень трудно приходилось Рахили просиживать нѣсколько часовъ въ гостинной и ждать пока мать скажетъ, „Реввека! ребенку уже пора спать, ступай миленькая Рахиль, съ фрейлейнъ.“ Во время обѣда и вечерняго чая, Рахиль тоже встрѣчалась съ матерью. Во время обѣда она занимала мѣсто между отцомъ и Груне, а во время вечерняго чая сидѣла при ребъ—Авремеле, который обыкновенно гладилъ ее по головкѣ, въ то время, когда Груне, полулежа на диванѣ и распивая чай, размышляла, какъ и гдѣ провести наступающій вечеръ,

Ребъ—Авремеле все болѣе и болѣе привязывался къ своей крошкѣ, какъ величалъ онъ Рахиль и ежедневно по утрамъ, войдя въ ея комнату умолялъ свою Рахиль, чтобы она поменьше занималась, доказывая ей убѣдительнѣйшимъ образомъ, что она не готовится быть *а лерерке* (гувернанткою, учительницею), и что она, по его мнѣнію, уже знаетъ больше, чѣмъ сколько ей нужно.—Иногда Рахиль прерывала свои занятія и погружалась въ думу; она думала тогда о своемъ отцѣ, о своей матери и задавалась вопросомъ: почему она не любитъ свою мать такъ, какъ любитъ отца, и какъ другія дѣти любятъ

своихъ матерей? Рахиль чувствуетъ, что такъ не должно быть! Но если не должно,—то почему—же все таки такъ есть? Объ этомъ—то и думаетъ Рахиль и не можетъ разрѣшить своей задачи. Довольно, Рахиль, не задавай себѣ такихъ вопросовъ, не понять тебѣ этого теперь. Будешь ли счастливѣе, когда все это объясниться тебѣ?... врядъ ли? Мы всѣ иногда стараемся рѣшить такіе вопросы, послѣ окончательнаго разрѣшенія которыхъ, остается въ удѣлъ горькое отчаяніе!... А мы вѣдь уже не дѣти! Но что—же прикажете дѣлать! таковъ уже законъ природы.

Пробило три часа. Прайсъ простился съ своею ученицею и отправился въ переднюю надѣвать пальто. Не успѣлъ онъ переступить порогъ, какъ встрѣтила его Реввека съ приглашеніемъ къ матери, которая по словамъ фрейлейнъ Реввеки, была что-то не здорова и потому проситъ Herr Прайса къ себѣ въ спальню. Прайсъ послѣдовалъ за Реввекою.

— Доброе утро, Herr Praiß, начала Груне, полуодѣтая лежа на мягкой кушеткѣ, когда молодой человѣкъ очутился въ ея спальнѣ. Ахъ, простите, что я васъ безпокою; мнѣ право нужно кое о чемъ съ вами переговорить.... Конечно, это дѣло не очень важно и я бы могла завтра тоже....

Произнеся послѣднія слова, Груне подала Прайсу кончики своихъ пальцевъ и, пригласила его занять ближайшій къ ней стулъ и указавъ Реввекѣ на дверь.

— Ахъ, помилуйте, ничего, проговорилъ Прайсъ, занявъ указанное мѣсто.

Долгое время длилось молчаніе. Не смотря на подготовку, Груне видимо не знала, какъ начать разговоръ. Она нѣсколько разъ провела рукою по лицу и пристально смотрѣла на Прайса, какъ будто предъ ней сидѣлъ совершенно незнакомый ей человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ она хотѣла угадать по лицу послѣдняго,—способенъ ли онъ сохранить тайну и не проболтаться. Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, Груне обратилась къ своему собесѣднику съ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, можно ли знать о чемъ говорится въ книгахъ не читая ихъ?

Прайсъ молчалъ и ничего не отвѣчалъ: его изумилъ такой вопросъ и онъ не понялъ его.

— То есть, поспѣшила пояснить Груне, видя какое впечатлѣніе, произвелъ ея вопросъ на молодого человѣка, я хочу сказать, можетъ ли человѣкъ, прочитавъ книгу, передать ея содержаніе *другому и этимъ освободить этого другаго* отъ чтенія самой книги.

— Я не понимаю почему вы употребляете слово *освободить*; какъ будто прочитать книгу вещь очень скучная.... Конечно, можно узнать содержаніе данной книги отъ человѣка, который читалъ ее, но лучше и надежнѣе прочитать для этой цѣли, книгу самому....

Прайсъ хотѣлъ было развить свою мысль, но Груне замахала руками, давая ему знать, что первый ея вопросъ онъ уже разрѣшилъ какъ нельзя лучше.

— А что такое *серіозныя книги*? спросила было Груне, но въ ту—же минуту, какъ бы одумавшись, прибавила: ахъ, нѣтъ, не нужно!... о чемъ бишь я хотѣла васъ спросить?

Груне опять задумалась. Видно было, что она собиралась говорить очень много. Прайсъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, положеніе его было крайне неловко. Наконецъ губы Груне зашевелились и она произесла: „слушайте"!... Прайсъ обратился весь въ слухъ.

— Слушайте, повторила Груне: одна молодая дама, совершенно необразованная, которая воспитывалась у грубыхъ родителей, очутилась послѣ своего замужества между людьми вполнѣ образованными и такимъ образомъ, какъ вы сами понимаете, ей приходится чрезвычайно неловко, а потому она довѣрилась мнѣ и просила, чтобы я помогла ей.... (она видите-ли моя пріятельница). Прежде я сама не знала, какъ тутъ поступить и потому рѣшилась переговорить съ вами объ этомъ предметѣ....

Груне на минуту остановилась, чтобы перевести духъ и собраться съ мыслями и что-бы придумать окончаніе своей хитро-сплетенной басни; наконецъ она продожала.

— Теперь вы сказали, что можно знать содержаніе книги не читая ея.... Это для меня очень важно. Согласитесь сами,—не можетъ-же замужняя женщина, при огромномъ хозяйствѣ, изучать языки, на которыхъ писаны разныя дѣльныя книги,—учиться какъ маленькая дѣвушка и приготовлять для учителя уроки, какъ моя крошка Рахиль для васъ.... Изъ ва-

шихъ словъ я заключаю, что могу услужить моей пріятельницѣ, какъ нельзя лучше.... Я знаю, herr Prais, что вы честный человѣкъ и если я васъ порекомендую моей пріятельницѣ, то никто объ этомъ знать не будетъ и эта тайна останется между нами, какъ въ *могилѣ*... Что касается вашихъ условій обученія; то моя пріятельница во всемъ полагается на васъ,—она заранѣе на все согласна.

М-me Винтъ остановилась, тяжело дыша, какъ будто огромная тяжесть давила ея грудь и ей удалось освободиться отъ нея не безъ усилій; при всемъ томъ улыбка, говорившая, что она въ состояніи выполнить самые трудные вещи, освѣтила ея измученное лицо.

— Такъ значитъ, вы предлагаете мнѣ этотъ *урокъ*, спросилъ Прайсъ.

— Помилуйте, что тутъ за *урокъ*, возразила Груне, вы будете приходить будто съ визитомъ къ моей пріятельницѣ, и будете только бесѣдовать съ нею, а вамъ за то еще платить будутъ.... Кажется, это довольно пріятно.... Ну что молодой человѣкъ, вы соглашаетесь или нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ, повторяю, что-бы все то о чемъ мы говорили осталось между нами....

— Право это очень странно: мнѣ приходится слышать такое предложеніе первый разъ, впрочемъ, я соглашаюсь. Теперь позвольте васъ спросить: кто-же эта дама, съ которю я долженъ, какъ вы говорите, бесѣдовать и когда должны начаться эти бесѣды? процѣдилъ сквозь зубы Прайсъ.

Груне немного смутилась, она увидѣла, что настала рѣшительная минута, ей было очень трудно и не ловко довѣриться сидящему предъ нею *мальчику* и стать съ этой минуты, въ интимныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ, предъ которымъ она еще третьяго дня, такъ гордо держала голову. Она уже готова была отказаться отъ задуманнаго плана; но поворотить зазадъ было поздно.... Груне сдѣлала надъ собою невѣроятное усиліе и довольно хладнокровно, съ улыбкою, проговорила.

— Будемъ-те вполнѣ откровенны Herr Prais, начала Груне, я употребила съ вами маленькую хитрость.... у меня никакой пріятельницы нѣтъ.... Это *ваша* пріятельница предъ вами.... Это—я сама, къ вашимъ услугамъ....

Послѣднія слова Груне произнесла съ аккомпаниментомъ громкаго смѣха, какъ будто радуясь, что ей удалось такъ пошутить надъ сконфуженнымъ Прайсомъ, а на самомъ дѣлѣ, она хотѣла этимъ смѣхомъ заглушить свое собственное волненіе, которое, безъ того, сдѣлалось бы замѣтнымъ.

Прасйъ тоже разсмѣялся, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчетъ, что побудило его къ этому смѣху. „Чертъ возьми, промелкнуло въ головѣ Прайса, если даже эта женщина съумашедшая, то мнѣ все таки не слѣдуетъ отказываться отъ ея предложенія... Будетъ-же она платить мнѣ порядочно и мои бѣдные родные не будутъ болѣе нуждаться“....

— Итакъ по рукамъ, перебила Груне его размышленія и протянула ему свою крошечную руку.

— Порукамъ, повторилъ вслѣдъ за нею Прайсъ, съ чувствомъ пожимая поданную ему руку.

— Объ условіяхъ мы говорить не будемъ, начала опять Груне, послѣ нѣкотораго молчанія: я заранѣе согласна на всѣ ваши условія и прибавляю только отъ себя, что если я буду вами довольна, то вы мною тоже останетесь довольны.

Прайсъ поклонился.

— Я думаю мы можемъ завтра начать свои занятія, продолжала Груне уже довольно развязно и вполнѣ овладѣвъ собою, и для дебюта, Herr Prais, вы разскажете мнѣ исторію „Маріи Стюартъ“; въ нашихъ кружкахъ постоянно толкуютъ о ней, да объ этомъ.... какъ его? *Шейлерѣ*....

— Шиллерѣ, поправилъ Прайсъ.

— Ну, да, Шиллерѣ, повторила Груне, вы должно быть читали это?... дѣйствительно, это занимательная исторія?...

Прайсъ утвердительно кивнулъ головою.

Груне посморѣла на свои часы и, убѣдившись, что скоро ребъ-Авремеле уже встанетъ отъ послѣобѣденнаго сна, поспѣшила распрощаться съ Прайсомъ и, подавая ему всю руку, а не кончики пальцевъ, напомнила ему въ третій разъ, чтобы все это осталось между ними. Прайсъ разумѣется, далъ торжественное увѣреніе въ своей скромности.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Груне уже знала содержаніе многихъ книгъ и по силамъ пользовалась своимъ знаніемъ. Бѣда только въ томъ, что, зная содержаніе какого нибудь рома-

на, повѣсти или драмы, она довольно часто путалась и допускала забавныя qui pro quo:

Такъ напр., однажды говоря о Маріи Стюартъ, она утверждала, что Бургли любилъ Марію, а графъ Лейчестеръ, этотъ коварный человѣкъ, все совѣтовалъ Елисаветѣ умертвить ее. Разумѣется, что такой разсказъ вызвалъ неудержимый хохотъ въ собраніи, и одинъ изъ присутствующихъ даже вскользь замѣтилъ нашей Груне, что должно быть она уже *слишкомъ давно* читала эту *глупую исторію*. Груне закусила губы отъ ѣдкой шутки и при первой бесѣдѣ съ Прайсомъ о разныхъ исторіяхъ, попросила его записать дѣйствующихъ лицъ еврейскими буквами.

Прайсъ исполнилъ ея желаніе.

— Я уже сдѣлала шагъ впередъ!... Я уже почти образованна, воскликнула однажды Груне, когда, послѣ долгихъ усилій, ей кое-какъ удалось вызубрить имена дѣствующихъ лицъ Шекспировскаго „Оттелло".

— Да, она сдѣлала шагъ впередъ, не хотя долженъ согласиться съ Груне читатель!...

IV

Новыя лица.

Хотя евреи не имѣли въ Вильнѣ особо—отведенаго для нихъ Гетто, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ частяхъ этого города прежде запрещалось имъ селиться, именно: въ улицахъ Трокской, Благовѣщенской, Ивановской и Большой. Тогда самая модная улица, на которой сосредоточивалась еврейская аристократія, была—Нѣмецкая. На этой улицѣ, съ давнихъ временъ находится главная еврейская синагога, *бездинъ штибулъ*, общественная баня и *миква*. На синагогальномъ дворѣ пріютилось много эшиботовъ. Кромѣ того, тамъ живутъ продавцы еврейскихъ книгъ, *софримъ*, ходатаи, ябедники, *умныя ермолки*, просьбописцы и неуклюжій старикъ, извѣстный всякому виленскому жителю подъ именемъ пана Хондруня, который, съ незапамятнихъ временъ, занимаетъ мѣсто дворника на синагогальномъ дворѣ и горою стоитъ за еврейскіе интересы. Панъ Хондруня знаетъ всѣ преданія о главной синагогѣ и охотно разсказываетъ ихъ еврейскимъ мальчикамъ, на еврейскомъ жар-

гонѣ. Онъ, какъ разсказываютъ, совершенно разучился говорить на своемъ родномъ польскомъ языкѣ. Какъ только иногородный очутится на этомъ дворѣ, онъ сейчасъ узнаетъ, что находится въ центрѣ виленскаго еврейства. Бездна грязи, во всякое время года, составляетъ непремѣнный атрибутъ этаго пресловутаго дома. По утрамъ и вечерамъ тамъ слышенъ дикій крикъ и завыванія молящихся, а въ остальное время дня раздается заунывная полу-азіятская мелодія, съ которою клойзники читаютъ громко талмудъ. На синагогальномъ дворѣ есть нѣсколько воротъ для входа съ Нѣмецкой улицы 1). Въ однѣхъ изъ этихъ воротъ былъ парадный входъ, при порогѣ котораго находилась желѣзная вилка и маленькій грязный коверчикъ, для обтиранія ногъ. Этотъ входъ велъ въ квартиру семейства Вайнтройбъ. Поднявшись по лѣстницѣ, читатель очутится въ довольно—уютной квартирѣ, прилично омеблированной и состоящей изъ трехъ комнатъ. Эта квартира, доселѣ посѣщаемая только *круме-рукенами* 2), сдѣлалась теперь центромъ еврейской молодежи изъ „новаго стана“, точно такъ, какъ синагогальный дворъ есть центръ грязи всего города. Причины такой скорой, неожиданной перемѣны читатель узнаетъ, когда ближе познакомится съ семействомъ Вайнтройбъ.

Покойный ребъ-Элхононъ Вайнтройбъ былъ общественный дѣятель до послѣднихъ минутъ своей жизни. До 1844 года, онъ былъ *парнесъ-хейдешь*, а послѣ указа 1844 года, уничтожившаго de-jure еврейскій кагалъ, онъ не переставалъ служить своимъ единовѣрцамъ города Вильны депутатомъ. Ребъ-Элхононъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Всѣ раввины посѣщали его съ благоговѣніемъ, тѣмъ не менѣе о его женѣ Блюмѣ Фейгесъ ходили не хорошіе слухи; но ребъ-Элхононъ, видно не обращалъ на это никакого вниманія. Всѣ полагали, что ребъ-Элхононъ уважаетъ свою жену и прощаетъ, тяготив-

1) Замѣчу мимоходомъ, что́ главныя ворота находятся на еврейской улицѣ.

2) *Крумеръ-рукенъ,* слово въ слово значить, кривая спина. Имя это носятъ всѣ тѣ, которые занимаются исключительно талмудомъ. У нихъ спинный хребетъ дѣйствительно искривляется отъ постояннаго занятія талмудомъ, которое производится, нагибаясь надъ книгою. Въ переносномъ смыслѣ этимъ именемъ величается еврейская *духовная* аристократія.

шій надъ нею грѣшокъ, потому что ей одной мужъ обязанъ былъ своимъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ.

Блюма была единственная дочь богатыхъ родителей, которые владѣли двумя каменными домами на одной изъ виленскихъ улицъ. Они были чрезвычайно горды и никакъ не могли выбрать мужа для своей дочери, наслѣдницѣ огромнаго богатства. Поэтой причинѣ дочь ихъ до восемьнадцатилѣтняго возраста оставалась еще не замужнею; а въ этомъ возрастѣ, дѣвушку въ то время считали уже чуть не старою.

Однажды въ Вильну прибылъ, на короткое время, какой-то полкъ, который и размѣстили по городу на квартиры. Такъ какъ родители нашей Блюмы владѣли собственными домами, то на ихъ долю выпалъ молодой офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Прошло нѣсколько дней, офицеръ, отъ нечего дѣлать засмотрѣлся на прекрасную *жидовочку* и задумалъ приволокнуться къ ней. Блюма сначала просто боялась красиваго *іована, гоя* (солдата, не еврея), но мало по малу привыкала къ нему и, прельщенная его прекрасною наружностью, ласками, шпагою и блестящимъ мундиромъ уступила.... Прошло полгода; полкъ съ офицеромъ давно уже ушелъ изъ Вильны, оставивъ въ очень не завидномъ положеніи Блюму.... Въ одно прекрасное утро отецъ Блюмы узналъ обо всемъ, потому что весь городъ уже давно зналъ и толковалъ объ этомъ. Много перетерпѣла Блюма отъ своихъ родителей: не смотря на положеніе дочери, они ругали, даже били несчастную. Наконецъ родители Блюмы рѣшили, какъ можно скорѣе отправить свою дочь куда нибудь въ другое мѣсто до послѣ родовъ. Лишь только Блюма возвратилась изъ своего путешествія, родители поспѣшили выдать ее замужъ за перваго попавшагося клойзника, и Элхононъ Вайнтройбъ сталъ мужемъ ихъ дочери.

Элхононъ Вайнтройбъ былъ уже разъ женатъ и имѣлъ отъ роду лѣтъ тридцать. Онъ былъ сынъ портнаго но, прославъ за *илуя,* сдѣлался зятемъ городскаго кантора; его первая жена умерла въ тоже самое время, когда родители Блюмы начали торопиться выдать свою дочь замужъ. Элхононъ былъ имъ подъ руку, такъ какъ его происхожденіе было уже нѣсколько облагорожено его первымъ бракомъ, и родители Блюмы были въ восхищеніи, что судьба послала такого мужа для ихъ дочери, на которой тяготѣло такое пятно.

Элхононъ Вайнтройбъ, не смотря на то, что былъ уже не первой молодости, въ мірскихъ дѣлахъ былъ настоящій ребенокъ и никогда нога его не переступала болѣе двухъ пороговъ: его прежняго тестя и эшибота. Элхононъ собственно приготовлялся быть духовнымъ раввиномъ и, получивъ дипломъ на это званіе, продолжалъ по прежнему заниматься ученьемъ, не занимая раввинской должности. О томъ, что его вторая жена сдалась на ласки офицера и до свадьбы родила мальчика, Элхононъ узналъ уже послѣ свадьбы. Слухи объ этомъ къ нему въ эшиботъ не доходили.

Сдѣлавшись мужемъ Блюмы, Вайнтройбъ въ короткое время очутился обладателемъ значительнаго богатства, такъ какъ родители послѣдней, не много спустя послѣ выхода замужъ своей дочери, скончались. Его честность, богатство и ученность доставляли ему почетъ и уваженіе всего города. Въ главной синагогѣ, за значительную сумму, пріобрѣлъ онъ мѣсто въ *восточной* сторонѣ. Короче: слава его имени возрасла до того, что на пятдесятомъ году онъ единогласно былъ избранъ *пернесъ хейдешомъ*. Преступленіе Блюмы было совершенно забыто, и она, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, дѣлила всѣ почести, выпадавшія на ихъ долю.

Долгое время послѣ свадьбы Блюма не рождала, наконецъ на десятомъ году своего замужества, она подарила своего мужа мальчикомъ, котораго наименовали Лейзеромъ. Потомъ спустя годъ, родила еще мальчика, который умеръ до совершенія надъ нимъ обряда обрѣзанія, а потомъ двухъ дѣвушекъ—двойней.

Въ то же самое время, когда съ одной стороны Богъ благословилъ во всемъ ребъ Элхонона, ему суждено было въ семействѣ своемъ подвергаться множеству бѣдъ, которыя довели его до преждевременной смерти.

Въ одно прекрасное утро, узнали, что сынъ его сильно сбился съ прямой дороги: въ эшиботѣ, гдѣ Лейзеръ занимался, одинъ мальчикъ подкараулилъ, какъ, прикрывшись огромною гемарою, Лейзеръ читалъ какой-то *трейфъ посуль*.... Поднялся шумъ, гвалтъ и крикъ. Когда дѣло дошло до ребъ-Элхонона, то послѣдній къ общему удивленію, до сихъ поръ тихій и смирный превратился въ звѣря. Онъ угостилъ своего Лейзера порядочными пощечинами и, въ припадкѣ бѣшенства, обратился съ

бранью къ своей женѣ, смыслъ которой заключался въ томъ, что женщина бывшая въ связи съ *гоемъ*, не можетъ родить дѣтей—евреевъ. Но все это ни къ чему не повело: Лейзеръ хотя далъ торжественную клятву своему отцу, что и думать не будетъ о запрещенныхъ книгахъ, тѣмъ не менѣе, въ тихомолку онъ еще съ большимъ жаромъ сталъ заниматься *трейфъ посулами*. Когда это въ другой разъ дошло до его отца, то Лейзеръ далъ сильный отпоръ своему отцу, смѣло утверждая, что съ этого дня онъ не будетъ болѣе прятаться съ своими *посторонними* занятіями и признаетъ ихъ необходимыми. Ребъ-Элхононъ, пораженный выходками сына, заболѣлъ отъ горя. Онъ съ своей стороны тоже приготовился неуступать ни въ чемъ сыну и явиться *истиннымъ отцомъ*. Но одна маленкая неожиданность нанесла ему сильный ударъ. Дѣло было вотъ въ чемъ

Въ одно прекрасное утро, когда ребъ Элхононъ хотѣлъ созвать почтенныхъ особъ, чтобы они употребили вмѣстѣ съ нимъ свое вліяніе на Лейзера, дабы вывели его изъ заблужденія и навели на путь истины, онъ получилъ маленькую записочку отъ своего сына, которая доказывала, что онъ находился уже далеко отъ родительскаго дома. Вотъ и копія этого письма, которую впослѣдствіи показалъ мнѣ самъ авторъ его—Лазаръ Вайнтройбъ, и которую, какъ негромоздкую, я помѣщаю тутъже цѣликомъ.

„Къ чести моего любимаго Отца, который богатъ, славенъ, ученъ и знаменитъ; честь имени того, котораго имя Элхононъ; пусть свѣтится его огонекъ!...“

„Въ настоящее время я оставляю твой домъ. Я хочу учиться всему, а ты, любезный папаша, противился этому и хотѣлъ оженить меня, чтобы свести меня съума. Слава Богу, что я узналъ объ этомъ заблаговременно и успѣлъ спастись. Я обѣщаю тебѣ быть честнымъ евреемъ и прошу, чтобы ты не посылалъ за мною погони, потому что это будетъ напрасно. Я бѣжалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Яковомъ, который *кушалъ у насъ субботы*. Когда найду нужнымъ, т. е. когда сдѣлаюсь человѣкомъ, я возвращусь къ тебѣ“.

„Отъ твоего сына, который желаетъ тебѣ здоровья, почестей и богатства „Лейзера Вайнтройба“.

Внизу еще была приписка карандашемъ:

„Я совершенно забылъ увѣдомить тебя, папенька, что я взялъ у твоего бухгальтера 100 рублей на дорогу. Однакожъ не думай, что онъ былъ моимъ соучастникомъ въ этомъ дѣлѣ я взялъ у него эти деньги безъ его вѣдома“.

Какъ громомъ поразило ребъ-Элхонона приведенное нами письмо. Онъ не зналъ на что рѣшиться. Не смотря на предостореженіе сына, по всѣмъ большимъ трактамъ и маленькимъ дорожкамъ была разослана погоня. Но напрасно, Лейзера не нашли, и слѣдъ его остылъ. Ребъ-Элхононъ созвалъ всѣхъ клаузниковъ, которые занимались съ Лейзеромъ въ ешиботѣ, думая не удастся ли что нибудь вывѣдать отъ нихъ, но оказалось, что клаузники ничего немогли ему сообщить....

Прошло лѣтъ восемь со дня исчезновенія Лейзера. Старый ребъ-Элхононъ почти уже забылъ о своемъ сынѣ, покрайней мѣрѣ, такъ имѣли право предполагать близкіе къ нему люди, которымъ никогда не приходилось слышать, чтобы отецъ заговорилъ о сынѣ. Послѣдній даже запретилъ въ своемъ присутствіи произносить его имя.

Между тѣмъ подросли Пешка и Маряшка, такъ звали дочерей ребъ-Элхонона. Старшей Пешкѣ стукнулъ уже четырнадцатый годъ, а младшей—десятый. Сваты начали появляться въ домъ Вайнтроба и, къ его величайшему горю, послѣдній увидѣлъ, что ему придется выдать своихъ дочерей не по *своей чести* а придется *спуститься,* какъ онъ выражался, *нѣсколькими ступенями ниже.* Дѣло въ томъ, что въ городѣ уже давно разнеслись слухи, что Лейзеръ измѣнилъ вѣру своихъ отцовъ и принялъ христіанство. Эти слухи давно уже утихшіе, снова возобновились, когда дочь ребъ-Элхонона стала въ числѣ кандидатокъ въ невѣсты. Первостатейные *гвиры* (богачи) не хотѣли вступить въ родство съ Вайнтройбомъ, котораго хотя лично уважали, но жена котораго такъ запятнала себя въ молодости и, въ придачу къ этому, у котораго былъ сынъ *мешумедъ* (крещеный). Ребъ-Элхононъ понялъ, что *гвиры* правы, и, что будь онъ на ихъ мѣстѣ, то поступилъ бы не иначе. Это обстоятельсто сильно подѣйствовало на его здоровье и мало-помалу сломило его окончательно. Ребъ-Элхононъ легъ въ постель. Скоро положеніе его сдѣлалось до-

вольно опаснымъ, и доктора уже определили въ точности, сколько времени ребъ-Элхононъ будетъ еще считаться гражданиномъ грѣшнаго свѣта сего.

Однажды, это было въ концѣ 1856 года, въ домѣ ребъ-Элхонона царствовала необычайная тишина. Ребъ-Элхононъ лежалъ въ спальнѣ на мягкой постели и приготовлялся чрезъ нѣсколько часовъ покончить счеты съ нашимъ міромъ. Какой-то еврей читалъ вслухъ *видуй* 1) и умирающій ребъ-Элхононъ повторялъ всѣдъ за нимъ каждое слово.... Обѣ его дочери и Блюма стояли вокругъ постели больнаго и плакали. Когда *видуй* кончился, еврей суфлеръ ушелъ довольно веселый, потому что его хорошенько наградили за услугу умирающему, и семейство Вайнтройбъ осталось одно со своимъ умирающимъ мужемъ и отцомъ. Послѣ ухода еврея—суфлера, ребъ-Элхононъ лежалъ нѣкоторое время безъ движенія. Глаза его были открыты и устремлены въ даль.... Никто изъ присутствующихъ не рѣшался вывести его изъ этаго забытья. Наконецъ онъ очнулся и подозвалъ къ себѣ поближе жену и дочерей.

— Дѣти, началъ умирающій слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ, обращаясь къ своимъ дочерямъ,—скоро умретъ вашъ отецъ; но вамъ объ этомъ много кручинится нечего, потому что онъ оставяетъ вамъ другого Отца.... еще лучшаго.... Этого отца вы не увидите, какъ видите меня, но вы можете вполнѣ полагаться на Него.... Этотъ Отецъ истинный.... Это Богъ Израиля.... Будьте набожны и онъ не оставитъ васъ....

Голосъ умирающаго задрожалъ и онъ принужденъ былъ немного отдохнуть, чтобы собраться съ силами.

— Все мое богатство, продолжалъ умирающій, я раздѣлилъ на три части, изъ которыхъ, двѣ принадлежатъ вамъ, мои дѣти, а третья часть принадлежитъ Богу.... Что касается вашей матери, обратился больной преимущественно къ старшей дочери, то ей я оставляю только законную *ксубе*.... Можетъ быть ког-

1) Видуй—исповѣдь. Молитва, въ которой исчисляются всѣвозможные грѣхи въ алфавитномъ порядкѣ. Эту молитву читаетъ всякій еврей въ послѣднія минуты жизни. Если случается, кто нибудь умираетъ, не будучи въ состояніи читать предъ смертью *видуй*, то это считается худымъ предзнаменованіемъ для умершаго.

да нибудь вы узнаете, что я въ правѣ съ ней такъ поступать.... Впрочемъ, дай Богъ, чтобы объ этомъ никогда не узнали...

Больной остановился. На лицѣ его показались слезы. Видно было, что умирающій думалъ о своемъ пропавшемъ сынѣ.... Блюма отвернулась отъ мужа, она поняла о чемъ умирающій думаетъ и чувствовала себя предъ нимъ очень виноватою.

— Ахъ Лейзеръ, Лейзеръ! что съ тобою? гдѣ ты? почему не придешь къ смертному одру своего отца? вырвалось изъ груди умирающаго!!..

— Я здѣсь, отецъ, вдругъ закричалъ какой то свѣжій, молодой голосъ, и молодой франтъ высокаго роста съ длинными черными густыми бакенбардами и молодцоватымъ лицомъ, появился на порогѣ спальни умирающаго.

— Лейзеръ! ты здѣсь?!.. ты еврей? могъ только проговорилъ умирающій.

— Папенька, я еврей, я еврей!... Ахъ я всему причиной! .. Прости мнѣ, прости!... Вѣдь ты не умрешь? не правда-ли?!.. Не думалъ я найдти тебя въ такомъ положеніи.... Я летѣлъ на почтовыхъ слишкомъ шесть сотъ верстъ, чтобы очутиться въ твоихъ объятіяхъ,... О судьба, судьба!... какъ ты посмѣялась надо мною!:.. О, горе мнѣ.... горе!...

Лейзеръ закрылъ глаза руками и зарыдалъ. Вокругъ было все тихо. Однообразный стукъ маятника продолжался попрежнему, но на этотъ разъ, казалось, онъ хотѣлъ напомнить Вайнтройбамъ, что досчитываетъ послѣднія минуты ихъ отца въ этомъ мірѣ. Въ спальню влетѣла муха, и съ заунывнымъ жужжаніемъ начала кружиться вокругъ головы больнаго. Больной услыхавъ это жужжаніе, подумалъ, что ангелъ смерти, въ образѣ мухи прилетѣлъ за его грѣшной душой. „Хоть бы еще нѣсколько минутъ поговорить съ сыномъ, а потомъ и умереть, мелькнуло въ головѣ умирающаго; впрочемъ ангелъ—смерти является, кажется, въ образѣ человѣка со множествомъ глазъ, продолжалъ думать больной. Да о чемъ, я думаю!... кто можетъ изслѣдовать судьбы Твои“ заключилъ умирающій свои размышленія.

— Лейзеръ, сынъ мой, проговорилъ больной чуть слышно, собираясь съ послѣдними силами, подойди комнѣ.... ближе, ближе.... мой единственный сынъ! Благодарю тебя, что об-

легчилъ мнѣ послѣднія минуты жизни.... Теперь умру спокойно.... Мой сынъ не измѣнилъ своей вѣрѣ.... Чудны дѣла Твои, о Боже Израиля! Владыка міра! теперь я охотно оставляю грѣшный міръ сей.... Лейзеръ! будь отцемъ для твоихъ сестеръ. Не оставляй ихъ, какъ оставилъ своего отца. Заступи имъ мое мѣсто и веди ихъ подъ *балдахинъ* (вѣнецъ) съ достойными женихами. Я буду молитья за васъ всѣхъ. И можетъ быть вашъ умирающій отецъ будетъ въ состояніи послѣ смерти сдѣлать для васъ больше, чѣмъ при жизни....

Больной остановился. Видно было что онъ употреблялъ большія усилія, чтобы заговорить снова, но напрасно: онъ открылъ уста, а звуковъ никакихъ не мόгъ произнести. Тогда больной знаками началъ показывать насвою подушку, подъ изголовье. Лейзеръ принялся поправлять постель умирающаго, но на лицѣ больнаго выразилось неудовольствіе за то, что его не понимаютъ. Всѣ стояли въ недоумѣніи и не знали, какъ удовлетворить умирающему.

— Подъ подушкою!... Разорвать!... произнесъ наконецъ ребъ-Элхононъ, сдѣлавъ надъ собою невѣроятное усиліе....

Лейзеръ запустилъ руку подъ изголовье отца и вытащилъ оттуда запечатанный пакетъ. Молодой Вайнтройбъ разорвалъ конвертъ и началъ читать. Но лишь только онъ успѣлъ прочитать слова: „Я, нижеподписавшійся, составилъ настоящее завѣщаніе, находясь“..., какъ слово: „разорвать“ опять вырвалось изъ устъ умирающаго, который въ ту-же самую минуту закрылъ свои потухшіе глаза. Лейзеръ не понялъ, что съ уничтоженіемъ этаго пакета, отецъ предоставляетъ въ его—Лейзера распоряженіе все свое богатство. Когда ребъ-Элхононъ открылъ глаза, то увидѣлъ валявшіеся по полу лоскутья своего завѣщанія. Онъ окинулъ своихъ дѣтей тусклымъ взглядомъ и опять закрылъ глаза. Муха зажужжала сильнѣе прежняго и усѣлась у ребъ-Элхонона на носу. Чрезъ нѣсколько минутъ ребъ-Элхононъ заснулъ на вѣки.... Какая богатая тема для еврейскаго суевѣрія!...

Въ спальнѣ поднялся плачь. Явилось множество людей, которые пришли навѣдаться о состояніи больного и, не желая помѣшать послѣднему свиданіе съ сыномъ, оставались въ передней. Когда громкій плачь возвѣстилъ о кон-

чинѣ ребъ-Элхонона, гости поспѣшили въ спальню. Тѣло покойнаго перенесли въ залу и положили на нѣсколько соломинокъ на полу. Тотъ-часъ появились *талмудъ—тореники* читать за упокой души ребъ-Элхонона псалмы—Давида. Благодаря щедрости молодаго Лейзера, который не торговался съ кагаломъ на счетъ цѣны за погребеніе, и отсчиталъ ровно тысячу рублей *кеуре гелтъ* (погребальныя деньги), похороны ребъ-Элхонона великолѣпно совершились въ тотъ—же день.

Прошло двѣ недѣли послѣ смерти ребъ-Элхонона. Семейство Вайнтройбъ получило совершенно другой видъ, благодаря молодому Лейзеру, который возвратился изъ своего путешествія совершеннымъ европейцемъ.

Лазаръ Ананьевичъ Вайнтройбъ изъѣздилъ почти всю Россію. Во время крымской войны, онъ очутился на южномъ берегу Крыма, и разными удачными предпріятіями заработалъ порядочный кушъ, такъ что, послѣ разрушенія Севастополя, Лазаръ рѣшился возвратиться на родину самостоятельнымъ человѣкомъ, имѣя около 20,000 р. капитала. Отъ природы онъ былъ вѣжливъ, острякъ и шутникъ, а множество лишеній съ которыми ему пришлось встрѣтиться во время долгаго путешествія, развили въ немъ воздержность, закалъ и твердость характера. Не смотря на свой юный возрастъ, онъ уже вполнѣ владѣлъ собою и легко освобождался изъ плохихъ обстоятельствъ. Онъ чрезвычайно гордился своимъ чисто-русскимъ выговоромъ. О своемъ путешествіи онъ не любилъ говорить; только осада Севастополя и геройская защита русскими этой крѣпости составляли всегда любимую тему его разговора. „Да, дорогъ для памяти русскаго долженъ быть 1855 годъ! Много благородныхъ людей погибло за честь нашего отечества“, заключалъ онъ обыкновенно свои разсказы о крымской войнѣ.

Реформы въ своемъ семействѣ Лазаръ началъ на другой день послѣ смерти ребъ-Элхонона. Они начались съ того, что своихъ сестеръ Пешку и Маряшку онъ перемѣнилъ въ Полину и Марію,—кромѣ того прибавилъ къ именамъ ихъ неслыханное до сихъ поръ слово M-lle. Когда *круме-рукены*, во время траура навѣстили Вайнтройбовъ, то, послѣ первыхъ же визитовъ, распростились на всегда съ этимъ домомъ, замѣтивъ что Лейзеръ ходилъ съ непокрытою головою и, вмѣсто книги Іова, этер

единственной книги, которую можетъ читать *овелъ* (сѣтующій, читалъ газеты. Молодой Вайнтройбъ, съ своей стороны, мало объ этомъ заботился. Онъ и не думалъ поддерживать знакомство отца съ *круме-рукенами*. Онъ сразу примкнулъ къ молодому, возникающему поколѣнію, которое вело ожесточенную борьбу со старыми порядками и отживающими понятіями. Не получивъ систематическаго образованія, онъ тѣмъ не менѣе развилъ свой умъ въ школѣ жизни. Во время путешествія, ему пришлось научиться многому, сталкиваться съ разными людьми, различнаго образа мыслей. Съ русской литературой онъ познакомился путемъ чтенія и былъ въ состояніи написать довольно складное и логическое письмо на русскомъ языкѣ. Онъ продолжалъ заниматься чтеніемъ и интересовался современными вопросами. По окончаніи семидневнаго траура, онъ не смотря на то, что покойный отецъ его предоставилъ ему все свое богатство, въ свою очередь, поспѣшилъ отказаться отъ него въ пользу своихъ сестеръ и матери. „Кто могъ составить себѣ капиталъ въ двадцать тысячъ рублей, тотъ не нуждается въ наслѣдствѣ; съ моей стороны было бы грѣшно ограбить родныхъ, безпомощныхъ женщинъ“, говорилъ молодой Вайнтройбъ. Онъ отказалъ *шадхонимъ*, когда тѣ явились съ предложеніемъ партій для Пешки и Маріишки и запретилъ имъ переступать свой порогъ. „Я не выдамъ замужъ на четырнадцатомъ году мою сестру, чтобы до двадцати лѣтъ она могла уже развестись съ двумя мужами.... Нѣтъ, я лучше примусь за ея перевоспитаніе и сдѣлаю ея способною найдти себѣ мужа безъ посторонней помощи, тогда, покрайней мѣрѣ, она будетъ счастлива“ говорилъ Лазаръ, когда къ нему приставали съ вопросами: почему онъ не выдаетъ замужъ свою старшую сестру? Самъ же Лазаръ отстрочилъ свою женитьбу до той поры, когда окончательно обезпечитъ свое семейство. Для Полины и Маріи были наняты учителя, съ однимъ изъ которыхъ читатель уже немного знакомъ, онъ встрѣтилъ его въ домѣ Винта, это г. Прайсъ, а съ другимъ познакомиться читатель въ дальнѣйшихъ главахъ нашего разказа.

Какъ мы выше сказали, домъ Вайнтройба сдѣлался центромъ еврейской молодежи. Тамъ, послѣ урочныхъ занятій, собирался по вечерамъ сокъ возникающаго, если можно такъ вы-

разиться, прогрессивнаго поколѣнія, и велъ оживленныя бесѣд
о современныхъ вопросахъ, объ эмансипаціи евреевъ, литер
турныхъ новостяхъ, о политикѣ и т. д. Иногда вся комп
нія, въ сопровожденіи Лейзера, отправлялась гулять, вмѣс
съ домашними, куда нибудь за городъ. Въ домѣ Вайнтрой
заговорили даже о танцахъ, но Лазаръ рѣшилъ, что хотя о
ничуть не чувствуетъ себя зависимымъ, однакожъ, тѣмъ не
нѣе, отлагаетъ подобнаго рода развлеченіе до тѣхъ поръ, по
они не перейдутъ на другую квартиру и не будутъ находит
въ центрѣ еврейской грязи. „Конечно я могъ бы не стѣсня
ся сосѣдствомъ и предразсудками; говорилъ молодой Вай
тройбъ по этому поводу, но все таки раздражать моихъ ед
новѣрцевъ изъ за пустяковъ было бы съ моей стороны нечест
Силою взять немудрено, но благоразуміе требуетъ вести дѣ
осторожно и терпѣливо„. Лейзеръ довольно долго обдумыва
какой родъ занятія избрать для себя и наконецъ рѣшился сд
латься подрядчикомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи два за
говыхъ свидѣтельства, на значительныя суммы. Онъ далъ се
слово зарабатывать мало и никогда не пускаться въ сом
тельныя предпріятія, и не рисковать безъ оглядки, какъ
ступаютъ всѣ почти еврейскіе подрядчики. Причина такого р
шенія со стороны Лазаря была та, что онъ боялся въ случ
неудачи повергнуть въ нищету свое семейство, которому доб
вольно уступилъ свое наслѣдство. „Проценты за залогов
свидѣтельства я буду платить моимъ сестрамъ, и притомъ б
съ ними осторожнѣе другихъ чужихъ подрядчиковъ“ дума
Лазаръ, когда готовился сдѣлаться подрядчикомъ.

Знакомые одобрили планъ Вайнтройба, и чрезъ нѣскол
мѣсяцевъ въ числѣ виленскихъ первогильдейныхъ купцовъ бы
заключенъ молодой Вайнтройбъ, и въ присутствіяхъ, гдѣ п
изводились торги, началъ появляться новый подрядчикъ,
'торый, не смотря на свою молодость держалъ голову самоу
ренно и своими пріемами, движеніями и европейскимъ обра
ніемъ рѣзко бросался въ глаза среди остальной группы евр
скихъ подрядчиковъ.

Старые еврейскіе подрядчики не дружелюбно приняли н
вичка. Они какъ будто предчувствовали, что этотъ новичо
не только будетъ опаснымъ ихъ конкурентомъ, но и буде

имъ мѣшать не для одной своей пользы. „Боже, Боже! этотъ выскочка уже прибралъ все начальство въ свои руки“, говорили старые подрядчики, видя, что съ молодымъ Вайнтройбомъ обращаются вѣжливо въ канцеляріяхъ, въ то время, когда послѣдній не только не факторствовалъ, но даже не слишкомъ гнулся предъ разными писарями и держалъ себя въ отношеніи къ нимъ съ достоинствомъ. Молодой Вайнтройбъ мало обращалъ вниманія на явно выказываемое къ нему недоброжелательство со стороны старыхъ подрядчиковъ. Онъ твердо рѣшился идти по избранному пути самостоятельно и не поддаваться вліяніямъ и безчестному компаньонству. Мало по малу онъ достигъ своей цѣли и имя его стало раздаваться во всѣхъ кружкахъ подрядчиковъ. „Молодой Вайнтройбъ еще дитя и не знаетъ, какъ вести дѣла, рѣшили они всѣ, но со временемъ онъ сдѣлается для насъ очень опаснымъ“.

Однажды Вайнтройба навѣстили нѣсколько чиновниковъ, съ которыми онъ успѣлъ подружиться. Они были очень удивлены, когда взбирались къ нему по грязной лѣстницѣ, и не могли удержаться, чтобы не сказать объ этомъ Лазарю. „Пора уже покончить съ синагогальнымъ дворомъ, рѣшилъ молодой подрядчикъ; дѣйствительно, тутъ ужъ чрезъ чуръ грязно; я все собираюсь да откладываю“....

— Полина, обратился онъ къ своей старшей сестрѣ,— когда придетъ M-me Винтъ, то не забудь спросить у ней, что это за квартиру она предлагала намъ нанять на Виленской улицѣ?...

— Слушаю, отвѣчала Полина.

— Прекрасная женщина эта Груне Авремелесъ, вмѣшалась старая Блюма,—не такъ ли мой сынъ?

— Она, кажется, очень пустая женщина, возразилъ сынъ, хотя на каждомъ шагу сыплетъ намъ комплименты и, кажется, завидуетъ намъ. Вѣдь говорятъ, что Винтъ богаче всѣхъ подрядчиковъ въ Вильнѣ? окончилъ онъ вопросомъ.

— Богатъ—то онъ богатъ, только жена имъ не довольна, заговорила опять старушка. И неудивительно, въ четыре раза старше ея...

— Не будемъ говорить объ этомъ, матушка, прервалъ

сынъ, вѣдь вы знаете, что я не люблю дурно говорить о людяхъ и повторять всякія сплетни.

— Ну, ну, ну! не буду, успокоила мать сына.

Ш. Эфронъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Вильна 1870 г.

КОРОВЫ И БЫКИ.

(Басня).

Коровы захотѣли быть Быками,
И адресъ подали въ ареопагъ Быковъ;
Ихъ адреса былъ смыслъ таковъ:
Что вотъ—де мы, хотя и дамы,
Но чувствуя себя способными къ дѣламъ,
И соревнуя вамъ,
Почтеннѣйшимъ Быкомъ,
Хотѣли бы трудиться вмѣстѣ съ вами,
Чтобъ просвѣщенье пріобрѣсть,
И чтобъ потомъ имѣть намъ честь—
Быть генералами, судьями,
Командовать войсками,
И дѣлать все, что дѣлаете вы:
У насъ такіе же, какъ и у васъ умы,
Вѣдь съ вами одного коровьяго мы рода,
И насъ ни въ чемъ не обошла природа...
„Хе, хе, хе“ отвѣчалъ ареопагъ:
„У нашихъ барынь въ головахъ
Произошло, видать, броженье,
И высшее для нихъ потребно просвѣщенье;
Наскучило имъ женщинами быть,
Дѣтей рождать, дѣтей кормить,
И управлять домашними дѣлами...
Эхъ, дамы, дамы!
Чего вамъ хочется, не знаете вы сами!
Когда бъ вы вѣдали, какъ трудно быть Быкомъ,
Не захотѣли бъ вы перемѣнить потомъ
Всю вашу женственность на славу быть мущиной,

Хотя бы большимъ всѣхъ Быковъ скотиной.—
Чтобъ нашу къ вамъ любовь сильнѣе доказать.
И оказать вамъ должное почтенье,
Извольте выслушать на адресъ вашъ рѣшенье:
„Просительницамъ отказать."

И. К.

ПАПА И СОБОРЪ.

I. Папская Непогрѣшимость.

*(Окончаніе *).*

Римъ, собравшій въ себя безчисленныя суммы денегъ со всего запада, въ 1527 г. былъ разграбленъ Нѣмцами, Итальянцами и Испанцами, и былъ выжатъ, какъ напоенная губка. Этотъ случай, единственный въ исторіи, открылъ многимъ глаза. Каэтанъ***) писалъ теперь, послѣ разграбленія Рима: „по всей справедливости жизнь пастырей Церкви находится въ презрѣніи, и ихъ слово остается безсильнымъ. Мы-римскіе прелаты-узнаемъ это теперь, когда праведнымъ судомъ Божіимъ преданы въ плѣнъ, добычу и разграбленіе не невѣрнымъ, а христіанамъ. Мы ни къ чему не годимся, какъ только къ внѣшнимъ церемоніямъ и къ наслажденію внѣшними благами; за это мы и поражены тѣлеснымъ рабствомъ.

Какъ часто тогда въ разговорахъ и конференціяхъ между католиками и протестантами вліяніе папства на церковь и римское управленіе религіозными дѣлами были предметомъ разсужденій, и католическіе защитники должны были объявлять: „здѣсь мы не можемъ защищаться, мы побѣждены, мы не можемъ скрыть и отрицать вещей," Были моменты, когда папы должны были выслушивать отъ самыхъ преданныхъ своихъ слугъ такія вещи, которыя въ обыкновенное время вызвали бы инквизиторскій процессъ: Каспаръ Контарини, котораго Павелъ III сдѣлалъ изъ свѣтскаго сановника прямо кардиналовъ, осмѣлился сказать папѣ, что вся папская система не-христіанская, извращенная. Лютеръ, говорилъ онъ, имѣлъ полное основаніе написать свою

---

*) См. „Вѣстника западной Россіи кн. 8.

книгу о вавилонскомъ плѣненіи. Ничего невозможно было выдумать болѣе противорѣчащаго закону Христову, который есть законъ свободы, какъ эту систему, по которой христіане должны быть подчинены папѣ; папа можетъ, по своему усмотрѣнію, издавать законы, отмѣнять ихъ или освобождать отъ исполненія ихъ. Большему рабству нельзя было подвергнуть христіанскій народъ.

Всѣ эти голоса оставались, конечно, безъ всякаго дѣйствія. Павелъ III ни на-волосъ не хотѣлъ поступиться своею властію, и противъ одного Контарини постоянно находились въ Римѣ сотни Торквемадъ, Каэтановъ, Беллярминовъ и др.

Оба Собора (латеранскій и тридентинскій) въ первомъ своемъ періодѣ походили одинъ на другой въ томъ отношеніи, что мужи, которые говорили предъ этими собраніями, заявляли признанія и выражали жалобы слѣд. образомъ: „Мы кардиналы, итальянскіе епископы и куріалы суть стадо недостойныхъ, забывающихъ свои обязанности, людей. Мы беззаботно оставляемъ гибнуть безчисленное множество душъ, безчестимъ наше епископское достоинство; мы не пастыри, а волки; мы-виновники господствующаго въ Церкви развращенія, и въ особенности, религіознаго упадка Италіи.

Кардиналъ Антонъ Пукци говорилъ открыто предъ собраніемъ (1516 г.): „Римъ, римскіе прелаты и епископы суть виновники столь многихъ заблужденій и развращенія въ Церкви. Если мы не возвратимъ нашу добрую славу, которая почти совершено погибла, то все потеряно.“ Матѳей Угони, епископъ фамагустскій принимавшій участіе въ латеранскомъ Соборѣ, описываетъ въ своемъ сочиненіи то презрѣніе, въ которомъ находились итальянскіе епископы; не было ни одного безчестнаго дѣйствія, котораго-бы имъ не приписывали; а они, съ своей стороны, каждаго, кто сталъ-бы говорить о Соборѣ и необходимости реформы въ Церкви, осмѣивали, какъ нарушителя мира и лицемѣра, и прогоняли отъ себя. Самое худое, что только было говорено объ итальянскихъ епископахъ, подтвердили въ Тріентѣ (1546) и папскіе легаты. Все, говорили они, что случается съ нами теперь отъ еретиковъ, есть нравственное наказаніе за наши пороки и злобу, за раздачу церковныхъ должностей людямъ недостойнымъ и. т. д.

Первая рѣчь, которую епископъ Коріолано Марторано держалъ

при открытіи собора, возбудила изумленіе. Образъ, который онъ нарисовалъ о характерѣ италянскихъ кардиналовъ и епископовъ, ихъ кровожадности, корыстолюбія, гордости причиненнаго имъ опустошенія церкви, былъ ужасенъ. Одинъ неизвѣстный, который, въ письмѣ къ другому, описалъ это первое засѣданіе, говорилъ: „самъ Лютеръ никогда не выражался рѣзче этого.“ Что онъ тогда слышалъ въ Тріентѣ, породило въ немъ представленіе, что если Синодъ и не приметъ ученія Лютера, то енергичнѣе, чѣмъ сами лютеране, возстанетъ противъ тираніи папъ. Но какъ онъ обманулся въ своемъ невѣдѣніи итальянскихъ прелатовъ! Однакожъ что тогда было сказано въ Тріентѣ, не оставляло никакого сомнѣнія, что отсутствіе итальянскихъ епископовъ изъ ихъ епархій, (которыя, большею частія, никогда и не видали своихъ пастырей), считалось счастіемъ. Такъ же сильно изображали невыносимостъ положенія и римскіе составители памятной записки (отъ 1538 г.), назначенной для Павла III.

Сочиненіе знаменитаго Антоніо Фламиніо (1545 г.) относится къ началу тридентскаго синода. Что сдѣлаетъ, спрашивалъ онъ, такой соборъ чудовищныхъ епископовъ? И что это за епископы, у которыхъ только и есть епископскаго, что длинное платье. Онъ знаетъ только одного достойнаго, но уже умершаго епископа Италіи, Гиберто веронскаго. Отъ настоящихъ же прелатовъ, достигшихъ своего сана искательствомъ, подкупомъ, преступными продѣлками, чрезъ покровительство князей или за долговременную куртизанскую службу въ Римѣ,—нельзя ничего надѣяться. Было-бы гораздо лучше, если бы ихъ за одинъ разъ, истребили всѣхъ.

Слѣдовало только появиться въ Тріентѣ нѣкоторымъ Испанцамъ и Французамъ, чтобы тотчасъ обратить всѣхъ итальянскихъ епископовъ въ стадо безусловно послушное римскимъ повелѣніямъ и слѣдующее мановеніямъ легатовъ. Никакой ропотъ, никакое противорѣчіе не прервали оратора, который представилъ игру этихъ епископовъ несчастными, безсовѣстными наемниками и грубыми невѣждами. Все несчастіе церкви, сказалъ одинъ Итальянецъ, и каждое церковное злоупотребленіе происходятъ отъ Рима. Если же нужно было доказать свою преданность римской куріи, то епископы наперерывъ заявляли ей свое усердіе. Итальянскіе прелаты, говоритъ Паллавицини, не имѣли

другой заботы, какъ поддержаніе апост. престола и его величія. Этимъ они показывали, что они хорошіе Итальянцы и добрые христіане. Если какой либо иностранный епископъ упоминалъ объ историческомъ обстоятельствѣ, которое не вязалось съ папскою системою, то противъ него поднимался страшный шумъ. Такъ нпр. епископъ Босмедіано кадикскій замѣтилъ, что нѣкогда митрополиты посвящали епископовъ ихъ провинціи. Кардиналъ Симонетта тотчасъ возсталъ противъ этого; итальянскіе же епископы подняли дикій крикъ, и шарканьемъ и топаньемъ ногъ препятствовали Босмедіано говорить. Этотъ проклятый, кричали они, не смѣетъ продолжать своей рѣчи; его нужно тотъ часъ представить въ судъ. Такова была свобода совѣщаній на соборѣ тридентинскомъ!

Въ Италіи, гдѣ масса народа вообще оставалась католическою, наступило у людей благомыслящихъ обезкураженіе, близкое къ отчаянію. Въ ихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ (около времени открытія собора) говорится объ упадкѣ религіи, ея, такъ сказать, агоніи и погребеніи церкви, при которомъ должны присутствовать епископы. Они называютъ церковь разлагающимся трупомъ и стоящимъ въ пламени и уже превращеннымъ въ пепелъ домомъ. Такъ говорили Лоренцы Гіустиніани, патріархъ Венеціи, кардиналы Егидіусъ витербскій и Антонъ Пукци и многіе изъ епископовъ собора. Это было впечатлѣніе, которое произвело на нихъ состояніе Италіи, гдѣ невѣріе и суевѣріе проникли въ націю; напротивъ по ту сторону Альпъ, націи вообще были вѣрующими хотя ихъ привязанность къ церкви (которая представлялась имъ деспотическою повелительницею, искривленной и обезображенною до невозможности узнать) была сильно потрясена. Социніанская ересь была произведеніемъ національно-итальянскимъ, и не имѣла мѣста въ Германіи и Англіи.

Въ Германіи и вообще по эту сторону Альпъ, долго не могли притти къ мысли, чтобы наступившій разрывъ въ церковномъ общеніи, превратился въ постоянное раздѣленіе. Всеобщее настроеніе было на столько церковно, что всѣ надѣялись на свободный неподчиненный папскому произволу соборъ, который очиститъ и возсоединитъ церковь. Конечно представленія объ условіяхъ этого возсоединенія были различны по различію личнаго положенія и національностей. Въ Германіи, въ странахъ

скандинавскихъ, Нидерландахъ и Англіи полагали, что церковное единство могло быть спасено посредствомъ законной реформаціи, чрезъ нѣкоторыя соглашенія касательно чаши, брака священниковъ и вообще чрезъ прекращеніе папской системы. Если кроткіе между реформаторами (какъ Меланхтонъ) хотѣли итти только до признанія примтства какъ человѣчески законнаго и въ церкви полезнаго учрежденія, то это (какъ видно изъ показаній Лютера) происходило отъ того, что въ ихъ представленіи карикатурный образъ абсолютной монархіи совпадалъ съ представленіемъ о приматствѣ въ церкви. Какъ они не могли, или не хотѣли понять идей о новозавѣтномъ священствѣ и евхаристіи, потому что то и другое представлялось имъ въ тогдашнемъ обезображеніи и уничиженіи (нпр. въ превозношеніи духовенства надъ свѣтскимъ міромъ и въ обѣднѣ, сдѣлавшейся продажнымъ товаромъ), такъ они не могли понять и приматства. Оно было имъ вдвойнѣ ненавистно и несноcно, какъ въ папахъ такъ и въ куріи, которая была источникомъ и началомъ развращенія церкви.

Итальянская преданность выражалась не только признаніемъ папской системы, но и папской непогрѣшимости. Эта докрина стала развиваться со времени Льва X.

Въ долгой борьбѣ (отъ 1431—1450 года) между соборомъ и папами о преимуществѣ авторитета, вопросъ о папскомъ значеніи въ дѣлахъ вѣры былъ отодвинутъ на задній планъ. На соборѣ флорентинскомъ, послѣ того какъ Греки отвергли вымыслы Кирилла, этотъ вопросъ не былъ упоминаемъ папскими богословами; такъ что не было никакой надежды подвигнуть Грековъ къ признанію такого папскаго притязанія. На базельскомъ соборѣ было высказано, какъ нѣчто всеобще извѣстное, что папы, подобно всякому другому, могутъ быть подвержены заблужденію въ дѣлахъ вѣры. Богословы Торквемада, миноритъ Капистрано, архіеп. Антонинъ, которые (между 1440 и 1470 г.) защищали любимое ученіе куріи о господствѣ папъ надъ соборами, придумали другой исходъ, чтобы не поставить папу ниже Собора. Позже присоединился къ нимъ кардиналъ Якобацци. Они (особенно Торквемада) утверждали: „папа можетъ, конечно, впасть въ ересь и преподавать ложное ученіе, но тогда онъ, прежде всякаго церковнаго суда, отрѣшается самимъ Богомъ;

такъ что соборъ уже не судитъ его болѣе, а только обнародываетъ Божественный приговоръ; собственно нельзя даже сказать, что папа можетъ сдѣлаться еретикомъ, потому что въ тотъ самый моментъ, когда совершится его переходъ отъ православія въ инославіе, онъ перестаетъ быть папою.

На это нужно сказать, что слѣд. и епископъ и священникъ такъ же не могутъ впасть въ ересь и подлежать церковному отлученію, потому что и ихъ Богъ отрѣшаетъ прежде церковнаго суда. Если допустимъ, что Господь отрѣшаетъ папу прежде человѣческаго вмѣшательства, то нужно то же допустить и относительно епископовъ съ священниками; невозможно сказать, что Богъ въ отношеніи къ папѣ строгъ, а въ отношеніи къ священникамъ и епископамъ милостивѣе. Подобный изворотъ не могъ удовлетворить никого. Однакожъ Торквемада прилѣпился къ нему. Онъ отвергаетъ мысль тѣхъ, которые думаютъ, что Богъ никогда не допуститъ, чтобы папа опредѣлилъ что либо ложное, Подобную отговорку не дозволяютъ ему допустить тѣ дѣла, которыя онъ зналъ изъ Граціана; но, думалъ кардиналъ, какъ только папа опредѣлитъ что нибуть ложное, онъ, по праву, перестаетъ быть папою; онъ становится, такъ сказать, трупомъ папы, надъ которымъ церковь произноситъ свой приговоръ. Современники Торквемады: Антонинъ, еп. флорентинскій и канонистъ Антонъ Розеллисъ какъ высоко ни ставили они папскую власть, но приписывали непогрѣшимость только всей церкви и соборамъ. Только въ союзѣ съ церковію и при помощи соборныхъ совѣщаній папа не можетъ заблуждаться, говоритъ первый. Так. обр. они не принимали никакой папской непогрѣшимости. Къ этому присоединилось положеніе: „папа можетъ сдѣлаться еретикомъ; тогда церковь и соборъ должны сказать ему: „откажись отъ престола.“ Если онъ не отказывается, то соборъ отрѣшаетъ его. Такъ объяснялъ дѣло кардиналъ Якобацци.

Онъ же (и еще прежде Ѳома Рсттеръ) относили молитву Господу на церковь, а не на наслѣдника Петра. Сильвестръ де—Пріеріо говоритъ: папа, при помощи соборныхъ совѣщаній, не погрѣшаетъ.

Только Каэтанъ явился приверженцемъ полной папской непогрѣшимости. Онъ (чрезъ Льва X) въ первый разъ напалъ на авторитетъ констанцкихъ и базельскихъ опредѣленій на счетъ

соборной власти, хотя въ папскомъ декретѣ, изданномъ на итальянскомъ синодѣ, не было ни однаго раза упомянуто о константскомъ соборѣ.

Теперь и стало время увѣнчать ученіе Ѳомы о папской непогрѣшимости. Декретамъ обоихъ синодовъ были теперь противопоставлены извѣстные подлоги, вымышленныя мѣста и правила восточныхъ соборовъ и Отцевъ. Пустили въ ходъ даже самую явную, грубую ложь, будто Автустинъ считалъ папскія посланія на равнѣ съ библейскимъ текстомъ. Къ вымысламъ Ѳомы Каэтанъ присовокупилъ свой собственный обманъ, изказивши одно постановленіе констанцкаго собора.

Каэтанъ былъ типъ придворныхъ богослововъ-льстецовъ, которыхъ Караффа и прочіе составители папятной записки (отъ 1538 г.) называютъ развратителями папъ, виновниками порчи и распаденія церкви. Каэтанъ придумалъ слово, которому управленіе медичейскихъ папъ и ихъ преемниковъ дало практическое объясненіе: католическая церковь, по нему, „есть рожденная служанка (Magd) папы.

И это говоритъ такъ человѣкъ, который видѣлъ Сикста IV, Иннокентія VIII, и Александра VI!

Нельзя сказать, чтобы новое ученіе Каэтана сдѣлалось въ Римѣ господствующимъ. Нѣкоторымъ могло показаться сомнительнымъ чтобы можно было, въ одно и тоже время, утверждать непогрѣшимость папы и объявлять ложными всѣ папскія буллы, которыя разъясняли и открыто доказывали догматичность константскихъ опредѣлній. Иннокентій VIII (въ 1489 г.) призналъ православіе парижскаго университета, который преимущество папы предъ соборомъ почиталъ ересью. Въ этомъ смыслѣ учили тогда во Франціи и Германіи. Тоже самое говорилъ, на соборѣ тридентинскомъ, и кардиналъ Лотрингенъ, не возбудивъ противъ себя противорѣчій. Папа Адріанъ VI бывши еще профессоромъ богословія въ Левенѣ, утверждалъ: „многіе папы были еретиками и что папа можетъ въ своихъ рѣшеніяхъ или декретахъ допустить ересь.

Свое сочиненіе о папской погрѣшимости Адріанъ VI велѣлъ, въ самомъ Римѣ, напечатать снова,—что конечно не осталось безъ вліянія. Въ Италіи еще могли защищать авторитетъ и рѣшенія обоихъ Соборовъ и папскую систему считать несостоятельною. Это видно изъ сочиненія епископа Угони фамагустскаго,

заслужившаго похвалу и одобреніе отъ Павла III. — Угони опровергаетъ Торквемаду и доказываетъ судебную власть собора надъ папою. Все содержаніе знаменитой,“ „памятной книжки“ въ которой кардиналы (Караффа, Поле, Садолетъ, Контарини, Фрегозо, Гиберто, Алеандро, Бадіа и Кортезе) представили церковное состояніе Рима и Италіи, показываетъ, что они имѣли ясное понятіе о заблужденіяхъ, ошибкахъ и ложномъ положеніи папъ.—и вовсе не были расположены принять гипотезу о папской непогрѣшимости. Если кардиналы говорятъ, что несчастіе церкви, ея опустошеніе и даже паденіе было причинено ложнымъ ученіемъ о папскомъ всемогуществѣ и произвольной власти, то ясно, что они были далеки отъ того мнѣнія, будто І. Христосъ каждому папѣ далъ привиллегію „укрѣплять братьевъ,“ когда папы сами ослабляли и потрясали всю церковь. Мужи, которые по преимуществу распространяли ученіе о папской непогрѣшимости, должны были узнать, что они полагали этимъ твердое основаніе церковному развращенію и злоупотребленіямъ, совершаемымъ непогрѣшимыми папами,—и что чрезъ это не удавался ниодинъ опытъ улучшить положеніе дѣлъ. Каэтанъ, сдѣланный теперь за свои заслуги на латеранскомъ синодѣ кардиналомъ, нашелъ было соблазнительнымъ продажу епископствъ, духовныхъ мѣстъ, разрѣшеній и индульгенцій. За это поднялось противъ него всеобщее неудовольствіе. Вотъ глупость то, говорили тогда въ Римѣ. Онъ хочетъ обратить городъ въ безлюдную пустыню и ослабить папство; онъ хочетъ отнять у папы, обремененнаго долгами, всѣ денежныя средства къ управленію. Что папа можетъ дать даромъ, то онъ можетъ и продать. Чтобы Каэтану не было причинено какого нибудь вреда, его отправили легатомъ въ Венгрію.

Другой приверженецъ теоріи о папской непогрѣшимости, старавшійся утвердить это ученіе въ Бельгіи, былъ богословъ Рудардъ Тапперъ. Въ 1552-мъ году онъ возвратился изъ Тріента жестоко обманутымъ. Тамъ онъ увидѣлъ въ близости нравы Римлянъ, ненасытную жадность куріи, лицемѣріе епископовъ, продажность церковныхъ вещей. Не должно, думалъ онъ теперь, спорить съ протестантами о такомъ всеобъемлющемъ развращеніи и упадкѣ церкви, но нужно оплакивать его.

Третій приверженецъ папской непогрѣшимости былъ совре-

ленникъ Таппера, Испанецъ Мельхіоръ Кано. Его сочиненія о богословскихъ принципахъ и доводахъ было, до Беллярмина, главнымъ источникомъ для защитниковъ непогрѣшимости. Теперь, побывши на соборѣ, онъ узналъ какое дѣйствіе имѣло его ученіе на папъ и на курію." Кто думаетъ, говоритъ онъ, исцѣлить Римъ, тотъ дурно его знаетъ. Тамъ все церковное управленіе обращено въ куплю и гнусную продажу, запрещенную божескими, человѣческими и естественными законами.

Гипотеза о непогрѣшимости папъ, внѣ Италіи еще въ 16 столѣтіи (доколѣ началось могущественное вліяніе іезуитовъ) имѣла мало приверженцевъ.

Въ 15 столѣтіи знаменитый испанскій богословъ Альфонсъ Мадригалъ, названный Тостадо, утверждалъ, что папа въ дѣлахъ вѣры подчиненъ собору. Еще дальше пошелъ въ этомъ направленіи испанскій епископъ Андрей Эскобаръ. Только инквизиція ввела въ Испанію римско-іезуитское ученіе.

Въ Германіи католическіе богословы, которые спорили противъ протестантскаго ученія, рѣшительно стояли на сторонѣ соборовъ. Они видѣли, что съ принятіемъ папской непогрѣшимости они давали протестантизму страшное оружіе противъ католической церкви. Кохлеузъ, Витцель, епископъ вѣнскій Наузеа и др. отвергали по-этому папскую непогрѣшимость. Послѣдній говоритъ: „было-бы крайне опасно ставить нашу вѣру въ зависимость отъ приговора одного человѣка."

Во Франціи, при могущественномъ вліяніи парижскаго университета, всякій былъ убѣжденъ въ преимущественномъ авторитетѣ соборовъ. За то тѣмъ преданнѣе защищали папскую непогрѣшимость итальянскіе прелаты. Епископъ Корнелій Муссо битонскій проповѣдывалъ въ Римѣ (на посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ): „что говоритъ папа, то мы должны принимать, какъ если бы это говорилъ самъ Богъ. Въ дѣлахъ божественныхъ мы считаемъ его Богомъ; и въ таинствахъ вѣры я повѣрилъ-бы одному папѣ болѣе, чѣмъ тысячамъ Августиновъ, Іеронимовъ, Григоріевъ."

Когда Беллярминъ предпринялъ снова доказывать любимое ученіе Рима, то сильное волненіе умовъ заставило богослововъ вступить на новый путь и употребить другой методъ. Римская курія домогалась теперь возстановленія своего господства, но

крайней мѣрѣ на западѣ. Къ этому она была поощряема успѣхами іезуитскаго ордена, положеніемъ преданнаго ей испанскаго двора и подчиненіемъ Генриха IV. Духовное запрещеніе противъ Венеціи показало на что она могла рѣшиться. Инквизиція въ ея новомъ обширномъ видѣ сдѣлалась опять любимымъ римскимъ учрежденіемъ. Дѣятельность инквизитора была лучшею рекомендаціею и надежнымъ путемъ достигнуть кардинальскаго достоинства и даже папскаго престола. Уже Павелъ IV объявилъ, что инквизиція есть единственная поддержка папскаго трона въ Италіи. Два замѣчательныхъ и важныхъ документовъ показываютъ, чего теперь добивались въ Римѣ и какое отношеніе должны были имѣть григоріанскія идеи къ положенію Европы въ 16 столѣтіи.

Съ особенною торжественностію (какъ-бы съ высоты каѳедры) Павелъ IV издалъ свою буллу „Cum ex apostolatus officio.“ Въ этой буллѣ, подписанной кардиналами и по ихъ совѣту, папа опредѣляетъ слѣд. положенія:

1) Папа, какъ верховный первосвященникъ и намѣстникъ Божій на землѣ, имѣетъ неограниченное господство надъ народами и царствами; онъ судитъ всѣхъ,—но никѣмъ въ мірѣ не можетъ быть судимъ.

2.) Всѣ князья, монархи и епископы, какъ скоро они впадутъ въ ересь или расколъ, безъ всякой судебной формальности, безвозвратно лишаются своихъ мѣстъ, права на господство и подпадаютъ смертному приговору. Въ случаѣ покаянія и обращенія они пожизненно заключаются въ монастырь на хлѣбѣ и водѣ.

3) Никто не смѣетъ оказать помощь или состраданіе князю, впавшему въ ересь или расколъ. Государь, который бы осмѣлился сдѣлать это, тотчасъ лишается своихъ владѣній, которыя отдаются князьямъ покорнымъ папѣ.

4) Если въ послѣдствіи окажется, что какой нибудь папа или епископъ былъ зараженъ еретическими или раскольническими мыслями, то все совершенное этимъ прелатомъ должно считаться ничтожнымъ и недѣйствительнымъ.

Это послѣднее опредѣленіе содержитъ въ себѣ столь сильное и ясное отрицаніе всеобще принятыхъ въ церкви положеній о силѣ и дѣйствительности таинствъ,—что оно было совер-

шенно непонятно богословамъ. Церковное смятеніе, которое уже было произведено подобными доктринами, повторилось бы теперь опять, если-бы самые ревностные приверженцы папской непогрѣшимости не устрашились защищать ученіе Павла IV и его кардиналовъ. Самъ Беллярминъ (спустя 40 лѣтъ и даже въ самомъ Римѣ) утверждалъ: „папа или епископъ не теряетъ чрезъ то своей власти, если онъ былъ или будетъ втайнѣ еретикомъ; иначе все было-бы нетвердо и церковь была бы потрясена.“

Гораздо больше и продолжительнѣйшее дѣйствіе произвелъ другой документъ,—именно булла о причащеніи, которой последняя редакція принадлежитъ времени папствованія Урбана VIII (1627 г.). При Григоріи IX (1372 г.) эта булла появилась сначала въ краткомъ видѣ. Григорій XII (1411 г.) повторилъ ее; а при Піи V (1568 г.) она получила новыя прибавленія и постоянную норму. По опредѣленію этой буллы она должна быть вѣчнымъ закономъ въ христіанствѣ; для епископовъ же и духовниковъ-служитъ правиломъ, которое они должны внушать вѣрующимъ на исповѣди. Если какой нибудь документъ носитъ на себѣ характеръ „каѳедральнаго опредѣленія,“ то это именно эта булла, подтвержденная столькими папами.

Эта булла проклинаетъ всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, тѣхъ, которые имъ покровительствуютъ, ихъ принимаютъ и защищаютъ, и наконецъ всѣ суды и всѣхъ князей, которые даютъ иновѣрцамъ дозволеніе жить въ ихъ земляхъ. Она проклинаетъ и отлучаетъ отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые безъ папскаго позволенія читаютъ, держатъ и печатаютъ иновѣрныя книги;—проклинаетъ университеты и корпораціи, которые отъ папскихъ указовъ апеллируютъ къ будущему вселенскому собору;—она вмѣшивается въ самостоятельность государства и его верховныя права налагать подати, отправлять правосудіе, наказывать духовныхъ преступниковъ,—и за всѣ эти дѣйствія, если онѣ совершены безъ папскаго соизволенія, угрожаетъ отлученіемъ и проклятіемъ. Это проклятіе должно постигнуть не только высшіе органы власти, но и весь чиновничій корпусъ до писца и палача. Только папа одинъ (за исключеніемъ смертныхъ случаевъ) можетъ освобождать отъ наложенныхъ наказаній.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что государства и князья воз-

стали противъ манифеста такого, запретили его обнародываніе и отвергли его значеніе. Во Франціи парламентъ (1580 г.) объявилъ, что всѣ епископы, которые бы сдѣлали извѣстною эту буллу, будутъ наказаны лишеніемъ имуществъ и обвинены въ государственной измѣнѣ. Въ Голландіи возстали противъ нее сами епископы. Еще менѣе дозволилъ ея появленіе у себя король испанскій, который видѣлъ въ ней посягательство на свои права, и вице-король неаполитанскій. Рудольфъ II торжественно протестовалъ противъ ея обнародованія въ Германіи и особенно въ Богеміи. Тоже же сдѣлали архіепископъ майнцкій и Венеція. Но богословы и канонисты внесли буллу въ свои книги и написали на нее свои комментаріи; а безчисленное множество исповѣдниковъ зашли такъ далеко, что на основаніи ея отказывали въ разрѣшеніи грѣховъ. Климентъ XI (ссылаясь на эту же буллу) осмѣлился (1707 г.) наложить отлученіе на Іосифа І-го и на всѣхъ, которые участвовали въ торговлѣ съ Пармою и Піаченцою, на что Римъ имѣлъ, по его словамъ, верховныя права. Императоръ однакожъ возсталъ противъ этого съ такою енергіею, что папа долженъ былъ уступить. Когда (1768 г.) Климентъ XIII вмѣшался съ своею анаѳемою въ верховныя права герцога пармскаго, то во всѣхъ католическихъ странахъ произошло великое волненіе. Даже строго-католическая Марія Терезія отвергла папскія притязанія на счетъ австрійской Ломбардіи и запретила употребланіе буллы, въ которой (какъ она замѣтила въ своемъ указѣ) содержатся опредѣленія несообразныя съ священническимъ харартеромъ и оскорбительныя для власти государей. Такъ какъ продолженіе 200 лѣтъ булла была объявляема каждогодно въ чистый четвертокъ,—то посланники католическихъ державъ въ Римѣ должны были увѣдомлять своихъ монарховъ и правительства о постигавшихъ ихъ отлученіяхъ. Если, со временъ Климента XIV, булла и не прочитывалась болѣе въ великій четвертокъ, то все же въ римскихъ трибуналахъ и конгрегаціяхъ она считалась во всей своей силѣ.

Іезуитскій орденъ, въ вопросѣ о непогрѣшимости папы, не могъ остановиться на половинѣ пути подобно древнимъ защитникамъ этого мнѣнія (отъ Ѳомы до Каэтана), которые колебались между возможностію со стороны папы впасть въ ересь и безусловнымъ подчиненіемъ его опредѣленіямъ. Іезуитъ видитъ

цвѣтъ и верхъ религіозности въ томъ, если онъ отказывается отъ собственнаго сужденія, страдательно подчиняется разсудку и волѣ другаго, котораго онъ признаетъ своимъ повелителемъ. Покореніе своего разсудка, разсудку другаго человѣка есть самая благородная, самая пріятная Богу жертва, которую (по мнѣнію іезуитовъ) человѣкъ можетъ принести Богу.

При самомъ вступленіи въ орденъ, молодой іезуитъ бываетъ наставляемъ на столько подавлять свой разсудокъ, на сколько это препятствуетъ его слѣпому послушанію. Онъ долженъ поэтому подвергнуться отъ своего учителя такому испытанію, какому подвергся Авраамъ со стороны Бога. Въ правилахъ іезуитскаго ордена стоитъ: „если то, что нашимъ глазамъ кажется бѣлымъ, церковь называетъ чернымъ, то и мы должны говорить, что это черно. Орденъ, по своему устройству, есть полнѣйшее отображеніе церковной, іерархіи. Генералъ для ордена есть то же, что папа для церкви; какъ іезуитъ слѣпо повинуется генералу, такъ каждый христіанинъ долженъ повиноваться папѣ.

Поэтому каждый іезуитъ долженъ быть защитникомъ полнѣйшаго абсолютизма въ церкви. Каждое ограниченіе папы есть въ его глазахъ мерзость, каждый законный порядокъ и распоряженіе противъ произвола неограниченнаго властителя есть посягательство на оскорбленіе величества. Опредѣляетъ ли папа какое либо ученіе, то долженъ всякій (и епископы прежде всего, какъ примѣры для своихъ паствъ) подчиниться папскому опредѣленію слѣпо, безъ разсужденія. И это еще не все: іезуитъ, какъ существо совершеннѣйшее, долженъ подчиниться такъ сказать дважды: сперва папѣ, потомъ своему генералу. По представленію іезуитскаго ордена, церковь есть тѣло, которое само по себѣ, безъ папы, бездушно; папа есть душа этого тѣла, говоритъ кардиналъ Паллависини. Этой душѣ, то есть, папѣ принадлежитъ господство надъ цѣлымъ христіанскимъ міромъ; онъ есть монархъ и господинъ вселенной; его власть есть основаніе, союзъ и интеллигенція церковнаго управленія. Григорій XIV (въ 1591 г.) въ своей буллѣ призналъ высокое преимущество іезуитскаго ордена, который, при деспотической власти своего генерала, можетъ служить легкимъ и превосходнымъ

орудіемъ въ рукахъ папъ для исполненія различныхъ обязанностей.

На этой степени является намъ папская система въ полнотѣ и послѣдовательности, какъ ее не понимали даже Тріонзо-Пелайо. Абсолютисты 14-го столѣтія еще не доходили до представленія, что весь христіанскій міръ имѣетъ въ себѣ только одну душу, (которая мыслитъ, познаетъ и желаетъ) и что эта душа есть папа. Подобная мысль могла образоваться только въ умѣ тѣхъ, которые получили воспитаніе въ средѣ іезуитскаго ордена.

Беллярминъ, который вообще сходится съ Каэтаномъ, развилъ его мысли далѣе. Впрочемъ онъ отвергаетъ каэтанову ипотезу, по которой еретическій папа, прежде вмѣшательства церковнаго суда, отрѣшается судомъ Божіимъ. По мысли Беллярмина, еретикъ-папа дотолѣ считается законнымъ, доколѣ не отрѣшитъ его церковь. Каэтанъ сказалъ: „церковь есть рабыня папы." Беллярминъ присовокупляетъ: „церковь должна принять всякое ученіе, какое будетъ угодно папѣ предписать ей; о какомъ нибудь изслѣдованіи не можетъ быть и рѣчи; безъ всякаго разсужденія, не смотрѣвши, церковь должна вѣрить: „все, чему учитъ папа, безусловно истинно; что онъ повелѣваетъ, безусловно хорошо; что онъ запрещаетъ, безусловно худо и вредно. Ибо папа въ вопросахъ нравственности такъ же мало можетъ погрѣшать, какъ и въ вопросахъ догматическихъ." Беллярминъ идетъ еще далѣе. Онъ утверждаетъ: „если бы папа точно погрѣшилъ (предписалъ нпр. грѣхъ и возбранялъ добродѣтель), то и тогда церковь обязана считать грѣхъ за благо, а добродѣтель за зло, если она не хочетъ итти противъ своей совѣсти. Если папа разрѣшаетъ подданныхъ отъ клятвы государю (на что, по Беллярмину, онъ имѣетъ полное право), то церковь должна вѣрить, что онъ совершаетъ этимъ нѣчто доброе; и каждый христіанинъ долженъ считать за грѣхъ оставаться вѣрнымъ и послушнымъ своему государю. Въ глазахъ Беллярмина эта была извращенная притязательность соборовъ, которые подвергали еще собственному изслѣдованію и одобрѣнію папскія рѣшенія въ вопросахъ вѣры.

По Каэтану и Кано, Беллярминъ такъ расширилъ понятіе о папской непогрѣшимости, и съ другой стороны такъ унизилъ

соборы или всю церковь сравнительно съ папами, что всякое отношеніе между ними сдѣлалось излишне. Богъ ничего не дѣлаетъ напрасно; Онъ не даетъ непогрѣшимой власти дважды: одинъ разъ соборамъ, другой разъ-собственно папѣ. Если теперь несомнѣнно, что непогрѣшимость принадлежитъ папѣ, то церковь пріемлетъ свое озареніе только чрезъ него, а не сама по себѣ. Другими словами: папѣ принадлежитъ непогрѣшимость „дѣятельная" (activ), а церкви „пассивная" (passiv). По мнѣнію этой партіи, каждое соборное рѣшеніе дотолѣ нетвердо, доколѣ оно не получитъ папскаго утвержденія. Напротивъ папскій приговоръ не можетъ быть утверждаемъ никакою земною властію, и самъ по себѣ обязателенъ и божественнъ.

Подложность лже-исидоровскихъ вымысловъ была обнаружена магдебургскими центуріаторами. Кто теперь имѣлъ нѣкоторое познаніе о христіанской древности, тотъ не могъ болѣе сомнѣваться, что ложь Лже-Исидора есть позднѣйшее произведеніе. Однакожъ эта ложь такъ неразрывно срослась съ папскою системою, что богословы куріи и іезуиты рѣшились защищать ее, и ею доказывать и непогрѣшимость папы и его монархическую власть. Іезуитъ Турріанъ составилъ огромную апологію декреталій. Беллярминъ сознавался, что безъ Лже-Исидора и вымысловъ неизвѣстнаго доминиканца невозможно привести для папской системы доказательствъ, основанныхъ на преданіи. Всѣ знаменитѣйшіе защитники новаго ученія (Ѳома, Каэтанъ и Мельхіоръ Кано) основывались на этихъ вымыслахъ. Въ Римѣ былъ учрежденъ теперь цензурный трибуналъ, съ помощію котораго надѣялись осудить или уничтожить всякое сочиненіе, которое стало-бы доказывать или признавать подложность упомянутыхъ свидѣтельствъ. Этотъ трибуналъ долженъ былъ поддерживать значеніе и вліяніе вымысловъ Лже-Исидора и доминиканца. Это Беллярминъ и сдѣлалъ. Ему было ясно, что всѣ положенія папской системы находились въ цвѣтущемъ состояніи еще въ первыхъ двухъ столѣтіяхъ христіанства. Христіанскій міръ образовалъ тогда абсолютную монархію и папы считали клириковъ свободными отъ свѣтскаго суда. Мнимый Кириллъ (этотъ любимый свидѣтель Ѳомы) есть неоцѣненный авторитетъ для Беллярмина, который думаетъ, что греческій текстъ еще не найденъ и не напечатанъ.

Такое ослѣпленіе непонятно у Беллярмина, который, по свидѣтельству Ристона, въ своихъ римскихъ (публичныхъ) лекціяхъ самъ же сказалъ: „не смотря на защищеніе Турріана, онъ считаетъ исидоровскія декретаріи неподлинными. Въ слѣдствіе своей забывчивости онъ ясно высказалъ ту же самую мысль и въ своемъ огромномъ сочиненіи о папѣ. Теперь, когда онъ старался доказать неограниченную папскую власть и монархію, онъ пользовался самимъ очевиднымъ вымысломъ. Онъ защищалъ даже басню о правахъ папъ поставлять князей и признавалъ подлиннымъ письмо Иннокентія, который будто-бы отлучилъ отъ церкви императора Аркадія. Нечестность Беллярмина простерлась даже до того, что онъ отвергалъ совершенно извѣстное ему обстоятельство, что вся церковь, всѣ университеты и богословы 15-го столѣтія отрицали папскую непогрѣшимость и его монархическую власть. Онъ зналъ изъ сочиненій Пія II, что въ то время соборное ученіе было господствующимъ, однакожъ употребляетъ всѣ усилія увѣрить своихъ читателей, что это были только нѣкоторые богословы, которые, вопреки всеобщему мнѣнію, отстаивали эту доктрину.

Кажется въ Римѣ дѣйствительно думали, что курія, съ помощію инквизиціи и цензуры, можетъ уничтожить всякую критику и церковную исторію и держать клиръ въ невѣжествѣ относительно этихъ предметовъ.

Цензура дѣйствовала съ такою силою, что ученые пришли въ отчаяніе и многіе прекратили свои богословскія изслѣдованія. Въ Германіи (въ 1599 г.) подъ вліяніемъ іезуитовъ дошло до того, что не смѣли употреблять ни словарей, ни каталоговъ, ни собранія сочиненій. Не дозволяли даже епископамъ читать книги, запрещенныя Римомъ, такъ что они должны были оставаться въ невѣдѣніи того, что теперь было открыто. Обнародовать сочиненія, которыя раскрывали древнее (совершенно отличное отъ настоящаго) состояніе церкви и римскаго престола, было запрещено подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. Изданныя же сочиненія подобнаго рода были уничтожаемы.

Теперь понятно, что въ новомъ служебникѣ появился цѣлый рядъ папъ первыхъ трехъ столѣтій, папъ, о которыхъ никто ничего не зналъ впродолженіе 1,500 лѣтъ и которые не находились ни въ одномъ изъ древнихъ мартирологовъ. Всѣ древ-

ніе служебники заключали въ себѣ сказанія только о Климентѣ, Урбанѣ, Маркѣ и Маркеллѣ; въ новый же служебникъ усердіемъ Беллярмина и Баронія вошли папы: Зефиринъ, Сотеръ, Кай, Пій, Калликстъ, Анаклетъ, Понціанъ, Еваристъ и притомъ съ сказаніями (Lectionen), заимствованными изъ Псевдо-Исидора. Клиръ былъ принужденъ теперь, для возбужденія въ себѣ благоговѣнія, читать вымышленныя сказанія, что папа есть единственный судія всѣхъ епископовъ, что никто изъ духовныхъ лицъ неподлежитъ свѣтскому суду (сказаніе Сильвестра) и пр. И этому содѣйствовалъ кардиналъ Бароній, авторъ лѣтописей, въ которыхъ онъ высказался однажды съ негодованіемъ о вымыслѣ Псевдо-Исидора.

Но искаженія были опять предприняты въ новыхъ служебникахъ. Изъ сказанія папы Льва II, въ томъ мѣстѣ, гдѣ было упомянуто осужденіе Гонорія шестымъ всел. соборомъ, имя папы было вычеркнуто; ибо, такъ какъ папы хотѣли быть непогрѣшимыми, то это непріятное обстоятельство должно было изчезнуть изъ памяти клириковъ. Даже басня объ отступничествѣ папы Марцеллина и о соборѣ синуэсскомъ была теперь принята въ служебникъ, чтобы епископы и священники имѣли постоянно предъ глазами, что папа не можетъ быть судимъ никакимъ соборомъ.

Въ Римѣ считалось соблазнительнымъ, что древняя римская церковь *ограничивала* власть Петра „вязать" только душами; между тѣмъ какъ папа присвоивалъ себѣ полное право вязать и тѣла и предавать ихъ смерти. Поэтому въ служебникѣ и требникѣ (въ молитвѣ на праздникъ Ап. Петра) слово „*души*" было выброшено. Слова сатаны Господу, во время искушенія І. Христа въ пустынѣ: „я хочу дать Тебѣ всѣ царства міра" перенесены теперь, въ римскомъ требникѣ, на І. Христа, Который будто-бы сказалъ эти слова А. Петру.

Эти подлоги и опущенія въ пользу папской системы сдѣлались такъ поразительны, что Венеціанецъ Марсигліо пришелъ въ сомнѣніе: „съ теченіемъ времени, гов. онъ, не будутъ давать никакой вѣры писаніямъ (Schriften) и церковь будетъ подкопана.

Такъ дѣйствовали Бароній и Беллярминъ вмѣстѣ, чтобы распространить новый потокъ вымысловъ и историческихъ искаженій, въ пользу новой папской системы на всѣ страны и церкви за-

пада. Кромѣ своихъ лѣтописей, въ которыхъ заключается огромный запасъ подложныхъ сочиненій и вымысловъ, Бароній пользовался для этой цѣли порученнымъ ему изданіемъ римскаго мартиролога. Онъ имѣлъ здѣсь цѣлію распространить увѣренность, что Ап. Петръ далъ всѣмъ западнымъ городамъ епископовъ и что так. обр. римская церковь въ собственномъ смыслѣ есть матерь всѣхъ остальныхъ церквей. Въ древнѣйшихъ изданіяхъ римскаго мартиролога говорилось нпр. только, что въ Шалонѣ былъ первымъ епископомъ Мемміусъ. Бароній сдѣлалъ изъ него римскаго гражданина, который собственно Петромъ былъ посвященъ въ епископа шалонскаго. Тоже самое повторилось и съ Юліаномъ въ Ле-мансѣ 27 Января. Чего не зналъ древній римскій мартирологій, то зналъ Бароній. Петръ посвятилъ-де Юліана въ епископа ле-манскаго. Еще смѣлѣе былъ поступокъ Баронія съ епископомъ Діонисіемъ парижскимъ. Древнѣйшія ему хорошо извѣстныя свидѣтельства говорили, что Діонисій училъ въ Галліи послѣ первой половины 3-го столѣтія. Бароній же повѣствуетъ, что Діонисій сперва былъ рукоположенъ въ еп. аѳинскаго Ап. Павломъ, а потомъ Климентомъ римскимъ посланъ епископомъ въ Галлію. Этимъ разсказомъ достигалась двоякая цѣль: а) было доказано, что папа могъ-де перемѣстить даже такого епископа, который былъ поставленъ самимъ Ап. Павломъ и б) что парижская церковь есть непосредственная духовная дочь Рима. Бароній и Беллярминъ объявили вымышленными или подложными всѣ документы 6-го вселенскаго собора, изъ которыхъ открывалось осужденіе папы Гонорія.

Со времени распространенія іезуитскаго ордена, впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, гипотеза о папской непогрѣшимости пріобрѣла могущественный полетъ. Іезуиты считали ее своею задачею и препятствовали всякой критикѣ и всякому церковно-историческому изслѣдованію; они занялись, наперерывъ одинъ передъ другимъ, псэвдо-исидоровскими декретами,—древнѣйшими и позднѣйшими римскими подлогами. Турріанъ, который защищалъ эти подлоги чтобы пособить римской системѣ новыми вымыслами, ссылался на манускрипты, которыхъ никто никогда не видалъ. Одновременно съ этимъ іезуитъ Альфонсъ Пизанусъ составилъ одну апокрифическую исторію о никейскомъ

соборѣ съ цѣлію возвысить папскую власть. Другіе, какъ нпр. Беллярминъ, Дельріо и Галлуаксъ защищали подлинность псевдо-діонисіевскихъ сочиненій. Петръ Канизій (Canisius) приводилъ вымышленныя письма пресв. Дѣвы Маріи. Особенно они утверждали важность исидоровскихъ декреталій, подлоги Граціана и Ѳомы. Послѣдніе (подлоги) долгое время никто въ католической церкви не осмѣливался обнаружить. Только съ 1660 г. французскіе ученые начали говорить о нихъ истину. Декретъ Граціана, посредствомъ предписанной папами ревизіи и корректуры (при чемъ конечно должны были обнаружиться многія подлоги), получилъ новую силу. Псевдо-Исидоръ находился долгое время подъ покровительствомъ цензуры. Когда знаменитый канонистъ Концій привелъ доказательство его подложности, то предисловіе, въ которомъ доказывалось это, было уничтожено цензурою. Когда явилось знаменитое сочиненіе Блонделя („полный анализъ псевдо—Исидора“), изчезло послѣднее сомнѣніе на счетъ характера этого вымысла. Сочиненіе Лже-Исидора было опять поставлено въ списокъ запрещенныхъ. Около 1682 года испанецъ Агуирре сдѣлалъ послѣдній достойный упоминанія опытъ защитить Лже-Исидора. Невозможно было отрицать, что для каждаго знатока исторіи вмѣстѣ съ исидоровскими вымыслами изчезла всякая историческая почва для папской системы. Агуирре былъ награжденъ кардинальскимъ достоинствомъ. Въ теченіи 18 столѣтія пришли къ убѣжденію, что невозможно болѣе защищать подлинность исидоровскихъ декреталій и Пій VI, въ отвѣтѣ нѣмецкимъ епископамъ 1789 г., призналъ ихъ подложность. Въ новѣйшее время парижскіе іезуиты пошли далѣе. Патеръ Регнонъ признается: „обманщикъ, гов. онъ, дѣйствительно достигъ своей цѣли; онъ измѣнилъ церковную дисциплину, какъ этого хотѣлъ, но онъ не остановилъ всеобщаго упадка. Богъ не благословляетъ обмана, и декреталіи произвели одно зло.“ Тяжесть этого признанія кажется не была понята іезуитами.

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось ученіе о непогрѣшимости папъ, произошло затрудненіе, для рѣшенія котораго были придумываемы разныя гипотезы, хотя и не удалось остановить мнѣнія богослововъ на одной какой нибудь изъ этихъ гипотезъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, каждый богословъ находилъ такія папскія рѣшенія, которыя противорѣчили другимъ опредѣленіямъ папъ

или ученію принятому церковію. Считать ихъ всѣхъ произведеніемъ одного непогрѣшимаго авторитета было-бы невозможно. Увидѣли себя въ необходимости отыскать такіе признаки, по которымъ можно было-бы узнать непогрѣшимое ученіе папы—или представить такія условія, при неисполненіи которыхъ приговоръ его былъ-бы погрѣшимъ. Отсюда произошло, начиная съ 16 столѣтія, знаменитое различіе папскихъ объявленій „ex cathedra," которыя будто-бы всѣ непогрѣшимы.

Различіе между приговоромъ „ex cathedra" и случайно, въ разговорѣ, высказаннымъ мнѣніемъ имѣетъ свое доброе основаніе не только для папы, но и для епископа и профессора. Кратко, каждый, кто призванъ учить, можетъ высказывать бѣгло и не точно о предметахъ догматическихъ и нравственныхъ; но какъ призванный учитель, публичный наставникъ, онъ долженъ серьезно обсудить послѣдствія своихъ опредѣленій. Никакой разумный человѣкъ не станетъ считать вѣроположеніемъ тѣхъ объявленій, которыя высказаны папою въ частномъ разговорѣ. Но далѣе это различіе между приговоромъ „ex cathedra" мнѣніемъ, высказаннымъ въ разговорѣ, не идетъ.

Если папа по собственному побужденію или на вопросъ другихъ публично высказывается объ извѣстномъ ученіи,—то онъ говоритъ это „ex cathedra." То же самое нужно сказать и о каждомъ епископѣ.

Какъ скоро указываютъ случайное и произвольное условіе, отъ исполненія котораго зависитъ рѣшеніе папъ (—отъ каѳедры ли оно изречено или нѣтъ),—вступаютъ въ область индивидуальныхъ богословскихъ мнѣній. Это было-бы все равно, какъ если бы о врачѣ, призванномъ къ больному для разузнанія болѣзни, сказали: „онъ узналъ болѣзнь и прописалъ лекарство только какъ человѣкъ, а не какъ врачь. Какъ скоро догматическія рѣшенія папъ раздѣляются на два разряда (каѳедральныя и частныя), то этимъ полагается основаніе того произволнаго различія, по которому нѣкоторыя неудобныя опредѣленія папъ лишаются привиллегіи „непогрѣшимыхъ." Такъ Орси утверждалъ, что догматическія писанія Гонорія, осужденныя 6-мъ всел. соборомъ какъ еретическія, были составлены имъ—Гоноріемъ, какъ частнымъ ученымъ. (Частный ученый въ отношеніи къ папѣ есть тоже, что деревянное желѣзо.) Другіе, нпр. Гонетъ,

ученіе Николая къ болгарской церкви о томъ, что крещеніе, совершенное во имя только І. Христа, действительно,—признавали его частнымъ мнѣніемъ.

Если папа долженъ быть непогрѣшимъ, то необходимо чтобы онъ понималъ что нибудь въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ хочетъ судить безошибочно. Поэтому необходимымъ условіемъ его непогрѣшимости должно быть то, чтобы онъ прежде всего надлежащимъ образомъ изучилъ предметъ, посовѣтовавшись съ епископами и богословами. Извѣстно, говорилъ Испанецъ Альфонсъ—Де—Кастро, что многіе папы не понимаютъ ничего даже въ грамматикѣ, не только въ библіи. А безъ знанія библіи невозможно судить о догматахъ вѣры. Папа, говорилось далѣе,—точно непогрѣшимъ, если онъ произноситъ приговоръ „ex cathedra," но для этого нужно, чтобы онъ тщательно ознакомился съ дѣломъ,—посредствомъ собственнаго изслѣдованія и совѣта епископовъ и богослововъ былъ наученъ и твердо наставленъ.

Съ такою непогрѣшимостію, папы оказали-бы плохую услугу церкви, возражали іезуиты. Большая часть папъ достигли высочайшаго достоинства какъ юристы, какъ чиновники управленія или какъ дѣти знатныхъ фамилій; и потому, если бы они даже и захотѣли, то не могли бы, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, посвятить себя богословскимъ изслѣдованіямъ; многіе даже не знаютъ, какъ взяться за это. Даръ непогрѣшимости долженъ быть таковъ, что онъ озаряетъ мгновенно невѣжественнаго папу и предохраняетъ его отъ всякаго заблужденія. Если папа объявляетъ ученіе, рѣшаетъ догматическіе или нравственные вопросы, то приговоръ его неприкосновененъ: долго ли онъ о нихъ размышлялъ, или внезапно рѣшилъ,—многихъ ли, немногихъ или никого о нихъ не спрашивалъ. Только во внутреннемъ существѣ его духа находится его непогрѣшимость. Къ чему вопрошать другихъ, подверженныхъ заблужденію, когда онъ самъ непогрѣшимъ? Къ чему жалкій свѣтъ лампъ, когда папа владѣетъ полнотою свѣта духовнаго солнца?

Съ особенною силою Беллярминъ защищалъ папское преимущество въ догматической непогрѣшимости. Онъ знать ничего не хотѣлъ о соборахъ и о совѣщаніяхъ съ епископами. Если папа издаетъ декретъ ко всей вселенской церкви или обнародываетъ нравственный законъ,—то онъ долженъ быть непогрѣ-

шимъ. Эти слова Беллярмина скорѣе относятся къ будущем чѣмъ къ прошедшему времени, ибо изъ перваго тысячелѣт христіанства не извѣстно ни одного декрета, который бы па издалъ ко всей церкви; даже въ 12-мъ и 13-мъ столѣтія папы имѣли обыкновеніе рѣшать вопросы вѣры на соборах Только булла „Unam Sanctam" Бонифація VIII (1303 г.) бы направлена ко всей церкви. По чему папа долженъ быть п грѣшимъ, если онъ обращается къ какой нибудь *частной цер ви*, и непогрѣшимъ—если обращается къ *церкви вселенской*,- кардиналъ не объяснилъ.

Нѣкоторые іезуитскіе богословы (нпр. Таннеръ и Комптон думали: чтобы папскій декретъ былъ непогрѣшимъ и каѳедр ленъ, нужно, чтобы предварительно онъ былъ прибитъ нѣкот рое время къ дверямъ церкви св. Петра. Однакожъ это м ніе опять таки не удовлетворило многихъ. Поэтому нѣкот рые (нпр. Дюваль, Целлотъ) утверждали, что папа тогда тол ко непогрѣшимъ, если онъ проклинаетъ каждаго кто учитъ ин че, чѣмъ онъ.

Многіе думали, что все это еще мало значитъ, и потому рѣшались утверждать абсолютную безусловную папскую непогр шимость. Іезуиты Францъ Торрензій и Фаготъ полагали: „бе собора, который бы состоялъ, по крайней мѣрѣ, изъ прелатов кардиналовъ и богослововъ, живущихъ въ Римѣ, нельзя ра читывать на непогрѣшимость папскаго декрета. Дріедо, Лупус Гозіусъ такъ же полагали, что для непогрѣшимости необход мо предварительное совѣщаніе хоть одного собора. Отсюда пр изошелъ споръ: нужно ли для рѣшенія „ex cathedra", согласіе со ра, или достаточно и того, чтобы папа выслушалъ собраніе потомъ рѣшилъ какъ ему угодно. Считать согласіе собора усл віемъ папской непогрѣшимости, значитъ отрицать на дѣлѣ э непогрѣшимость. Къ чему собраніе епископовъ, говорили друг для этого есть кардиналы, которые, принадлежа куріи, знач болѣе, чѣмъ цѣлый сонмъ епископовъ. Но тутъ произошло н вое сомнѣніе: нужно ли, чтобы папа посовѣтовался, пред даніемъ своего декрета, со всею коллегіею кардиналовъ,—и достаточно, чтобы онъ избралъ для этой цѣли двухъ трехъ кар диналовъ, и оставилъ безъ вниманія всѣхъ прочихъ, которые, п его предположенію, имѣютъ другой взглядъ на дѣло. Этотъ во

просъ сдѣлался жгучимъ съ 1713 года, когда Климентъ XI издалъ свою знаменитую буллу („Unigenitus,“) при составленіи которой участвовало только два единомысленныхъ съ нимъ кардинала. Іезуиты увидѣли теперь еще яснѣе, какъ трудно распознать „каѳедрально ли папское рѣшеніе вѣры или нѣтъ? Они рѣшились устранить условія предварительнаго совѣщанія и объявить папу одного безусловнымъ органомъ Божественнаго Духа; но при этомъ они выставили два ограниченія, именно: 1) папскій декретъ долженъ быть изданъ для цѣлой церкви и 2) папа долженъ проклинать всѣхъ иновѣрцевъ. По этому іезуитскому ученію (Перроне и другихъ) папа подверженъ заблужденію, если онъ издаетъ декретъ къ какой нибудь частной церкви нпр. къ французской или нѣмецкой,—или если онъ не проклинаетъ иновѣрцевъ. Такъ какъ богословіе Перроне не имѣетъ того символическаго значенія въ церкви и того авторитета, какимъ пользуется „Summa“ Ѳомы, то нѣтъ никакой надежды, чтобы его изъясненіе понятія „ex cathedra“ было принято всѣми. Это понятіе, не смотря на чрезмѣрное значеніе, которое ему было дано, все таки принадлежитъ къ совершенно темнымъ и неяснымъ предметамъ догматики. Так. образомъ каждому защитнику непогрѣшимости остается сдѣлать свое собственное опредѣленіе понятія „ex cathedra.“

Личная непогрѣшимость простирается гораздо далѣе, чѣмъ непогрѣшимость всей церкви. Церковь, въ ея цѣлости, безопасна противъ ложныхъ ученій; она не отпадетъ отъ Христа и Апостоловъ, и не отречется отъ ученія, однажды ею принятаго и въ ея лонѣ непрерывно сохраняемаго. Соборъ, разсуждая объ ученіи, даетъ о немъ свидѣтельство. Каждый епископъ, за извѣстную ему часть церкви, удостовѣряетъ, что извѣстное ученіе донынѣ тамъ содержалось и составляло предметъ вѣры;—или, что истина, заключающаяся въ этомъ ученіи, хотя ясно не высказана, но, какъ логическое слѣдствіе, существовала съ неоспоримою необходимостію. О томъ, было ли свидѣтельство епископовъ истинно, и сохранялась ли на Соборѣ необходимая свобода совѣщаній и безпристрастная справедливость между епископами,—объ этомъ судитъ опять таки церковь, которая рѣшенія собора принимаетъ или отвергаетъ.

Здѣсь покоится безопасность и непогрѣшимость на твердой

почвѣ дѣлъ. Церковь не открываетъ новыхъ ученій, не создаетъ новыхъ догматовъ, но защищаетъ и охраняетъ порученное ей богатство. Смыслъ приговора собранныхъ на соборѣ епископовъ таковъ: такъ вѣровали наши предшественники, такъ вѣруемъ мы, и такъ будутъ вѣровать наши потомки. Вселенская церковь не подвержена опасности самопревозношенія и чрезмѣрнаго хвастовства на высшее озареніе. Она не старается провести своего частнаго, субъективнаго мнѣнія.

Предоставленная самой себѣ она держится въ предѣлахъ преданія, чему постоянно и вездѣ вѣровали. Совсѣмъ другое дѣло, если одно лицо объявляетъ себя непогрѣшимымъ. Оно подвержено постоянной опасности, что льстецы или интриганы будутъ имѣть на него вліяніе и будутъ принуждать его къ догматическимъ опредѣленіямъ. Могутъ пользоваться пристрастіемъ папы къ тому или другому богословскому мнѣнію, къ какому нибудь ордену и его любимому ученію; могутъ пользоваться такъ же невѣденіемъ папы въ исторіи догматовъ, его тщеславіемъ и страстію возвеличить свое папствованіе тѣмъ или другимъ замѣчательнымъ (мнимо выгоднымъ для римскаго престола) догматическимъ рѣшеніемъ, и соединить съ своимъ именемъ какое нибудь великое дѣяніе, составляющее эпоху въ церкви. При этомъ для папы нѣтъ ничего легче, какъ устранить отъ себя всякое противорѣчіе: потому что обыкновенно никто не смѣетъ (не будучи спрошенъ) сдѣлать ему представленіе или выразить свое сомнѣніе. Въ душѣ такого человѣка тотчасъ образуется лестный взглядъ (какъ у древняго Адама), что его желанія и мысли происходятъ отъ Божественнаго вдохновенія, что онъ находится подъ особеннымъ благодатнымъ управленіемъ неба, и что, въ силу его достоинства, ему досталась на долю какъ полнота власти, такъ и полнота истины и познанія. Онъ повѣритъ этому тѣмъ легче и ухватится за это тѣмъ скорѣе, чѣмъ незначительнѣе его познанія и чѣмъ менѣе онъ имѣетъ понятія о тѣхъ трудностяхъ и сомнѣніяхъ, которыя удерживаютъ ученаго богослова отъ принятія того или другаго мнѣнія. При этомъ самый благомыслящій папа можетъ вообразить себѣ, что онъ далекъ отъ всякаго само-превозношенія, и есть только смиренный органъ говорящаго черезъ него Духа Господня.

Одинъ изъ папъ, котораго управленіе оставило по себѣ са-

мое мрачное воспоминаніе, именно Иннокентій X самъ признавался, что онъ ничего не понимаетъ въ богословіи и всю свою жизнь занимался только юридическими дѣлами и процессами. Однакожь это ему не воспрепятствовало (осужденіемъ пяти положеній о благодати) начать споръ, который продолжался цѣлое столѣтіе и никогда не былъ рѣшенъ. Онъ-Иннокентій (по собственнымъ его словамъ епископу Монтпелліеру), получилъ отъ Бога столь великое откровеніе Духа, что ему сдѣлался яснымъ смыслъ св. Писанія, и онъ внезапно постигъ самыя утонченныя тонкости схоластики. Онъ ощущалъ въ себѣ ясно присутствіе св. Духа. Поэтому онъ не имѣлъ надобности ни въ какомъ синодѣ, ни въ какомъ совѣщаніи кардиналовъ, ни въ мнѣніи нѣкоторыхъ, избранныхъ имъ, монашествующихъ священниковъ. Все это зависитъ отъ вдохновенія св. Духа, говорилъ онъ богословамъ, пришедшимъ изъ Парижа.

Григорій XVI самымъ наивнымъ образомъ радовался своему высокому положенію потому именно, что чрезъ это (по его мнѣнію) онъ говорилъ всегда правду. Капакцини сдѣлалъ ему докладъ въ финансовыхъ дѣлахъ; но когда ни Капакцини не могъ убѣдить папы, ни папа не могъ убѣдить своими доморощенными аргументами геніальнаго Капакцини, Григорій высказывался иногда при этомъ так. образомъ: „да вѣдь я же папа; слѣдовательно не могу погрѣшать и долженъ знать все самымъ лучшимъ образомъ.

Если власть духовная и господствуетъ надъ совѣстью людей, то опасность само-превозношенія тѣмъ больше; ибо обладаніе этою властію имѣетъ особенную соблазнительную прелесть и производитъ самообольщеніе, по которому страсть властолюбія легко прикрывается заботою о спасеніи другихъ. Если при этомъ человѣкъ, которому досталась неограниченная власть, питаетъ мнѣніе, что онъ есть непогрѣшимый органъ Духа Божія, и знаетъ, что его опредѣленіе въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ будетъ принято съ внутреннею покорностію милліонами людей, то это почти невозможно, чтобы онъ сохранилъ постоянную трезвость духа. Къ этому присоединяется поддерживаемое Римомъ представленіе, что въ конклавѣ, не смотря на происки пар-

тій, выборомъ руководитъ Духъ Святой, и избранный папа есть особенное благодатное орудіе для исполненія опредѣленій Божіихъ о церкви и человѣчествѣ. Вся жизнь папы, съ того момента какъ онъ, посаженный на алтарь, принимаетъ первое цѣлованіе ноги, есть непрерывный рядъ чествованій. Все расчитано, чтобы укрѣпить папу въ той мысли, что между нимъ и остальными смертными утвердилась страшная (неисполнимая) пропасть; такъ что самый твердый характеръ, отуманенный стольними чествованіями, можетъ наконецъ пасть предъ искушеніемъ, превышающимъ человѣческія силы.

О Марцеллѣ II разсказываютъ, что при своемъ возшествіи онъ былъ полонъ боязни, чтобы не случилось съ нимъ того же самаго, что было примѣчено въ большей части его предшественниковъ, которые, сдѣлавшись папами, совершенно измѣнялись, и изъ прежнихъ своихъ добрыхъ намѣреній не исполняли ничего. Такъ вредно дѣйствуетъ, думалъ онъ, на характеръ папы перемѣна состоянія, рой льстецовъ и партій. Іезуитскій генералъ Олива (около 1670 г.) замѣчаетъ: „Возведеніе въ папское достоинство такъ портитъ характеръ избраннаго, что никто не пожелаетъ такого повышенія человѣку доброму; а такъ же никто не надѣется, чтобы самый лучшій кардиналъ, сдѣлавшись папою, сдержалъ тѣ добрыя и святыя намѣренія, которыя онъ имѣлъ при своемъ возшествіи.

О Климентѣ VII разсказываетъ его другъ кардиналъ Садолетъ: „папа постоянно имѣлъ въ рукахъ библію и при этомъ питалъ добрыя намѣренія, однакожъ его царствованіе было рядомъ постоянныхъ ошибокъ; онъ всячески вертѣлся, чтобы избѣжать ненавистнаго и страшнаго ему собора. Садолетъ долженъ былъ признаться, что Климентъ дурно руководимый своими министрами, далеко уклонился отъ прежнихъ своихъ обычаевъ и отъ своей природной доброты.

Павелъ IV (Караффа) предъ своимъ избраніемъ былъ пламенный другъ церковной реформаціи; и такъ какъ при Климентѣ VII ничего въ этомъ отношеніи не было сдѣлано, то онъ оставилъ папскій дворъ. Когда же онъ самъ сдѣлался папою, то отъ прежней его ревности къ преобразованію церкви, не осталось ничего. Онъ оставилъ церковь въ безпомощномъ состояніи въ то именно время, когда каждая почта приносила но-

ія извѣстія объ успѣхахъ протестантизма. Онъ ни разу не ↑думалъ о продолженіи прерваннаго за нѣсколько лѣтъ предъ ымъ синода. Его главными занятіями были умноженіе и обоащеніе своихъ племянниковъ, инквизиція (это его любимое учрежэніе) и борьба противъ Карла V и Филиппа II, хотя они быи единственными опорами папской системы. Это было задачею апства: давить подъ ноги королей и императоровъ.

Самыми яркими красками рисуетъ Онуфріо Панвиніо полѣйшую перемѣну, которая произошла съ Піемъ IV (Іоанномъ Ангело де-Медичи) отъ 1559—1565 г. Предъ своимъ возшествіемъ на престолъ онъ былъ человѣколюбивъ, благодѣтеленъ, кротокъ, терпѣливъ, некорыстолюбивъ; сдѣлавшись же папою сталъ гнѣвливъ, жаденъ, завистливъ; избавившись отъ ненавистнаго ему собора тридентинскаго, онъ предался чувственности и сластолюбію, ѣлъ и пилъ чрезмѣрно, сдѣлался властолюбивъ, скрытенъ и удалялся даже отъ богослуженія.

Тоже случилось позднѣе и съ Иннокентіемъ X, который считался прежде честнымъ безпорочнымъ человѣкомъ, но сдѣлавшись папою явилъ міру зрѣлище, какъ вмѣсто папы управляла всѣмъ его невѣстка, женщина властолюбивая и корыстолюбивая. Александръ VI кардиналомъ былъ способный даровитый человѣкъ; сдѣлавшись же папою дозволилъ іезуиту Оливѣ уговорить себя, что это было-бы съ его стороны смертнымъ грѣхомъ не перевести въ Римъ своихъ племянниковъ и не сдѣлать ихъ богатыми и знатными. Главною его заботою было отказаться отъ всѣхъ дѣлъ и вести жизнь тихую и спокойную. Мы умалчиваемъ о папахъ позднѣйшаго времени.

Наблюденія, которыя были сдѣланы не итальянскими епископами на соборѣ тридентинскомъ; поведеніе Рима, который строжайше запретилъ писать даже объясненія и комментаріи на декреты этого собора, предоставивъ ихъ толкованіе только себѣ; наконецъ то, что Римъ многія въ высшей степени важныя рѣшенія собора (нпр. объ индульгенціяхъ и. др.) оставилъ безъ всякаго исполненія, все это сдѣлало то, что даже послѣдній призывъ къ новому вселенскому собору умолкъ....Въ странахъ, гдѣ дѣйствовала инквизиція, даже желаніе (чтобы былъ созванъ соборъ) считалось преступленіемъ и подвергало виновнаго опасности.

Въ слѣдствіе тридентинскихъ рѣшеній и сопротивленія правительствъ, римскій престолъ понесъ значительныя потери въ своихъ доходахъ и правахъ; но съ другой стороны дѣятельность іезуитскаго ордена, устройство постоянныхъ конгрегацій и неизвѣстныхъ прежде посольскихъ постовъ (Nunciaturen) существенно возвысили могущество и вліяніе Рима. Въ Римѣ питали теперь такое отвращеніе противъ соборовъ,—что даже самое слово это было запрещено. Когда для рѣшенія спора о благодати, молинисты (1602 г.) требовали созванія синода, то доминиканецъ Пена писалъ: въ Римѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ догматическихъ, слово „*синодъ*" изгнано, какъ святотатственное.

Такъ протекло 3 столѣтія и хоть-бы гдѣ нибудь высказалось громко серьезное желаніе созвать соборъ. Въ богословскихъ руководствахъ, системахъ и школахъ обыкновенно учили, что синоды не только полезны, но и необходимы. Но это, какъ и многое другое, оставалось только въ теоріи. На дѣлѣ же чувствовали всѣ, что соборы такъ же мало подходятъ къ системѣ папы, какъ и народное представительство къ монархіи Людовика XIV. Лучшимъ истолкователемъ этого чувства былъ кардиналъ Паллависини. „Опять созвать соборъ, говоритъ онъ, значило бы искушать Бога; такое собраніе было-бы въ высшей степени опасно, и грозило-бы погибелью церкви." Въ этомъ, думаетъ онъ, его исторія собора тридентинскаго произвела-бы на читателя точь въ точь такое же впечатлѣніе, какъ и исторія Сарпи. Папы, говоритъ Паллависини, всегда имѣли отвращеніе къ соборамъ помѣстнымъ.

Главная причина, почему никто болѣе не желалъ собора, заключалась въ томъ, что на немъ была не мыслима свобода совѣщаній и голоса епископовъ,—первое и необходимое условіе правильности каждаго синода. Объ этомъ говорила новѣйшая исторія, такъ же какъ и теорія. Папская система, (которая не знаетъ самостоятельно правящихъ епископовъ, но только подчиненныхъ и викаріевъ папы) не можетъ допустить собора въ древле-церковномъ смыслѣ. Если епископы знаютъ волю и взглядъ папы на извѣстный вопросъ, то было-бы, съ ихъ стороны, дерзко и напрасно говорить противъ. Если же они этого не знаютъ, то ихъ первая обязанность освѣдомиться, и сообразно съ

этимъ подавать голосъ. Рядомъ съ непогрѣшимымъ учителемъ вѣры, не можетъ, строго говоря, существовать вселенскій соборъ,—хотя, конечно, могутъ представить міру все великолѣпіе, церемоніалъ, рѣчи епископовъ и опредѣленія синода.

Вотъ почему папскіе легаты въ Тріентѣ набросились на тѣхъ епископовъ, которые осмѣлились высказать свой взглядъ,—называя этихъ прелатовъ еретиками и возмутителями. Епископы, которые клянутся поддерживать права, преимущества, привилегіи, власть ихъ господина папы,—защищать его, во всемъ ему содѣйствовать къ пріумноженію власти (а такую клятву приноситъ всякій епископъ),—не могутъ смотрѣть на себя какъ на свободныхъ членовъ независимаго собора; — да и христіанскій міръ не можетъ считать ихъ таковыми. Этого требуетъ уже естественное право и справедливость. Нельзя этихъ людей (епископовъ) сдѣлать отвѣтственными за тѣ рѣшенія, которыя отъ нихъ не зависятъ. Вотъ тѣ важнѣйшія основанія, по которымъ, впродолженіе 300 лѣтъ, не было никакого собора;—вотъ тѣ причины, по которымъ избѣгали *„этого безполезнаго шума,"* какъ кардиналъ Орси называетъ вселенскіе и другіе соборы!

Полная истинная свобода для каждаго епископа,—свобода отъ нравственнаго принужденія страха и подкупа,—составляетъ существо собора. Собраніе людей, которые, въ силу данной клятвы, считаютъ своею главною цѣлію и долгомъ совѣсти заботиться о распространеніи папскаго могущества,—которые живутъ въ постоянномъ страхѣ навлечь на себя неудовольствіе куріи и укоръ въ клятвопреступленіи, подвергнуться разнымъ придиркамъ по управленію епархіею,—такое собраніе людей не можетъ быть названо свободнымъ относительно тѣхъ вопросовъ, гдѣ дѣло идетъ о власти и притязаніяхъ римскаго престола. А между тѣмъ почти всѣ вопросы (за самыми малыми исключеніями), которые могли бы составить предметъ соборнаго совѣщанія, *именно* такого свойства т. е. касаются или папскаго положенія или папскихъ прерогативъ. Ни одинъ изъ епископовъ не приносилъ клятвы въ томъ, что высшимъ закономъ его поступковъ и дѣйствій будетъ благо церкви и религіи; онъ клялся только заботиться объ интересахъ куріи. Есть много примѣровъ тому, какимъ укорамъ подвергается всякій епископъ, который, вопреки преданію куріи, захотѣлъ-бы слѣдовать своему убѣжденію.

Въ Римини и Селевкіи (359 г.), въ Ефесѣ (449) и Вьеннѣ (1312), а такъ же и въ Тріентѣ ясно обнаружилось, какія имѣетъ послѣдствія недостатокъ на соборѣ истинной свободы. Въ древнее время, когда папы не могли вліять на епископовъ устрашеніями и принужденіемъ, это были императоры, которые иногда стѣсняли свободу соборныхъ совѣщаній. Но, начиная съ Григорія VII, давленіе папской власти на соборы сдѣлалось въ десять разъ болѣе и чувствительнѣе, чѣмъ все вліяніе прежнихъ императоровъ. Съ полною справедливостію по этому въ 16 столѣтіи, цѣлая половина Европы выставляла слѣдующія два требованія, когда дѣло шло о созваніи собора: во первыхъ, чтобы соборъ не былъ созванъ въ Римѣ или Италіи; во вторыхъ, чтобы епископы были освобождены отъ ихъ клятвы повиновенія папѣ. Новый соборъ открытъ не только въ Италіи, но еще въ самомъ Римѣ; онъ будетъ названъ шестымъ латеранскимъ синодомъ,—и навѣрно будетъ сходенъ съ пятымъ латеранскимъ. Этимъ сказано все; сказано такъ же и то, что каковъ бы ни былъ ходъ собора, все же нельзя будетъ ему никогда назваться соборомъ истинно свободнымъ.

Богословы и учители церковнаго права объявляютъ: безъ полной свободы рѣшенія собора необязательны. Такое собраніе было бы лже-синодъ. Можетъ быть нужно исправить мнѣніе этихъ богослововъ и учителей церковнаго права!....

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Новые штаты для православнаго духовенства западной Россіи.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали предложеніе господина испр. дол. Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 6 іюня сего г. за № 2320, съ приложеніемъ копіи съ выписки

изъ журналовъ Комитета Министровъ 19 мая и 2 іюня 1870 года, о предоставленіи Святѣйшему Сvноду права на будущее время разрѣшать отчужденіе недвижимыхъ церковныхъ имуществъ, отходящихъ подъ линіи желѣзныхъ дорогъ и сооруженія оныхъ. Въ выпискѣ этой изъяснено: по выслушаніи представленія по сему предмету Сvнодальнаго Оберъ-Прокурора, Комитетъ Министровъ, принимая во вниманіе, что предварительно проведенія линій желѣзныхъ дорогъ, издается законодательнымъ порядкомъ Именной ВЫСОЧАЙШІЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ объ отчужденіи подъ устройство дороги частныхъ земель и другихъ имуществъ, согласно съ заключеніемъ Святѣйшаго Синода, находилъ, что за симъ не представляется уже надобности вторично испрашивать по каждому отдѣльному случаю Высочайшее ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе на отчужденіе подъ туже дорогу земель, принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ. По сему и имѣя въ виду что въ ст. 593 т. X. ч. I св. зак. указанъ порядокъ для назначенія церковнымъ учрежденіямъ вознагражденія за отходящія отъ нихъ на государственную или общественную пользу имущества, Комитетъ полагалъ: предоставить Святѣйшему Сvноду, не испрашивая Высочайшаго соизволенія на уступку подъ линіи желѣзныхъ дорогъ имуществъ, принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ, поступать относительно назначенія вознагражденія за таковые имущества на точномъ основаніи установленныхъ въ ст. 575, 591 и 593 Св. Зак. Т. X. ч. I. правилъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 29 день мая 1870 года, положеніе Комитета ВЫСОЧАЙШЕ утвердить соизволилъ. За тѣмъ, Комитетъ, въ засѣданіи 2 іюня, опредѣлилъ: сообщить о томъ Оберъ-Прокурору Св. Сvнода къ исполненію выпискою изъ журнала. И по справкѣ, Приказали: объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ дать знать циркулярно по духовному вѣдомству къ надлежащему руководству, іюля 19 дня 1870 года. Подлинный указъ подписали: Оберъ-Секретарь *А. Крыжинъ*, Секретарь *А. Колоколовъ*.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, Преосвященному Александру, Епископу Минскому

и Бобруйскому. По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ
ЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали пред
ложеніе господина исправляющаго должность Сѵнодальнаго Обер
Прокурора, отъ 10 іюля сего г. за № 8258, въ коемъ изло
жено: Высочайше утвержденное присутствіе по дѣламъ правосла
наго духовенства доставило въ Хозяйственное Управленіе при
Святѣйшемъ Сѵнодѣ выписку изъ журнала, Высочайше утвер
деннаго $^6/_8$ іюня 1870 года, въ коей изъяснено, что означенн
Присутствіе, разсмотрѣвъ дѣло о распредѣленіи суммъ: а) о
пускаемыхъ изъ казны на содержаніе церковныхъ причтовъ с
веро-западныхъ епархій и б) вновь назначенныхъ на воспособл
ніе православному духовенству этаго края въ замѣнъ существ
вавшихъ тамъ натуральныхъ повинностей прихожанъ въ поль
сего духовенства,—полагало: 1) содержаніе каѳедральныхъ соб
ровъ въ сѣверо-западныхъ епархіяхъ возвысить до размѣро
содержанія причтовъ при таковыхъ же соборахъ въ епархія
юго-западныхъ, уровнявъ оклады членовъ причта виленскаго к
ѳедральнаго собора съ окладами причта кіевскаго собора, а окл
ды причтовъ могилевскаго, минскаго и витебскаго соборовъ
окладами причтовъ при каѳедральныхъ соборахъ въ подольск
и волынской епархіяхъ; и на этомъ основаніи, съ 1 Янва
1870 года, производить въ годъ: а) При виленскомъ николае
скомъ каѳедральномъ соборѣ протоіерею 1200 рублей, ключар
800 рублей, двумъ священникамъ каждому по 600 рублей-
1200 рублей, протодіакону 600 рублей, двумъ діаконамъ
500 руб.—1000 рублей, двумъ иподіаконамъ, каждому по 400 р.-
800 рублей, двумъ псаломщикамъ каждому по 300 руб.—600 р
на церковную прислугу 1000 рублей—итого 7200 рублей; б) П
могилевскомъ іосифовскомъ, минскомъ петро-павловскомъ и вит
скомъ николаевскомъ каѳедральныхъ соборахъ, при каждомъ: про
іерею 1000 руб. ключарю 700 р., двумъ священникамъ, кажд
по 500 руб.—1000 р., протодіакону 500 руб. двумъ діакон
каждому по 400 руб.—800 руб., двумъ иподіаконамъ, каждому
350 р.—700 р. двумъ псаломщикамъ каждому по 250 ру
500 р. на церковную прислугу 800 руб. На всѣ три к
дральные собора 18000 руб. 2) Прочему соборному и прих
скому духовенству кромѣ каѳедральныхъ соборовъ и кромѣ пр
товъ, получающихъ содержаніе изъ особыхъ источниковъ, вв

до утвержденія новыхъ росписаній приходскихъ церквей и причтовъ на Высочайше одобренныхъ 16 Апрѣля 1869 года основаніяхъ, производить съ 1 января 1870 года.

ПО ГОРОДАМЪ:

Протоіереямъ	600 р.
Священникамъ	500 —
Соборнымъ діаконамъ	300 —
Прочимъ діаконамъ.	200 —
Причетникамъ	150 —
Просфирнямъ	40 —

ПО СЕЛАМЪ

Священникамъ по	400 —
Діаконамъ	120 —
Причетникамъ	96 —
Просфирнямъ.	24 —

3) На производство опредѣленныхъ въ пунктахъ 1 и 2 окладовъ обратить суммы: а) отпускаемую изъ казны въ вѣдѣніе Вашего Преосвященства и Преосвященныхъ Литовскаго, Могилевскаго и Полоцкаго на выдачу пособій особенно нуждающимся священно и церковно-служителямъ; б) ассигнуемую изъ казны на содержаніе причтовъ виленскаго, могилевскаго, минскаго и витебскаго каѳедральныхъ соборовъ; в) отпускаемую изъ казны на жалованье прочему городскому и сельскому духовенству въ литовской, могилевской, минской и Полоцкой епархіяхъ, и г) назначенную изъ особаго поземельнаго сбора, на воспособленіе православному духовенству сихъ епархій въ замѣнъ прежнихъ натуральныхъ повинностей прихожанъ въ пользу этого духовенства. 4) Ассигнованіе на литовскую, могилевскую, минскую и полоцкую епархіи суммъ, потребныхъ на удовлетвореніе назначаемыми въ пунктахъ 1 и 2 окладами на счетъ означенныхъ въ пунктѣ 3-мъ источниковъ, возложить на Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сѵнодѣ по сношенію съ Департаментомъ Государственнаго Казначейства, а росписаніе назначаемыхъ въ пунктѣ 2-мъ окладовъ по церквамъ, не выходя по каждой епархіи изъ опредѣленнаго въ томъ пунктѣ общаго числа священно и церковнослужителей и размѣровъ содержанія ихъ предоставить епархіальному начальству. 5) Поручить епархіальному началь-

ству, при составленіи упомянутаго въ пунктѣ 4 росписанія причтовъ и окладовъ ихъ содержанія отнести на общій счетъ всѣхъ причтовъ, кромѣ причтовъ каѳедральныхъ соборовъ, ту сумму, какая по каждой епархіи уже поступила въ 1870 году въ дѣйствительный расходъ, согласно своему назначенію, изъ предоставленнаго преосвященнымъ въ этомъ году кредита на выдачу пособій особенно нуждающимся священно и церковнослужителямъ и, соотвѣтственно этой суммѣ, уменьшить слѣдующіе въ нынѣшнемъ году оклады священно и церковнослужителей. 6) Такъ какъ къ числу натуральныхъ повинностей прихожанъ въ пользу православнаго духовенства сѣверо-западнаго края, въ замѣнъ коихъ назначена изъ особаго поземельнаго сбора сумма на воспособленіе духовенству, обращаемая нынѣ на основаніи 3 пункта въ постоянные оклады причтамъ, относились, между прочимъ, постройка при сельскихъ церквахъ домовъ для помѣщенія духовенства и производство капитальныхъ въ нихъ исправленій, то предоставить Святѣйшему Суноду объявить, чрезъ епархіальное начальство, сельскимъ причтамъ литовской, могилевской, минской и полоцкой епархій, что назначеніемъ имъ, опредѣленныхъ въ пунктѣ 2, окладовъ, исправленіе церковныхъ домовъ на будущее время и постройка новыхъ въ замѣнъ тѣхъ, которые будутъ приходить въ ветхость, переходитъ на личную обязанность самихъ сельскихъ священно и церковнослужителей, и предложить имъ въ устраненіе могущихъ возникнуть затрудненій въ исполненіи этой обязанности, назначить къ отчисленію изъ своихъ окладовъ, въ видѣ пожертвованія, такой процентъ, который бы былъ достаточенъ на образованіе по каждой изъ тѣхъ епархій спеціальнаго капитала на исправленіе и возобновленіе церковныхъ домовъ въ селеніяхъ, принявъ за основаніе раскладки: а) сумму въ которую можетъ обойтись, по мѣстнымъ цѣнамъ, постройка дома для одного сельскаго причта, полагая причтъ въ составѣ одного священника и одного псаломщика; б) общее число такихъ причтовъ въ каждой епархіи; в) сумму капитала равняющуюся общей стоимости домовъ для всѣхъ причтовъ, съ нѣкоторою добавкою на непредвидимые случаи разрушенія домовъ отъ пожаровъ и т. п., и затѣмъ г) тотъ процентъ, какой необходимо отчислять изъ окладовъ сельскихъ священно и церковнослужителей для образованія этого капитала въ теченіи 40 лѣтняго періода

существованія домовъ, полагаемаго по закону (Св. Зак. т. VII, ч. I уст. объ упр. казен. насел. имѣн. въ запад. губ. прилож. къ ст. 9 пун. 229—233) для деревянныхъ строеній, принимая въ расчетъ какъ сумму ежегодныхъ отчисленій, такъ и ежегодныя на нихъ проценты. 7) При новомъ, чрезъ каждые три года дѣйствія смѣтъ земскихъ повинностей, распредѣленіи установленнаго въ западныхъ губерніяхъ поземельнаго сбора на воспособленіе духовенству между православнымъ и иновѣрнымъ духовенствомъ на опредѣленныхъ въ 5 пунктѣ Высочайше утвержденнаго 16 марта 1870 года мнѣнія государственнаго совѣта основаніяхъ, предоставить Святѣйшему Суноду дѣлать измѣненія въ окладахъ священно и церковнослужителей западныхъ епархій соотвѣтственно той суммѣ, какая изъ упомянутаго сбора будетъ причитаться въ пользу православнаго духовенства. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, на журналѣ присутствія 6/18 іюня 1870 года. Высочайше соизволилъ написать собственноручно „*исполнить*“.

Освященіе трехъ церквей.

На дняхъ въ нашемъ уѣздѣ произошло событіе, которое должно обратить на себя вниманіе всѣхъ сочувствующихъ успѣхамъ православія въ западномъ краѣ, а потому спѣшимъ сообщить о немъ.

1-го, 2-го и 3-го октября совершилось освященіе трехъ вновь воздвигнутыхъ православныхъ храмовъ: въ мѣстечкахъ Молодечнѣ, Лебедевѣ и Куренцѣ.

Въ концѣ сентября у насъ пронесся слухъ, что освященіе только-что оконченныхъ храмовъ совершитъ преосвященный Іосифъ, епископъ Ковенскій, и что при этомъ будутъ присутствовать г. начальникъ края, попечитель учебнаго округа, губернаторъ и другіе сановники. И дѣйствительно, 30-го сентября, въ Молодечно прибылъ преосвященный, а за нимъ и г. начальникъ губерніи, объявившій, что г. начальнику края и попечителю округа помѣшали прибыть въ Молодечно непредвидѣнныя препятствія, но что первый изъ нихъ все таки будетъ къ освященію церкви въ Лебедевѣ. Само собою разумѣется, что мѣстныя власти, мировые посредники уѣзда, и волостные старшины, собрались въ Молодечно еще до прибытія высокихъ гостей.

Въ шесть часовъ вечера преосвященный прибылъ въ новую церковь и отслужилъ въ ней всенощную, при стройномъ пѣніи воспитанниковъ мѣстной учительской семинаріи, въ присутствіи начальника губерніи и многихъ уѣздныхъ чиновъ, при огромномъ стеченіи народа, едва ли не впервые присутствовавшаго при столь торжественно совершавшейся всенощной. На другой день, 1-го октября, состоялось и самое освященіе новаго храма, во имя покрова Пресвятой Богородицы. Бывшая передъ тѣмъ дурная погода измѣнилась еще наканунѣ вечеромъ, и въ самый день праздника солнце ярко свѣтило и придавало праздничный колоритъ всей церемоніи. По совершеніи обряда освященія, передъ литургіею, всѣ вышли изъ церкви и заняли мѣста для крестнаго хода въ домовую церковь учительской семинаріи за св. мощами; этимъ моментомъ воспользовался выписанный изъ Вильны фотографъ, довольно удачно снявшій, какъ этотъ ходъ, такъ и подобные же крестные ходы въ Лебедевѣ и Куренцѣ. Самое шествіе, озаряемое яркими лучами солнца, представляло картину, полную торжественности и умиленія: впереди двигались хоругви и несли образа; за ними стройно шли сопровождаемые своими наставниками 90 семинаристовъ, всѣ въ красныхъ, вышитныхъ рубашкахъ; далѣе шествовало духовенство въ праздничныхъ облаченіяхъ, преосвященный, все чиновное начальство въ парадной формѣ и, наконецъ, тянулись во всю ширину улицы толпы народа въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ. По возвращеніи шествія обратно, преосвященнымъ совершена была божественная литургія, среди которой прихожанамъ храма представился небывалый для нихъ случай видѣть чинъ посвященія во діакона. Во время причастна, законоучителемъ семинаріи произнесено соотвѣтствующее случаю слово, на текстъ: *„Велія будетъ слава храма сего, послѣдняго паче первыя,“* а по окончаніи литургіи, передъ молебномъ въ честь праздника самъ преосвященный обратился къ прихожанамъ съ глубоко прочувствованными словами, въ которыхъ указалъ на заботливость о нихъ Государя Императора, отъ щедротъ Коего возникла вновь освященная церковь и, напомнивъ о приношеніяхъ, поступившихъ уже въ эту церковь изъ внутреннихъ губерній, выразилъ искреннее желаніе, чтобы всѣ вѣрноподданные обширнаго русскаго царства блюли между собою полное единеніе.

По выходѣ народа изъ церкви на площадь, председатель мѣстнаго церковно-строительнаго комитета, предводитель дворянства вилейскаго уѣзда, г. Снитко, предложилъ собравшемуся народу угощеніе, на которомъ преосвященный и губернаторъ провозгласили заздравный тостъ за Государя и весь Августѣйшій Домъ, тостъ, встрѣченный тысяче-устнымъ „ура" и сопровождаемый народнымъ гимномъ, пропѣтымъ воспитанниками семинаріи. Для почетнѣйшихъ же духовныхъ и свѣтскихъ лицъ тѣмъ же г, Снитко данъ былъ обильный и роскошный обѣдъ въ зданіи семинаріи.

Въ тотъ же вечеръ, въ Лебедевѣ, отстоящемъ отъ Молодечна на 10 верстъ, мѣстный благочинный съ окрестнымъ духовенствомъ служилъ всенощную въ новой церкви при значительномъ стеченіи народа, собравшагося къ торжеству ея освященія. Это освященіе и совершилось на другой день, 2-го октября, во имя Св. Живоносной Троицы; но въ этотъ разъ погода не благопріятсвовала празднеству,—весь день шелъ холодный осеній дождь. Не смоpя на то, на торжествѣ, кромѣ лицъ, бывшихъ въ Молодечнѣ, присутствовалъ уже самъ г. главный начальникъ края, прибывшій для этого въ Лебедево въ ночь на 2 число. Крестный ходъ за св. мощами совершенъ былъ въ находящуюся тутъ же старую деревянную церковь, и тутъ-то при сравненіи ея съ новымъ обширнымъ каменнымъ храмомъ, особенно рельефно выступали бѣдность и ветхость первой и красота и величіе послѣдняго. Во время литургіи вновь поставленный въ Молодечнѣ діаконъ возведенъ былъ въ санъ священника, и однимъ изъ мѣстныхъ священниковъ произнесено приличное случаю слово. Отъ нашего же архипастыря мы опять услышали живую рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, убѣждалъ слушателей твердо блюсти спасительную прародительскую вѣру. По окончаніи служенія въ церкви, всѣ присутствовавшіе оправились въ новое въ тотъ-же день освященное, красивое и обширное зданіе волостнаго правленія, на дворѣ котораго устроенъ былъ народный праздникъ, подобный Молодечненскому. Къ сожалѣнію, праздникъ этотъ не могъ вполнѣ удаться, по причинѣ холодной и ненастной погоды и грязи.

Между тѣмъ г. начальникъ края спѣшилъ по дорогѣ въ Куренецъ, въ Молодечно, въ которомъ онъ хотѣлъ засвѣтло осмотрѣть новую церковь и учительскую семинарію.

Прибывъ въ это мѣстечко, онъ прямо подъѣхалъ къ освященной наканунѣ церкви, гдѣ, по его желанію, отслуженъ былъ молебенъ празднику, и затѣмъ отправился въ семинарію, осмотръ которой началъ съ домовой церкви и окончилъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ изъ ученическихъ квартиръ и народнаго училища, при чемъ ему угодно было выразить директору семинаріи благодарность за найденные порядокъ и чистоту. Отсюда онъ посѣтилъ волостное правленіе становую квартиру, и только по осмотрѣ ихъ занялъ помѣщеніе въ зданіи семинаріи. Въ наступившій затѣмъ вечеръ состоялся второй обѣдъ у предводителя дворянства Снитко, удостоенный присутствіемъ г. начальника края, губернаторовъ Виленскаго и Минскаго, вызваннаго въ Молодечну г. начальникомъ края для совмѣстнаго обсужденія нѣкоторыхъ дѣлъ по губерніи. За этимъ обѣдомъ г. генералъ-губернаторъ провозгласилъ обычный тостъ за здоровье Государя и всего царствующаго Дома, тостъ, принятый, какъ и всегда, единнодушнымъ восторгомъ. Преосвященный же обратился къ г. начальнику края съ выраженіемъ признательности отъ лица церкви за то, что онъ, не смотря на свои многообразныя и важныя занятія, принялъ на себя трудъ лично участвовать въ торжествѣ освященія церквей. Обѣдъ заключенъ былъ тостомъ за здоровье радушнаго хозяина, г., Снитко, и строителей новоосвященныхъ церквей. Тотчасъ послѣ обѣда, преосвященный Іосифъ, не смотря на усилившійся вѣтеръ и предстоявшую ночную переправу на паромѣ черезъ Вилію, отправился въ Куренецъ, г. начальникъ же края остался въ Молодечнѣ до пятаго часа утра слѣдующаго дня.

3-го октября освящена была церковь и въ Куренцѣ, въ честь рождества Пресвятой Богородицы. Отступленій отъ принятой програмы не было, и разница съ предъидущими двумя днями состояла въ томъ, что въ промышленномъ и торговомъ мѣстечкѣ этомъ было болѣе народа, чѣмъ въ Молодечнѣ и Лебедевѣ, и что совершенно ясная погода дала возможность фотографу лучше снять видъ церкви и крестнаго хода. Народное угощеніе и сдѣсь не было забыто и удалось лучше чѣмъ въ Лебедевѣ.

По окончаніи торжества, всѣ возвратились на ночлегъ въ Вилейску, гдѣ того же 3-го числа, вечеромъ, состоялось, въ

присутствіи г. начальника губерніи, засѣданіе мироваго съѣзда. Въ воскресенье, 4-го числа, преосвященный, не смотря на понесенные имъ труды по священнодѣйствію и отъ переѣздовъ по осенней грязи въ бурную ночь, соизволилъ отслужить литургію въ городской церкви. Мѣстный священникъ встрѣтилъ его привѣтствіемъ, выразивъ при этомъ признательность отъ лица прихожанъ за то, что его преосвященство доставилъ имъ столь рѣдкій случай присутствовать при архіерейскомъ богослуженіи. Передъ обѣдней представлялись г. начальнику края всѣ уѣздныя власти, и въ тотъ же день имъ осмотрѣны были обѣ церкви, всѣ городскія присутственныя мѣста, заведенія и училища, между прочимъ недоконченный костелъ, который предположено обратить въ православный храмъ. Относительно костела добавимъ, что онъ начатъ постройкою передъ самымъ мятежемъ и не оконченъ; назначался же онъ лишь для мѣстныхъ чиновниковъ и для утвержденія католичества въ этой мѣстности, гдѣ до того времени не было костеловъ, такъ какъ горожане и все окрестное сельское населеніе искони православной вѣры.

Въ этотъ же день дорогіе гости наши отправились въ Вильну, и наша жизнв вошла въ обычную свою колею.

Описанныя выше церковныя празднества, со всею ихъ торжественною обстановкою, имѣли благотворное вліяніе на народъ. Уже сами по себѣ они производятъ сильное впечатлѣніе на массу народа, къ нимъ не привыкшаго, присутствіе же при нихъ представителей высшей духовной и свѣтской власти только усиливало это впечатлѣніе и возвышало значеніе православія, еще такъ не давноиспытывавшаго разныя невзгоды. Съ другой стороны, слова и поученія преосвященнаго Іосифа, слова вразумительныя, безъискуственныя и вылетавшія прямо изъ души, также производили свое дѣйствіе и могутъ служить отличнымъ образцемъ поученій для нашихъ сельскихъ проповѣдниковъ. Особенно сильное впчатлѣніе произвело поученіе, преподанное преосвященнымъ въ Вилейской церкви, и начинавшееся словами: „Не дерзаю сказать вамъ словами Пастыряначальника и Спасителя нашего: *„миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ“*;— но дерзаю вѣщать вамъ словами апостола Павла: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте; миръ Божій да вселяется въ васъ богатно“*.

По поводу этой темы архипастырь преподалъ слушателямъ весьма назидательныя правила о стяжаніи этого мира.

Не осталось безслѣднымъ въ средѣ народа и то обстоятельство, что во всѣ эти дни обязанности пѣвчихъ, съ полнымъ успѣхомъ, исполняемы были исключително воспитанниками молодечненской учительской семинаріи, по своему происхожденію— крестьянами и толко частью мѣщанами. Торжественное, стройное и вразумительное пѣніе молодечненцевъ вызывало въ толпѣ лестные о нихъ отзывы и чувства признательности къ Государю и правительству за данное имъ образованіе.

8-ое октября 1870 г. (Виден. Вѣстн.)
Молодечно.

Открытіе въ г. Вильнѣ высшаго шестиклассного училища съ пансіономъ.

Для удовлетворенія давно уже сознававшейся въ Сѣверо-западномъ краѣ потребности въ учрежденіи такого высшаго женскаго училища, въ которомъ дѣвицы могли бы не только получать правильное и основательное образованіе, но и имѣя—тѣ изъ нихъ, которыя пожелаютъ,—въ стѣнахъ самаго заведенія помѣщеніе, воспитываться подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ лицъ благомыслящихъ и просвѣщенныхъ, согласно Высочайше утвержденному, въ 15 день сентября 1869 года, мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣно основать въ Вильнѣ *высшее женское шестиклассное училище, съ пансіономъ*.

Высшее шестиклассное женское училище съ пансіономъ, состоя въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, подъ главнымъ управленіемъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, находится въ ближайшемъ завѣдываніи директора 1-ой Виленской классической гимназіи.

Училище состоитъ изъ шести классовъ съ годичнымъ курсомъ. Къ посѣщенію уроковъ училища допускаются дѣвицы всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій. Въ пансіонъ же принимаются лица христіанскихъ исповѣданій.

Желающіе помѣстить дѣтей въ училище подаютъ прошеніе на имя директора, съ приложеніемъ документовъ: а) метрике-

скаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, б) о званіи и в) о привитіи оспы. Тѣ же документы требуются отъ дѣвицы и при поступленіи ея въ пансіонъ. Кромѣ того, иногородныя лица, представляющія дѣвицъ въ пансіонъ, должны приложить письменное обязательство живущаго въ Вильнѣ лица, что оно, въ случаѣ выбытія воспитанницы изъ пансіона, приметъ ее къ себѣ въ домъ; въ случаѣ же неимѣнія такого лица въ Вильнѣ, сами родители, родственники или опекуны даютъ начальству заведенія подписку въ томъ, что воспитанница, въ случаѣ выхода изъ заведенія, немедленно будетъ взята ими обратно.

Годичная плата за ученіе въ высшемъ женскомъ училищѣ полагается въ 25 руб.; тѣже изъ ученицъ, которыя пожелаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступить въ пансіонъ, платятъ 200 руб. въ годъ, включая сюда и плату за ученье. Сверхъ этого, каждою воспитанницею, при поступленіи ея въ пансіонъ, вносится единовременно 30 руб. сер., на первоначальное обзаведеніе. Во время пребыванія своего въ пансіонѣ, воспитанницы пользуются помѣщеніемъ, столомъ и учебными пособіями. Бѣлье же, обувь и платье пансіонерки должны имѣть собственное. Какъ приходящія ученицы, такъ и пансіонерки, носятъ однообразное платье по установленной формѣ. Плата за ученье, равно какъ и за содержаніе въ пансіонѣ, должна быть вносима въ началѣ полугодія впередъ.

Въ учебномъ курсѣ Виленскаго высшаго женскаго училища обязательны слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій; 2) русскій языкъ (грамматика и знакомство съ важнѣйшими произведеніями словесности) и ознакомленіе съ славянскимъ языкомъ; 3) французскій языкъ, 5) ариѳметика, съ приложеніемъ къ счетоводству, и основанія геометріи; 6) географія всеобщая и русская; 7) исторія всеобщая и русская; 8) главнѣйшія понятія изъ естественной исторіи и физики съ присовокупленіемъ свѣдѣній, относящихся къ домашнему хозяйству и гигіенѣ; 9) педагогика 10) рукодѣлія; 12) пѣніе; 13) гимнастика и танцованіе.

Къ необязательнымъ предметамъ относятся англійскій языкъ и музыка. Уроками послѣдней воспитанницы пользуются за особую плату.

Въ октябрѣ нынѣшняго года послѣдуетъ открытіе первыхъ четырехъ классовъ училища уже въ новомъ его помѣщеніи, въ

зданіи бывшаго дворянскаго института, что на Благовѣщенской улицѣ; тогда же начнется пріемъ воспитанницъ, какъ въ училище, такъ и въ пансіонъ. Вступленіе ученицы въ тотъ или другой классъ училища обусловливается сдачей экзамена по программѣ женскихъ гимназій.

Доводя о семъ до свѣдѣнія общества, считаю нужнымъ присовокупить, что желающіе опредѣлить своихъ дочерей и родственницъ въ вышеозначенное заведеніе благоволятъ обращаться къ директору 1-й Виленской классической гимназіи.

Завѣдующій Виленскимъ высшимъ шестиклассныхъ женскимъ училищемъ съ пансіономъ, директоръ 1 ой гимназіи *А. Зессель*.

18-го Октября въ Вильнѣ происходило открытіе женскаго шестикласснаго съ пансіономъ училища въ новомъ помѣщеніи, приспособленномъ для него въ зданіи бывшаго мужскаго дворянскаго института.

Къ часу по полудни собралась весьма многочисленная публика, едва помѣщавшаяся въ одной изъ залъ новаго училища. Въ числѣ посѣтителей были г. виленскій губернаторъ и всѣ начальники отдѣльныхъ частей военнаго, гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ. Вскорѣ за тѣмъ прибыли г. главный начальникъ края и преосвященный Іосифъ, епископъ ковенскій, викарій Литовскій, при чемъ хоръ пѣвчихъ, составленный изъ воспитанниковъ 2-й виленской гимназіи, пропѣлъ молитву: „Днесь благодать Св. Духа“.

Г. попечитель виленскаго учебнаго округа, Н. А. Сергіевскій, открылъ актъ рѣчью, въ которой вкратцѣ изложилъ причины, вызвавшія учрежденіе училища, исторію его образованія и степень его готовности въ настоящую минуту.

Вотъ эта рѣчь:

„Нынѣшнему дню выпала счастливая доля быть днемъ исполненія Высочайшей воли Государя Императора, Всемилостивѣйше соизволившаго на учрежденіе въ Вильнѣ высшаго женскаго училища съ пансіономъ.

Въ послѣдніе годы жизнь этого края настоятельно искала подобнаго училища. Она указывала на множество семей, живущихъ въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ хотя и мож-

но имѣть средства для женскаго образованія, но только самого начальнаго; она осязательно давала видѣть всю невозможность для многихъ посылать дочерей въ губернскіе города края, гдѣ хотя и есть училища съ законченнымъ курсомъ женскаго образованія, но преимущественно безъ пансіоновъ, въ которыхъ могли бы жить ученицы, неимѣющія роднаго крова въ тѣхъ городахъ. Даже въ Вильнѣ не было подобнаго училища.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года представлены были министерству народнаго просвѣщенія соображенія о необходимости открыть въ нашемъ городѣ высшее женское учебно-воспитальное заведеніе, и для этого преобразовать существовавшее въ Вильнѣ двуклассное русское женское училище въ 6-ти-классное, съ учрежденіемъ при немъ пансіона, не возбраняя, впрочемъ, училищу имѣть и приходящихъ ученицъ, такъ какъ, при многочисленномъ и постоянно возрастающемъ населеніи нашего города, въ немъ женскихъ учебнымъ заведеній сравнительно мало.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ со времени представленія, какъ, 15-го сентября того же 1869 года, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта. Милостивою волею Всемилостивѣйшаго Монарха даны были средства на это заведеніе, въ размѣрѣ 11 т. руб. ежегодно, и опредѣленъ порядокъ постепеннаго открытія его.

Тогда же открыты были въ наемной квартирѣ три класса, но пока безъ пансіона, за неимѣніемъ помѣщенія. Между тѣмъ шли дальнѣйшія распоряженія:

въ *декабрѣ* минувшаго года рѣшено было назначить для заведенія зданіе бывшаго дворянскаго мужскаго института;

въ *февралѣ* нынѣшняго года назначена была коммисія для составленія подробныхъ для заведенія правилъ, которыя, по обсужденіи въ состоящемъ при мнѣ совѣтѣ, представлены были министерству.

въ *мартѣ* составлена была смѣта на исправленія всѣхъ ветхостей въ упомянутомъ зданіи и на приспособленіе его къ цѣли заведенія;

въ началѣ *апрѣля* смѣта эта, по утвержденіи ея здѣсь установленнымъ порядкомъ, представлена была министерству, съ ходатайствомъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 10,600 руб, на смѣтныя работы.

въ концѣ *Іюля* послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ отпускѣ этихъ денегъ;

съ 10-тыхъ чиселъ *августа*, по утвержденіи министерствомъ торговъ на перестройку, приступлено было къ работамъ;

въ *сентябрѣ* утверждены министерствомъ: инструкція для управленія заведеніемъ, таблица уроковъ и распредѣленіе по статьямъ суммы, ассигнованной на заведеніе.

Между тѣмъ постепенно избраны и назначены лица для обученія и воспитанія; образованъ педагогическій совѣтъ, начавшій уже свои засѣданія; наконецъ, отдѣлано и обширное трехъ-этажное зданіе съ помѣщеніями для классовъ, дортуаровъ, залъ: рукодѣльной, музыкальной и для танцевъ, столовой, больницы, квартиръ главной надзирательницы, воспитательницъ, эконома и т. д. Не устроенъ только еще православный храмъ при заведеніи, который будетъ готовъ къ предстоящей веснѣ, и не окончена большая зала, которая въ непродолжительномъ времени будетъ отдѣлана.

Такимъ образомъ, новое училище готово вступить въ жизнь и начать свою дѣятельность.

Вслѣдствіе сего и во исполненіе Высочайшаго повелѣнія 15-го сентября 1869 г., имѣю честь объявить виленское высшее женское училище и пансіонъ при немъ открытыми, въ составѣ 4 классовъ; 5-й классъ, согласно тому же Высочайшему повелѣнію, откроется въ будущемъ 1871 г., а 6-й—въ 1872 году".

Затѣмъ г. директоръ виленской 1-й гимназіи прочелъ извлеченіе изъ инструкціи для управленія новооткрытымъ училищемъ и, поименовавъ членовъ педагогическаго состава училища и воспитательницъ, заключилъ слѣдующими словами:

„Мм. гг.! Я имѣлъ честь представить благосклонному вниманію вашему извлеченіе изъ инструкціи для управленія высшимъ женскимъ училищемъ съ пансіономъ—объявленнымъ сегодня открытымъ—и поименовать членовъ педагогическаго состава, которому, подъ заботливымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ его превосходительства г. попечителя учебнаго округа, ввѣряется въ немъ воспитаніе дочерей здѣшняго общества. Но теперь естественно раждается вопросъ: какая же будетъ задача нашего воспитанія? Прошу вашего, мм. гг., снисхожденія отвѣ-

ать на этотъ вопросъ нѣсколькими словами. Начало всякой премудрости есть страхъ Божій. Исходя изъ этого начала — задача наша будетъ состоять въ томъ, чтобы укрѣпить въ дѣтяхъ чувство правды и добра; развить въ нихъ любовь къ Царю и отечеству; указать святость ихъ будущихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей; образовать благородныхъ, разумныхъ женщинъ, дать имъ серьезное направленіе.

Мы сознаемъ важность лежащихъ на насъ обязанностей, понимаемъ трудности выполненія своей задачи. Будемъ трудиться по мѣрѣ силъ, по крайнему разумѣнію и доброй совѣсти; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы ожидаемъ сочувствія и содѣйствія общества добрымъ домашнимъ подготовленіемъ дѣтей".

Послѣ того г. попечитель, Н. А. Сергіевскій, снова взошелъ на каѳедру и сказалъ:

„Съ открытіемъ сегодня новаго разсадника женскаго воспитанія и образованія, закончивается весьма важный трудъ по отношенію къ открытому заведенію, это—трудъ предначертаній. На мѣсто его выступаетъ другой—трудъ исполненія. Отнынѣ этотъ трудъ,—продолжалъ г. попечитель, обратившись къ педагогическому составу новаго училища,—принадлежитъ вамъ, руководящіе, воспитывающіе и учащіе. Съ полною надеждою вручаю вамъ этотъ не легкій трудъ, зная, что вы готовы безраздѣльно принести ваши знанія и всѣ ваши силы на дѣйствительное благо тѣхъ, которыхъ передастъ вамъ материнская любовь, ожидающая отъ васъ добраго дочерямъ наученія и умственнаго, и христіански-нравственнаго. Съ молитвою на устахъ, съ горячимъ желаніемъ въ сердцѣ желаю вамъ достигать всецѣлаго успѣха въ предстоящемъ святомъ дѣлѣ женскаго воспитанія, которое такъ много имѣетъ жизненнаго значенія, особенно здѣсь".

Г. попечитель окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами, обращенными къ публикѣ: „Увѣренъ, что и ваше высокопревосходительство и вы, милостивые государыни и государи, удостоившіе почтить нынѣшній актъ вашимъ присутствіемъ, не откажете напутствовать ихъ всѣми добрыми вашими желаніями".

„Объединяясь въ этихъ желаніяхъ, не ими однакожъ одними исполнены мы сегодня. Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отъ начала и до конца, преисполнены чувствомъ глубокимъ,

безпредѣльнымъ, это чувствомъ вѣрноподданнической благодарности къ Тому, чей Царственный ликъ имѣемъ счастіе здѣсь видѣть. Велика милость Монарха. даровавшаго новыя средства для женскаго воспитанія: Боже, храни Царя“!

Въ эту минуту хоръ воспитанниковъ 2-й гимназіи пропѣлъ нашъ народный гимнъ. Актъ закончился краткимъ поученіемъ преосвященнѣйшаго Іосифа, сказаннымъ съ тою глубокою задушевностью и обычнымъ краснорѣчіемъ, какимъ всегда отличаются слова владыки, а послѣ того г. попечетель округа показывалъ г. главному начальнику края, преосвященному и всему многочисленному обществу, собравшемуся въ училищѣ, все обширное помѣщеніе новаго училища.

— Вчера мы присутствовали при открытіи высшаго женскаго шестиклассного училища; глубокое впечатлѣніе, которое мы вынесли изъ стѣнъ будущаго разсадника просвѣщенія, побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о значеніи этого училища на основаніи воспоминаній и объяснить нѣсколько цѣли и средства его, на основаніи данныхъ, какія намъ удалось получить.

Если вообще въ Россіи открытіе какого-либо учебнаго заведенія составляетъ важное умственное пріобрѣтеніе для той или другой ея мѣстности, то здѣсь, въ Россіи С.-западной основаніе училища въ родѣ упомянутаго должно имѣть еще большее значеніе. Не смотря на существованіе въ Сѣверо.-западныхъ губерніяхъ нѣсколькихъ женскихъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи, учрежденіе новаго женскаго училища съ пансіономъ представляется совершенною необходимостью с точки существенныхъ интересовъ мѣстнаго общества и самаго правительства.

Нельзя не замѣтить, что здѣсь вообще каждое заведеніе — будетъ ли то высшее или низшее, мужское или женское — является во всеоружіи своей дѣйственной силы: оно не только даетъ знанія, пригодныя для того или другаго состоянія, но въ политическомъ отношеніи направляетъ умы воспитывающейся молодежи въ сторону, сообразную съ истинными интересами края и всей Россіи. Въ этихъ видахъ правительство дѣйствуетъ здѣсь съ замѣчательною энергіей, особенно въ послѣдніе годы

оно не щадитъ средствъ для поднятія умственнаго уровня и для политическаго отрезвленія здѣшняго населенія самымъ раціональнымъ путемъ—путемъ образованія. По крайней мѣрѣ, можно смѣло сказать, что относительно мужской части населенія ни въ одной части Россіи (за исключеніемъ развѣ Дерптскаго и Варшавскаго округовъ) правительство не дѣлаетъ такихъ затратъ и не употребляетъ такихъ усилій для народнаго просвѣщенія, какъ въ С.-западномъ краѣ.

Женское образованіе также составляетъ въ здѣшнемъ округѣ предметъ серьезной заботливости правительства. Оно, вполнѣ понимая, сколь великое значеніе въ семьѣ и обществѣ имѣетъ вліяніе женщины, и какъ важно, для блага и спокойствія Россіи, поставить здѣшнюю женщину въ условія, благопріятныя истинному прогрессу, и, при посредствѣ правильнаго образованія, устранить вредныя вліянія отъ будущихъ матерей семейства и наставницъ подростающаго поколѣнія,—всѣми мѣрами заботится о томъ, чтобы дать здѣсь надлежащую ширь женскому образованію, какъ могучему рычагу для подъема уровня семейной, общественной и политической нравственности и для возвышенія тѣхъ здоровыхъ женскихъ силъ, которыя, въ очерченномъ для нихъ самою жизнію кругѣ, могли бы сознательно работать въ пользу здѣшняго края и всей Россіи.

Въ ясномъ сознаніи необходимости этого дѣла, начиная съ 1864 года и доселѣ, оно продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, увеличивая число женскихъ учебныхъ заведеній и организуя разумный контроль надъ ними. Чтобы яснѣе опредѣлить эту дѣятельность, припомнимъ вкратцѣ, въ какомъ состояніи находилось женское образованіе лѣтъ за семь до настоящаго времени и что для него сдѣлано съ той поры. Вотъ, что говорятъ, напримѣръ, офиціальныя свѣдѣнія за 1863-й годъ относительно женскихъ училищъ во всѣхъ тогдашнихъ губерніяхъ округа: „женскихъ учебныхъ заведеній къ 1-му января 1864-го года въ округѣ состояло только двѣ казенныя для первоначальнаго обученія школы: одна въ Вильнѣ, а другая въ г. Минскѣ; частныхъ пансіоновъ числилось 19; изъ нихъ четырехклассныхъ 12, двухклассныхъ 6 и одноклассный 1. Состояніе сихъ пансіоновъ неудовлетворительно. Содержательницы ихъ и гувернантки-преподавательницы знаютъ плохо русскій

языкъ и совершенно лишены педагогическаго образованія; господствующее въ этихъ училищахъ направленіе не соотвѣтствуетъ видамъ правительства". Какъ ни печально было такое состояніе этихъ училищъ, но еще прискорбнѣе было въ нихъ то обстоятельство, что большинство содержательницъ и наставницъ въ нихъ, заботясь только о потворствѣ антинаціональнымъ страстямъ нѣкоторыхъ членовъ здѣшняго общества, совершенно упускали изъ виду свою главную задачу—разумное обученіе и наученіе дѣтей. Слѣдствіемъ этого, по ревизіямъ, оказывалось замѣчательное невѣжество и самихъ воспитательницъ и питомицъ во многихъ вышеупомянутыхъ пансіонахъ. Таковы были, какъ по качеству, такъ и по количеству женскія учебныя заведенія въ вышеозначенное время,—заведенія, въ которыхъ воспитывались дѣвочки высшаго и средняго сословій. Что же касается до женскихъ училищъ для простаго народа, то о существованіи ихъ въ данную пору [т. е. до 1863 года] почти не могло быть и серьезной рѣчи. При этомъ нельзя не замѣтить, что относительно женскаго образованія учебное вѣдомство до упомянутаго года держалось въ с.-западномъ краѣ не той системы, какая принята была имъ по отношенію къ образованію мальчиковъ. Для этихъ послѣднихъ были учреждены правительственныя училища, и открытіе частныхъ школъ воспрещено; учрежденіе же женскихъ учебныхъ заведеній ввѣрено было преимущественно частнымъ лицамъ. Между тѣмъ, для правительства было дѣломъ безотлагательной важности сосредоточить для блага края образованіе женскаго поколѣнія въ своихъ рукахъ или, по крайней мѣрѣ, подчинить его своему строгому и правильно организованному контролю, особенно въ виду того сильнаго вліянія, которое, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ здѣсь женщина въ частной и общественной жизни. Къ тому же учрежденіе правительственныхъ училищъ необходимо было для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ и желаніямъ русскихъ семействъ, которыя, по многимъ важнымъ причинамъ, затруднялись отдавать своихъ дочерей въ здѣшніе частные пансіоны того времени. Вслѣдствіе этого, необходимо было съ одной стороны мало по малу закрыть тѣ частные пансіоны, которые не представляли гарантій своей благоуспѣшности и благонадежности; а съ другой стороны, въ тоже время, было признано необходимымъ «у-

троить новые пансіоны и первоначальныя училища по городамъ, съ начальницами русскаго происхожденія во главѣ и съ назначеніемъ имъ пособій отъ казны». Тогда же, съ организаціей народныхъ училищъ разныхъ наименованій, начали открываться женскія отдѣленія и смѣны по деревнямъ и мѣстечкамъ и такія же смѣны въ городахъ, при приходскихъ училищахъ.

Не касаясь подробно дальнѣйшаго хода дѣлъ по женскому образованію, укажемъ только на ближайшіе результаты его въ цифрахъ. Такъ въ концѣ 1867 г., по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, вообще въ с.-западныхъ губерніяхъ состояло частныхъ женскихъ училищъ, вѣдомства м. н. просвѣщенія, отчасти съ субсидіей отъ казны:

На степени гимназій и прогимназій. . . .	6.
» уѣздныхъ училищъ.	8.
» приходскихъ. . , ...	16.
Сверхъ этого, на счетъ казны, при уѣздныхъ училищахъ женскихъ смѣнъ.	39.

Наконецъ въ приходскихъ и народныхъ училищахъ въ томъ же году числилось уже 7218 учащихся дѣвочекъ.

Если сравнить эти данныя по части женскаго образованія съ данными 1863 года, то разница окажется значительная.

Но заботы о дальнѣйшемъ практическомъ развитіи этого вопроса не ограничивались выше указанными мѣрами. Въ 1868 году стало являться убѣжденіе, что въ районѣ с.-западныхъ губерній, несмотря на существованіе вышеупомянутыхъ женскихъ заведеній, не смотря на присутствіе въ губернскихъ городахъ женскихъ гимназій, потребность въ высшемъ женскомъ образованіи все таки стоитъ выше дѣйствительнаго предложенія.

Собственно говоря, мы не знакомы съ соображеніями, которыми мотивировано было представленіе въ министерство объ основаніи высшаго женскаго училища: но по нашему мнѣнію, необходимость его могла быть вызвана слѣдующими полновѣсными данными:

1) Почти всѣ вышеупомянутыя женскія учебныя заведенія м. н. просвѣщенія принадлежатъ къ разряду низшихъ, и потому не въ состояніи удовлетворить запросу тѣхъ родителей, которые хотѣли бы дать дочерямъ болѣе серьезное и основательное образованіе; 2] хотя эти пансіоны и училища нынѣ на-

ходятся въ рукахъ благонадежныхъ содержательницъ и наставницъ, и контролируются учебнымъ начальствомъ, но все таки они не могутъ представить той устойчивости, какая сообщается заведеніямъ, содержимымъ самимъ правительствомъ. Въ этомъ отношеніи общество питаетъ болѣе довѣрія къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ, тѣмъ болѣе, что частная инниціатива въ дѣлѣ воспитанія у насъ въ Россіи явленіе довольно новое, къ которому еще многіе не привыкли. При томъ же естественное иногда въ частныхъ училищахъ подчиненіе учебно-воспитательной части экономическимъ соображеніямъ содержательницъ этихъ училищъ совершенно чуждо заведеніямъ, устрояемымъ правительствомъ, которое, при ихъ учрежденіи, руководится только интересами просвѣщенія, а не экономическими видами; 3] хотя въ Вильнѣ и существуетъ женская гимназія вѣдомства Императрицы Маріи, но съ одной стороны число родителей, желающихъ дать дочерямъ высшее образованіе, увеличивается здѣсь съ каждымъ годомъ, а съ другой стороны—и это главное—гимназія не имѣетъ пансіона, въ которомъ ученицы, по желанію, могли бы найти помѣщеніе и благонадежный надзоръ за собою въ стѣнахъ заведенія. Едва ли кто отвергнетъ, что воспитаніе дѣвицъ труднѣе воспитанія мальчиковъ, что надзоръ и уходъ за первыми долженъ быть несравненно осмотрительнѣе и въ тоже время усиленнѣе, чѣмъ за послѣдними,—и потому иногородные родители, при отдачѣ мальчиковъ въ гимназію, спокойно оставляющіе ихъ на квартирахъ родственниковъ, или лицъ, рекомендуемыхъ начальствомъ, едва ли въ состояніи съ тою же готовностью согласиться на помѣщеніе своихъ дочерей на подобныя квартиры. Въ самомъ дѣлѣ, какая мать, какой отецъ безбоязненно—не говоримъ охотно—ввѣритъ своего ребенка-дѣвочку уходу и надзору какой-нибудь случайной содержательницы квартиры? Въ этомъ отношеніи можно съ большою вѣроятностію утверждать, что женскія гимназіи, устроенныя въ губернскихъ городахъ, существуютъ преимущественно, если не исключительно, для жителей только однихъ этихъ городовъ. Такимъ образомъ, при существованіи упомянутыхъ гимназій, высшее образованіе остается закрытымъ для дочерей большинства служащихъ въ уѣздныхъ городахъ и ихъ уѣздахъ, а равно для весьма многихъ помѣщиковъ, проживающихъ внѣ губернскихъ городовъ—въ своихъ

помѣстьяхъ. Нельзя не замѣтить также, что здѣшніе помѣщики, между прочимъ и въ виду этой крайности, не рѣдко отдавали своихъ дочерей въ учебныя заведенія даже дерптскаго и варшавскаго округовъ. Вотъ и на нашъ взглядъ тѣ вѣскія основанія, которыя побудили искать разрѣшенія вышеупомянутыхъ неудобствъ путемъ основанія въ Вильнѣ высшаго женскаго учебнаго заведенія и пансіона при немъ.

Высшее шестиклассное женское училище вмѣстѣ съ пансіономъ помѣщается теперь въ прекрасномъ зданіи бывшаго дворянскаго института. Капитальныя перестройки этого зданія въ видахъ приспособленія его къ потребностямъ новаго заведенія, кажется, послужили причиною, почему открытіе классовъ училища и пріемъ въ пансіонъ были отложены въ нынѣшнемъ году до октября.

Высшее женское училище, какъ мы слышали на актѣ, есть заведеніе учебно-воспитательное; по своему курсу оно принадлежитъ къ перворазряднымъ женскимъ училищамъ. Цѣль учрежденія его состоитъ въ распространеніи правильнаго и основательнаго образованія въ краѣ. Задача же пансіона—доставить религіозно-нравственное и правильное физическое воспитаніе какъ мѣстнымъ, такъ въ особенности иногороднымъ дѣвицамъ. Какъ училище, такъ и пансіонъ подъ главнымъ управленіемъ попечителя виленскаго учебнаго округа, находятся въ ближайшемъ завѣдываніи директора 1-й виленской гимназіи. Училище состоитъ изъ шести классовъ съ годичнымъ курсомъ, но въ случаѣ надобности при немъ будетъ открытъ приготовительный классъ, который крайне необходимъ для правильнаго и систематическаго подготовленія дѣвочекъ къ слушанію гимназическаго курса. Посѣщать уроки училища предоставляется право дѣвицамъ всѣхъ сословій и исповѣданій, въ пансіонъ же будутъ приниматься дѣвицы только христіанскихъ исповѣданій. Предметы преподаванія въ училищѣ суть: законъ Божій, русскій языкъ и словесность, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика и элементарная геометрія, естествовѣдѣніе и физика, исторія всеобщая и русская, географія всеобщая и русская, педагогика, рисованіе и чистописаніе, пѣніе и музыка, танцы, рукодѣлье и гимнастика,—

Воспитанницы, поступившія въ пансіонъ, за умѣренную плату пользуются помѣщеніемъ, столомъ и учебными пособіями. Таковы нѣкоторыя изъ утвержденныхъ положеній инструкціи высшаго шестиклассваго женскаго училища, объявленныхъ на актѣ.

(Вил. Вѣст.).

Преосвященный Іероѳей, б. викарій волынскій.

Считаемъ священнымъ долгомъ личнаго благоговѣнія и признательности къ доблестному архипастырю сообщить читателямъ Вѣстника напечатанный въ одной, московской газетѣ нижеслѣдующій краткій и правдивый очеркъ пригодный для біографіи такой свѣтозарной и приснопамятной личности, каковъ преосвященный Іероѳей, бывшій епископъ острожскій, живущій теперь на покоѣ въ дермянскомъ монастырѣ.

«Преосвященный Іероѳей принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ и образованнѣйшихъ архипастырей въ русской церкви; ему около 90 лѣтъ, и онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ событій, совершившихся на Волыни въ послѣднее столѣтіе и сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи. Говорятъ, что преосвященный ведетъ записки, которыя современемъ составятъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшій историческій памятникъ. Преосвященный воспитывался въ старой кіевской академіи и владѣетъ широкимъ и всестороннимъ образованіемъ; особенно замѣтны въ немъ симпатіи къ естевеннымъ и медицинскимъ наукамъ, по которымъ въ его библіотелѣ имѣется много замѣчательныхъ сочиненій. Кабинетъ преосвященнаго наполненъ разными физическими аппаратами и инструментами; изъ кабинета былъ даже проведенъ телеграфъ на колокольню монастыря. Разсказываютъ, что преосвященный изобрѣлъ своеобразный барометръ и давно, еще до изобрѣтенія электромагнитнитныхъ телеграфовъ, приходилъ къ мысли объ устройствѣ ихъ. Преосвященный Іероѳей человѣкъ науки, и учеными работами занимался въ тиши своего кабинета, не щеголяя своею дѣятельностію, которая поэтому остается доселѣ неизвѣстною. Кромѣ

ученныхъ знаній. Преосвященный замѣчателенъ еще какъ лингвистъ. Кромѣ латинскаго языка, на которомъ онъ когда-то преподавалъ богословіе и, кажется, философію, преосвященный въ совершенствѣ знаетъ и новѣйшіе языки; въ кабинетѣ его вы встрѣтите газеты на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и даже итальянскомъ языкахъ. Къ преосвященному относится съ большимъ уваженіемъ все волынское общество, какъ православное, такъ и иновѣрцы».

(Совр. Лист.).

Пожертвованія на церкви сѣверо-западнаго края.

Благодаря искренно-благочестивому участію русскихъ людей, недавно учрежденное общество ревнителей православія и благотворительности въ сѣверо-западномъ краѣ, развивая все быстрѣе и обширнѣе свою дѣятельность, къ серединѣ текущаго года, стало дѣлать столь значительныя пожертвованія въ нуждающіяся церкви края, что оказалось необходимымъ устроить особое коммиссіонерство для закупки церковныхъ предметовъ. Обязанность коммиссіонера принялъ на себя московскій купецъ Николай Семеновичъ Мѣшковъ. Онъ закупаетъ всѣ вещи наилучшаго качества, по самымъ сходнымъ фабричнымъ цѣнамъ и, на свой счетъ, пересылаетъ ихъ въ виленскій *складъ* общества.

На дняхъ, намъ довелось видѣть этотъ складъ—учрежденіе, возникшее свое начало въ связи съ открытіемъ вышеупомянутаго коммиссіонерства. Несомнѣнно, что съ этимъ учрежденіемъ цѣли общества ревнителей православія и благотворительности будутъ осуществляться легче и удобнѣе: общество будетъ въ состояніи почти удвоить число предметовъ, жертвуемыхъ для нуждающихся церквей, имѣя возможность сохранять на необходимое время значительные запасы, заготовленные усердіемъ г. Мѣшкова.

Помѣщеніе для склада, основаннаго 26-го іюля, предоставлено обществу, съ разрѣшенія высокопреосвященнаго Мака-

рія, архіепископа литовскаго и виленскаго, въ митрополичьемъ домѣ, и находится подъ завѣдываніемъ эконома этого дома, о. іеродіакона Нила.

Въ обширной залѣ, занятой складомъ, установленной столами, шкафами, комодами, разложено, въ симметрическомъ порядкѣ, или уложено еще въ ящикахъ, множество вещей, какъ заготовленныхъ вышеупомянутымъ образомъ, такъ и пожертвованныхъ,—все это въ ожиданіи окончательнаго распредѣленія въ мѣста, гдѣ окажевся надобность. Такъ, въ настоящее время находятся тамъ богатыя приношенія, доставленныя предсѣдательницею московскаго комитета общества ревнителей православія и благотворительности, г-жою Чепелевскою, и извѣтно, что во время посѣщенія г. Вильны, Восударь Императоръ изволилъ осматривать церковныя вещи, пожертвованныя московскимъ комитетомъ общества ревнителей православія и благотворительности и которыя состояли въ полномъ почти собраніи всѣхъ необходимыхъ для церкви вещей, какъ-то: полное облаченіе священнику, діакону и причетнику, 21 аршинъ парчи на престолъ и жертвенникъ 25 арш. гасу, воздухи, кевчегъ, потиръ съ приборомъ, евангеліе большое, евангеліе малое, крестъ большой, крестъ малый, дароносица, мирница, кадило и кропило. Бещи эти выставлены были тогда въ одной изъ коматъ виленской станціи, и Государь Императоръ изволилъ милостиво благодарить московскій комитетъ, въ лицѣ г-жи Чепелевской. Въ ознаменованіе сего, Московскій комитетъ далъ обѣщаніе пожертвовать точно такое же собраніе церковныхъ вещей не на одну, а на *пять* церквей. Нынѣ общество исполнило данное обѣщаніе, и всѣ вещи, на суму не меньше 3000 руб., на пять церквей доставлены и находятся въ складѣ. Всѣ вещи совершенно одинаковы и превосходны по качеству, такъ что годились бы и для богатаго собора.

Кромѣ того, по значительности приношенія отъ одного лица, обращаетъ на себя вниманіе пожертвованіе извѣстнаго благотворителя, С.-Петербургскаго купца Ефима Савельевича Егорова (парчи и коленкору на 500 р., сверхъ пожертвованныхъ въ тоже время наличными деньгами 300 руб.)

Вещей же въ складѣ, еще не получившихъ мѣстнаго распредѣленія, находится, какъ намъ извѣтно, на 2,500 руб.

Мы увѣрены, что читатели наши, сочувствующіе высокимъ ѣлямъ общества ревнителей православія и благотворительности, орадуются приведеннымъ нами свѣдѣніямъ, указывающимъ на асширеніе благочестивой въ высшей степени полезной въ сѣверо-западномъ краѣ дѣятельности общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣшнее русское общество не можетъ не чувствовать глубокой ризнательности къ лицамъ, такъ великодушно и щедро жертвующимъ на общее благо.

(Виленск. Вѣстн.).

Опытъ введенія кирилицы въ латышскую письменность.

Православное. Петропавловское братство въ Ригѣ издало «русскую азбуку для латышей»; состав. И. Крауклисъ. Школьные практики пусть выскажутъ свой взглядъ на учебныя собственно достоинства книжки; мы же ограничимся указаніемъ только на одну весьма важную особенность новаго букваря. Во второй части его сдѣланъ опытъ примѣненія русскихъ буквъ къ звукамъ латышскаго языка и для чтенія по этому способу введены въ книжку пробныя статьи. Извѣстно, какую судьбу имѣла кирилловская азбука между славянами; пусть хорватскій Іонъ Раухъ грабитъ, по выраженію Милетича, эту народную святыню у хорватовъ,—пусть галицкіе поляки насильно выгоняютъ ее изъ русско-галицкихъ школъ и народныхъ книжекъ— но, въ концѣ концовъ, кириллица, въ видѣ нашей гражданской азбуки, несомнѣнно, вытѣснитъ латинскій алфавитъ изъ славянскихъ нарѣчій. Расширающееся употребленіе ея между западными славянами имѣетъ уже довольно залоговъ успѣха въ прошломъ; но примѣненіе кириллицы къ литовскимъ нарѣчіямъ есть дѣло болѣе новое и возникло уже въ текущемъ десятилѣтіи, на нашихъ глазахъ. До польскаго мятежа, книжки на литовско-жмудскомъ языкѣ въ западныхъ и въ привислянскихъ губерніяхъ печатались польско-латинскими буквами; эти же буквы употребляемы были и въ латышскихъ книжкахъ, назначаемыхъ для

латинией Витебской губерніи. Въ балтійскихъ губерніяхъ употреблялся въ латышскихъ книгахъ только шрифтъ готско-нѣмецкій, которымъ въ Пруссіи печатаются и всѣ вообще литовскія книги. Во время послѣдняго польскаго мятежа, изданъ былъ въ Вильнѣ первый литовскій букварь „Абецеле“ русскими буквами, составленный извѣстнымъ ученымъ литовцемъ, академикомъ Микуцкимъ, и провѣренный нѣсколькими знатоками литовскихъ нарѣчій. Въ концѣ 1864 года, въ Вильнѣ же учебнымъ округомъ изданъ подобный букварь «Бокверіе» и для витебскихъ латышей, состав. Соколовымъ. Составленные по новой системѣ буквари разосланы были въ литовскія и латышскія народныя школы виленскаго учебнаго округа, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ изданій русскими буквами на литовскихъ нарѣчіяхъ. Доселѣ на жмудскомъ языкѣ издано болѣе десятка книгъ по этой системѣ; въ томъ числѣ букварь по методамъ Золотова и Главинскаго, нѣсколько календарей, катихизисъ, евангельскія чтенія, молитвенники и церковные кантычки. Занимается этимъ г. Крочинскій. Для латышей изданы извѣстнымъ латышемъ г. Спрогисомъ календари и собранные имъ „памятники латышскаго народнаго творчества“. Въ виленскомъ учебномъ округѣ вообще русская азбука примѣняется къ литовскимъ нарѣчіямъ систематически, путемъ народныхъ школъ. Главное управленіе краемъ, съ своей стороны, еще во времена К. П. фонъ-Кауфмана, предписало, чтобы впредь всѣ книги на литовскихъ нарѣчіяхъ обязательно печатались въ мѣстныхъ типографіяхъ не иными буквами, какъ только русскими. Съ тѣхъ поръ это дѣло шло безостановочно. Какъ ни протестовали противъ русской азбуки литовскіе ксендзы со своимъ епископомъ, извѣстнымъ г. Волончевскимъ, но ученики народныхъ школъ прекрасно освоивались съ новою азбукою, бойко писали ею свои письма и даже записывали съ голоса литовскія народныя пѣсни. Въ варшавскомъ учебномъ округѣ, для августовскихъ литовцевъ принята таже система. Предѣлы кириллицы явно расширяются на западъ, какъ уже довольно расширились они на востокъ, въ примѣненіи къ сибирско—финскимъ нарѣчіямъ. Балтійскій край доселѣ былъ, однако, закрытъ для доступа русской азбуки въ мѣстныя латышскія изданія. Правда, лѣтъ пять назадъ гг. Пикчь и Шафроновъ напечатали было

въ Петербургѣ латинскій букварь русскою кириллицею; но этотъ опытъ былъ выполненъ довольно мудрено и прошелъ безслѣдно. Изданная теперь Петро-павловскимъ братствомъ «азбука для латышей» есть, такимъ образомъ, первая, собственно въ балтійскомъ краѣ, вышедшая книга, съ латышскими статьями, напечатанными русскимъ алфавитомъ. Въ западномъ краѣ мысль ввести русскую кириллицу, вмѣсто латинской „Абецеде“ возникла изъ политическихъ соображеній, съ цѣлію порвать уложенную связь міровъ: польскаго и литовскаго; но этимъ достигаются также и нѣсколько другихъ цѣлей. Сокращается для латыша время, необходимое на усвоеніе двухъ азбукъ; теперь, изучая одну русскую, онъ, ничего не теряя для латышскаго языка, одновременно пріобрѣтаетъ главное средство къ чтенію русскихъ книгъ столь необходимаго ему нынѣ русскаго языка. Но, кромѣ сбереженія времени, сберегаются также издержки печатанія. Русскія буквы точнѣе соотвѣтствуютъ звукамъ латышскаго языка, нежели азбука нѣмецкая и другія, неимѣющія простыхъ знаковъ для выраженія шипящихъ звуковъ. По разсчету, намъ сдѣланному, 11 строкъ прежняго нѣмецкаго шрифта умѣщаются въ 10 строкъ руской азбуки, и въ такой же мѣрѣ, слѣдовательно, меньше расходъ на печатаніе и дешевле можетъ быть продажная цѣна латышскихъ книгъ. Надобно замѣтить, что точное выраженіе буквами латышскихъ звуковъ еще доселѣ составляетъ вопросъ открытый и рѣшается на разные способы. Извѣстный леттологъ Биленштийнъ придумалъ въ своей грамматикѣ даже цѣлую систему особенныхъ знаковъ въ подмогу буквамъ, а самый шрифтъ для латышскихъ книгъ предлагаетъ круглый латинскій, вмѣсто остраго готическаго. Однако же, при его искуственной системѣ, многія трудности остаются неизмѣнными, главнѣе всего по недостаточности знаковъ въ латинско-нѣмецкой азбукѣ. При такихъ условіяхъ, печатаніе книгъ для балтійскихъ латышей русскими буквами не есть что либо искуственное. Это—лишь новый фазисъ въ развитіи письменной азбуки племени, болѣе прежняго соотвѣтствующій и требованіямъ языка, и нуждамъ современныхъ латышей въ руской грамотности. Желаемъ отъ души, чтобы опытъ, сдѣланный Петропавловскимъ братствомъ, нашелъ подражателей и послѣдователей среди латышей; онъ будетъ, впрочемъ, вполнѣ плодо-

творенъ только въ томъ случаѣ, когда, если не всѣ латышскія книги безъ исключенія, то, по крайней мѣрѣ, значительная масса ихъ, будутъ печататься не готическими нѣмецкими или какими-нибудь иными буквами, а только нашими русскими.

Примѣненіе русской азбуки къ латышскому языку, мы сказали, не должно остановиться на изданіи одного небольшаго букваря; но, чтобы оно сдѣлалось всеобщимъ, для этого необходимы, кажется, нѣкоторыя мѣры. Напередъ можно сказать, что это дѣло встрѣтитъ сопротивленіе въ нѣмецкихъ руководителяхъ существующей балтійско-латышской письменности. Необходимо, слѣдовательно, петропавловскому братству, или кто иной будетъ заниматься этимъ дѣломъ, вступить въ сношеніе съ авторитетами науки—съ нашею академіею наукъ, съ гг. Микуцкимъ, Гильфердингомъ и др. Пусть рѣшатъ критически вопросъ, въ какомъ именно видѣ русская азбука должна быть примѣнена къ латышскимъ звукамъ—въ полномъ ли составѣ буквъ, или съ нѣкоторыми особенными условными знаками, и т. п. Авторитетъ имѣетъ не рѣдко болѣе убѣдительной силы, нежели очевидная польза новаго предпріятія. Затѣмъ необходимо энергически привлечь народную школу къ распространенію въ населеніи новаго латышскаго письма. Въ замѣткѣ объ изданной братствомъ «азбукѣ для латышей» мы указали, что въ западномъ краѣ русская азбука среди литовцевъ распространяется чрезъ народную школу; тѣмъ болѣе это необходимо въ балтійскомъ краѣ, и притомъ до времени только чрезъ православную сельскую школу, пока лютеранскія училища не перешли еще въ вѣдомство учебнаго округа. Священники, завѣдывающіе православными народными школами, разъ на всегда пусть примутъ за правило преподавать ученикамъ латышское чтеніе и письмо по начертанію русскихъ буквъ, допуская существующее готическое письмо только до времени, по мѣрѣ надобности. Та же система должна быть введена и въ рижской учительской семинаріи, находящейся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Будущіе народные латышскіе учители должны вынести изъ семинаріи неискоренимый навыкъ мастерски владѣть русскою грамотою для своего народнаго языка. Нечего говорить, что и въ рижской духовной семинаріи и въ александровской гимназіи въ преподаваніи латышскаго языка осно-

вою долженъ быть также положенъ только русскій алфавитъ. Въ параллель съ этимъ, должно идти изданіе возможно большаго числа книгъ и распространеніе ихъ преимущественно сперва между учащимся поколѣніемъ латышей. О томъ, надобно ли издать для православныхъ школъ хорошую книгу для чтенія, могутъ быть разныя мнѣнія; мы лично склоняемся въ пользу такого изданія. Но спора не можетъ быть о томъ, что безотложно и необходимо напечатать на латышскомъ языкѣ новый завѣтъ, если не всю библію. Доселѣ православные латыши пользуются старымъ лютеранскимъ переводомъ, а кажется давно бы слѣдовало разсмотрѣть его точность, съ православно-догматической точки зрѣнія. Русскими же буквами могутъ быть немедленно отпечатаны всѣ латышскія богослужебныя изданія, назначаемыя преимущественно для духовенства, напр. служебники, октоихи, минеи, псалтирь, часословъ и т. п. Для народнаго употребленія полезно было бы издать тщательно составленный сборникъ церковныхъ гимновъ съ нотами и молитвъ на разные случаи и житейскія потребности. Это принесло бы свою пользу и въ церковномъ отношеніи. Затѣмъ, и рижское, и венденское православные братства, сколько извѣстно, предположили цѣлый рядъ полезныхъ переводовъ съ русскаго на латышскій; всѣ эти книги будутъ, разумѣется, изданы также русскою азбукою. Для поощренія къ тому же частныхъ издателей, можно объявить, отъ имени Петропавловскаго братства, что всѣхъ латышскихъ книгъ, печатаемыхъ кириллицею, будетъ выписываемо братствомъ извѣстное число экземпляровъ, если существующій въ Ригѣ училищный совѣтъ призваетъ ихъ полезными для православныхъ сельскихъ школъ. Управленіе учебнаго округа могло бы, съ своей стороны, также благопріятствовать этому въ своихъ школахъ. Во всякомъ случаѣ, Петропавловскому братству слѣдуетъ войдти въ сношенія не только съ духовенствомъ рижской епархіи, но и съ виленскимъ учебнымъ округомъ, гдѣ новая система латышской грамоты разрѣшила уже на практикѣ много затрудненій, а также и славянскимъ комитетомъ въ Петербургѣ, имѣющимъ даже особенную сумму на изданіе русскими буквами латышскаго евангелія. Введеніе русской азбуки въ латышскую письменность дѣло весьма важное и необходимое. Это не одинъ пустой толкъ,

въ родѣ опыта покойнаго Сенковскаго надъ латинскою азбукою для русскаго языка. То, что обѣщаетъ новую эпоху въ латышской народной жизни, можетъ легко остаться безплоднымъ замысломъ, на посмѣшище недоброжелателямъ, если не повести всего дѣла разумно, систематически и нѣсколькими путями вдругъ. Братство, въ связи съ духовенствомъ, учебнымъ вѣдомствомъ и народными школами, должно, по возможности въ короткое время, пустить въ народный оборотъ порядочную массу книгъ, напечатанныхъ русскими буквами. Иначе какой нибудь тощей азбукѣ не выдержать соперничества съ довольно многочисленными изданіями пасторовъ, школмейстеровъ и прочихъ лицъ, несущихъ въ народъ, вмѣстѣ съ готическою азбукою, и прочіе элементы разобщенія его съ нами. Въ какой формѣ должна быть организованы продажа и сбытъ новыхъ книгъ среди латышскаго населенія, объ этомъ на мѣстѣ судить можно правильнѣе; но такъ называемыхъ церковныхъ складовъ едва ли будетъ достаточно. Кажется, что въ этомъ дѣлѣ необходимо будетъ самое живое и дѣятельное посредничество приходскихъ попечительствъ, устрояемыхъ теперь въ православныхъ приходахъ рижской епархіи.

(*Бирж. Вѣд.*).

Кое-что о холерѣ [1]).

Въ № 6-мъ „Эпидеміологическаго листка,“ издаваемаго медицинскимъ департаментомъ на счетъ холеры говорится слѣдующее. Такъ какъ подъ названіемъ холеры извѣстны двѣ болѣзни, совершенно различныя по отношенію къ состоянію общественнаго здоровья, то необходимо строго различать ихъ одну отъ другой, въ особенности при появленіи первыхъ случаевъ заболѣванія припадками холеры. Принятая въ настоящее время въ наукѣ и врачами номенклатура для различія этихъ двухъ болѣзней сбивчива и часто приводитъ къ недоразумѣ-

---

1) Страшная гостья—холера, быть можетъ собирающаяся съ визитомъ и въ нашу окраину, дѣлаетъ весьма нелишнею помѣщенную здѣсь на счетъ ея выдержку изъ „Эпидемилогическаго Листка“ и „Правительственнаго Вѣстника.“

ніямъ. Для того, чтобы ясно и отчетливо представить себѣ въ чемъ заключается основное различіе между двумя болѣзнями, носящими одно и то же названіе холеры, мы должны стать на историческую почву и смотрѣть съ исторической точки зрѣнія.

Первоначальная болѣзнь, характеризующаяся группой свойственныхъ ей припадковъ (рвотой, поносомъ, судорогами и пр.), была извѣстна въ глубокой древности и уже тогда получила названіе холеры. Она почти всегда обнаруживалась только отдѣльными случаями заболѣваній (спорадически) и весьма рѣдко повально,—въ формѣ эпидемій, которыя, нужно замѣтить, всегда были ограниченны и ничтожны, не смотря на крайне-дурное санитарное состояніе народовъ въ древніе и средніе вѣка и даже въ позднѣйшія столѣтія. Ни однимъ изъ врачей, наблюдавшихъ эту болѣзнь, не было опредѣлено въ ней заразительнаго характера, не было замѣчено, чтобы заболѣвшіе ею становились причиной заболѣванія здоровыхъ. Эпидеміи ея всегда происходили только въ томъ случаѣ, когда представлялась возможность дѣйствовать одному и тому же этіологическому моменту на многихъ лицъ. Такъ, напр., въ описанной Сирлемъ эпидеміи холеры, господствовавшей въ 1829 году въ одной изъ лондонскихъ школъ, причиной ея происхожденія были гнилостныя испаренія отъ очень вонючаго ила, который былъ вырытъ изъ канавы и оставленъ въ саду этой школы. Изъ 30 учениковъ, посѣщавшихъ школу, заболѣло 20 вполнѣ выраженною холерой и двое изъ нихъ умерли. Этотъ примѣръ происхожденія эпидемій холеры прежнихъ временъ очень характеристиченъ. Когда же европейскіе врачи узнали о существованіи въ Индіи болѣзни, тождественной по припадкамъ, то назвали ее точно также холерой, но такъ какъ эта индійская болѣзнь представлялась въ высокой степени заразительною, то, для отличія, ее назвали по мѣстопроисхожденію *азіатской*, а первую стали называть *европейской*, нашей холерой; по наклонности же къ обширному распространенію, азіатскую холеру стали различать подъ названіемъ эпидемической, а европейскую подъ названіемъ спорадической холеры.

Замѣчательно, что послѣ всѣхъ эпидемій азіатской холеры Европа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла освободиться

отъ холерныхъ эпидемій, вспыхивавшихъ то въ той, то въ другой мѣстности. Эти послѣдовательныя эпидеміи нерѣдко теряли ясную генетическую связь съ предшествовавшими пандеміями, теряли, такъ сказать, свою родословную, притомъ часто отличались ограниченностью своего распространенія и слабымъ дѣйствіемъ (смертностью). Такое проявленіе несомнѣнно-азіатской холеры (*по типу распространенія*) подало поводъ нѣкоторымъ врачамъ признавать даже самобытное (аутоптоническое) происхожденіе холеры въ Европѣ и называть ходобныя эпидеміи европейскою холерой или холериной. Тотъ же фактъ, что въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ центра эпидеміи, заболѣванія холерой всегда бывали болѣе рѣдкими и наконецъ встрѣчались только отдѣльными случаями—спорадически, въ свою очередь послужилъ поводомъ отождествлять проявленіе азіатской холеры въ спорадической формѣ съ спорадическою по своей сущности европейскою холерой. Разсматривая съ исторической точки зрѣнія, мы всегда можемъ легко различать эти болѣзни одну отъ другой; постоянное существованіе въ настоящее время холеры въ Персіи, уже сдѣлавшейси тамъ мѣстною (эпидемическою) болѣзнью и проявляющейня то въ видѣ слабыхъ, то въ видѣ болѣе сильныхъ эпидемій, се даетъ намъ права называть эту болѣзнь персидскою холерой, потому что по своей сущности она тождественна съ индійской. Современное состояніе ученія о холерѣ уже позволяетъ намъ избѣгать употребленія сбивчивыхъ терминовъ, дающихъ поводъ смѣшивать форму съ сущностью. Должно считать вполнѣ доказаннымъ, что азіатская или эпидемическая холера обусловливается поступленіемъ въ организмъ особаго *специфическаго* дѣятеля, такъ называемаго холернаго яда, которой развивается по преимуществу въ холерныхъ изверженіяхъ и такимъ образомъ размножается при посредствѣ человѣческаго организма. Поэтому обширность его распространенія обусловливается, съ одной стороны, моментами, благопріятствующими его сохраненію, съ другой—благопріятствующими его поступленію въ организмъ человѣка. Чѣмъ лучше сохраняется холерный ядъ, тѣмъ больше времени онъ имѣетъ возможность отравлять людей; чѣмъ большее число людей отравляется имъ, тѣмъ больше выдѣляется матеріала для его развитія, тѣмъ болѣе обезпеченнымъ

ляется дальнѣйшее существованіе холернаго яда. Факторы же, тъ дѣйствія которыхъ происходитъ заболѣваніе европейскою ли спорадическою холерой, разнообразны, *неспецифичны* и не воспроизводятся заболѣвшимъ организмомъ. На основаніи это-о, вполнѣ раціонально и въ практическомъ отношеніи гораздо лезнѣе первую называть *специфическою* холерой (Cholera spe-fica) а послѣднюю—*неспецифическою* (Cholera non specifica).

Какъ специфическая, такъ и неспецифическая холера вы-жается (подобно другимъ болѣзнямъ) различными степенями болѣванія; на практикѣ обще-принято различать три степени ю: *холеру*, *холерину* и *поносъ*. Очевидно, что *неспеци-фическій поносъ* будетъ нечто иное какъ простой катарръ шекъ, который дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ, бы-етъ обязанъ своимъ происхожденіемъ слабому дѣйствію фак-ровъ, производящихъ при сильномъ дѣйствіи, *неспецифи-скую холерину и холеру*.

Всѣ эти степени заболѣванія специфическими и неспецифи-скими: холерой, холериной и поносомъ могутъ проявляться и только на небольшомъ, весьма ограниченномъ числѣ субъ-ковъ, или на многихъ, т. е. по степени обширности своего спространенія онѣ могутъ выражаться въ двухъ формахъ: *орадической* и *эпидемической*. Въ спорадической формѣ ецифическая холера бываетъ на окраинахъ мѣстностей, пора-нныхъ эпидеміей, въ мѣстностяхъ, почему-либо неблагопріят-хъ для дальнѣйшаго развитія холернаго яда, въ высшихъ яхъ общества и вообще между лицами и обществами, живу-ши въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ, гдѣ вслѣдствіе ого уничтожаются сами собой какъ дальнѣйшее развитіе, такъ дѣйствіе холернаго яда на здоровыхъ субъектовъ. Такое дѣленіе холеры можетъ быть выражено въ слѣдующей та-цѣ:

щее названіе болѣзни:	*По степени заболѣванія:*	*По этіологическимъ моментамъ:*	*По числу заболѣвающихъ.*
Холера:	Холера.	Неспецифическая.	Эпидемическая.
	Холерина.	Специфическая.	Спорадическая.
	Поносъ.		

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самая трудная за-а для врача заключается въ опредѣленіи того, къ какой

категоріи, по этіологическимъ моментамъ, должны быть отнесены первые появившіеся случаи холеры или холерины и иногда поноса: къ специфической или неспецифической холерѣ. Теперь каждому извѣстно, что въ практической важности этого опредѣленія степень болѣзни не имѣетъ никакого значенія Здѣсь вопросъ идетъ не о сохраненіи только жизни заболѣвшаго, а о сохраненіи жизни многихъ, Само собою разумѣется, что каждый образованный врачъ, прежде нежели положительно рѣшить этотъ вопросъ, долженъ смотрѣть на всякія холерныя изверженія, какъ на содержащія элементы для происхожденія специфическаго дѣятеля, и не позволитъ обращаться съ ними небрежно, въ особенности когда заболѣвшій поступаетъ въ общее лѣчебное заведеніе. Для этого въ лѣчебныхъ заведеніяхъ дезинфицирующія вещества должны были бы постоянно находиться въ распоряженіи у врача и употребляться въ необходимыхъ случаяхъ щедро; но на дѣлѣ мы этого нигдѣ не встрѣчаемъ. Наши лѣчебныя заведенія военныя, гражданскія и частныя расходуютъ въ общей сложности большія суммы на усыпаніе дорожекъ пескомъ, но ничего нерасходуютъ на дезинфекцію *несомнѣнно-заразительныхъ* испражненій тифозныхъ, дизентерическихъ, холерныхъ 1) и др. больныхъ, не только посѣщающихъ общія отхожія мѣста, но даже и тѣхъ, которые принуждены испражняться въ палатахъ. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ врачи скоро забываютъ о научной этіологіи и начинаютъ говорить о переходѣ болѣзней въ тифозные и другіе заразительные виды, какъ о нормальномъ и послѣдовательномъ явленіи. Когда же приходится такимъ врачамъ указывать на причины развившейся гдѣ-нибудь страшной болѣзненности и смертности, то они нерѣдко ищутъ ихъ въ такихъ мелочахъ, которыя имѣютъ самое ничтожное значеніе, и не принимаютъ во вниманіе или, лучше сказать, не видятъ, рѣзко бросающихся въ глаза капитальныхъ причинъ, давно признанныхъ наукой и подтвержденныхъ тысячами фактовъ; подобно простонародію, указываютъ бездоказательно на климатическія перемѣны; жарко было—жаръ виноватъ; холодно—холодъ; сыро—сырость; сухо—сухость и т. д. Дѣйствительно, нѣкоторые

1) Когда нѣтъ эпидеміи.

рымъ врачамъ нельзя было не придти къ такому жалкому взгляду на причины болѣзней, когда общество до сихъ поръ старается видѣть во врачахъ ремесленниковъ, умѣющихъ только лѣчить болѣзни, но не хочетъ признать въ нихъ администраторовъ, измѣняющихъ санитарныя условія общественной жизни. Поощряя врачей въ прописываніи рецептовъ, общество старается игнорировать ихъ санитарную, въ сущности административную дѣятельность. Общество только мало по малу начинаетъ сознавать права человѣка на прикосновенность его здоровья, а слѣдовательно и самой жизни, начинаетъ смутно понимать, что посягать на здоровье другаго также несправедливо, какъ и посягать на его собственность, на его капиталъ. Когда этотъ взглядъ достаточно выяснится въ обществѣ, когда значеніе общественнаго здоровья получитъ надлежащую оцѣнку, тогда нисколько не покажется удивительнымъ, если даже въ какомънибудь изъ государствъ будетъ организовано министерство общественнаго здоровья. Въ настоящее же время, когда врачи принуждечы существовать гонораріемъ, получаемымъ *отъ* больныхъ или за больныхъ, у нихъ нѣтъ времени и возможности безплатно трудиться надъ подробнымъ изслѣдованіемъ причинъ заболѣванія и надъ изысканіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ къ устраненію ихъ. Потому пока нельзя не смотрѣть снисходительно, если причины заболѣваній даже холерой часто остаются неизслѣдованными и не тотчасъ прилагаются на дѣлѣ мѣры, служащія къ уничтоженію холернаго яда и предохраненію отъ заболѣванія здоровыхъ.

Въ 219 № Правительственнаго Вѣстника читаемъ:

Вѣ Тифлисѣ теперь холера. Но не всякій знаетъ что болѣзнь эта пришла нынѣ совсѣмъ не такая злая и повальная какъ бывала въ старые годы, однакожъ и теперь надо быть осторожнымъ и знать заранѣе способы какъ уберечь себя отъ холеры, будетъ-ли она злая, или не злая—все равно. Способы тутъ самые простые и, можно сказать, самые лучшіе, потому, что вездѣ гдѣ народъ прибѣгалъ къ нимъ, холера была не очень страшна, и только тѣ заболѣвали и умирали отъ нея, кто или не зналъ этихъ способовъ, или неслушался медиковъ. Вотъ эти способы, предлагаемые докторомъ г. Собольщиковымъ въ Тифлисѣ.

1. Прежде думали что холера скорѣе нападаетъ на тѣхъ кто боится ея. Правда, что отъ страха можно заболѣть и не холерою, можно и съ ума сойти отъ страха; но въ холерѣ страхъ, самъ-по-себѣ, дѣло неважное. Отъ холеры больше умираетъ безстрашныхъ, чѣмъ боязливыхъ, потому что для безстрашныхъ море по колѣно—все ни почемъ, они мало хлопочутъ о своемъ здоровьѣ и позволяютъ себѣ все, что запрещается въ холерное время, а боязливый если и заболѣетъ подчасъ, то развѣ оттого что чрезъ-чуръ остороженъ: мало спитъ, мало ѣстъ, отбивается отъ работы, то и дѣло что уже напередъ глотаетъ безъ нужды какія-нибудь негодныя снадобья, однимъ словомъ—измѣняетъ свою обычную жизнь, а эта перемѣна и бываетъ причиною холеры у людей трусливыхъ. Стало-быть, первое правило не въ томъ, чтобы не бояться холеры: страхъ не въ нашей волѣ, и кто отъ природы трусъ, не станетъ съ разу храбрецомъ, а въ томъ чтобы не отставать отъ обычнаго порядка въ жизни, чтобы всякій кушалъ себѣ на здоровье то, что прежде кушалъ и отбывалъ-бы тѣ ежедневныя работы свои, къ которымъ привыкъ. Разумѣется однако что и въ этомъ надо знать мѣру, потому что объѣдаться и работать, какъ умомъ, такъ и тѣломъ, до устали весьма-вредно не только въ холерное, да и во всякое время. А при этомъ надо знать что несвѣжая и дурная пища можетъ испортить желудокъ и причинить холеру. Поэтому надо беречься лежалаго мяса и рыбы, ржавыхъ балыковъ, промоглаго сыру, прогорклаго масла, перекисшаго молока, несвѣжихъ яицъ, подгнившихъ плодовъ, худо пропеченнаго, или изъ затхлой муки хлѣба и т. п. Слишкомъ жирная пища, если кто не привыкъ къ ней, можетъ растроить желудокъ точно также какъ и неразумное потребленіе плодовъ и сырыхъ огородныхъ овощей. Очень-часто случалось видѣть что люди, наѣвшись вдоволь дынь, огурцовъ и подобныхъ тому овощей, заболѣвали холерою. Но простому народу ни овощи, ни зелень, къ которымъ онъ привыкъ и которыя составляютъ его ежедневную пищу, не могутъ сдѣлать большаго зла, нужно только ѣсть ихъ въ мѣру и не иначе какъ пополамъ съ хлѣбомъ; а для тѣхъ, у которыхъ желудокъ не пріученъ ко всякой всячинѣ, лучше держаться мясной и мучной пищи.

2. Насчетъ же напитковъ опытъ показалъ что во всѣхъ

странахъ гдѣ только бушевала холера, пьяницы первые попадались въ ея руки: она душила ихъ наповалъ какъ мухъ, и рѣдкій пьяница увертывался отъ нея. Однако доброе, не кислое вино, чистая хлѣбная водка, ромъ, хорошій портеръ и пиво, если кто издавна потреблялъ ихъ немного, не только невредны, но и полезны въ холерное время, особливо для тѣхъ кто пьетъ ихъ съ толкомъ, для подкрѣпленія здоровья, а не для того чтобъ шумѣло и вертѣлось въ головѣ и чтобы забывались, хоть на время, всѣ житейскія горести и печали. Но тѣ молодые люди которые незнакомы съ этими напитками пусть лучше не соблазняются ими, а пьютъ чистую свѣжую воду: это лучшій и безвредный напитокъ не только при холерѣ, но и во всѣхъ другихъ болѣзняхъ. Если-же спиртные напитки могутъ приносить какую-нибудь пользу въ холерѣ, то развѣ какъ лѣкарство— т. е., въ то время когда человѣкъ уже заболѣлъ холерою, потому-что они согрѣваютъ тѣло и понуждаютъ кровь живѣе течь по жиламъ, не застаиваясь гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ.

3. Опытомъ доказано что холера зачастую бываетъ отъ простуды; по этому въ холерное время, смотря по погодѣ, надо одѣваться теплѣе, не оставаться по ночамъ на галлереяхъ, или въ садахъ, внѣ дома, не спать подъ открытымъ небомъ или въ комнатахъ съ открытыми окнами, даже и тогда, когда погода стоитъ вообще не холодная. Кромѣ того, надо беречься сквознаго вѣтра и холоднаго питья, особливо когда тѣло горячо и въ поту—напримѣръ, послѣ скорой ходьбы, или послѣ бани. Опасно также не привычному человѣку оставаться долго въ мокромъ бѣльѣ и промоченной обуви; если нельзя перемѣнить бѣлья, то нужно пока накинуть сверху какую-нибуть теплую одежду, а не сидѣть на распашку, пока бѣлье не высохнетъ на плечахъ. Какъ-разъ можно простудиться и тому, кто сидитъ подъ тѣнью на травѣ, или лежитъ на ней, какъ часто случается, на животѣ. Очень-важно при холерѣ беречь отъ простуды животъ, и для этого надо носить либо широкій шерстяной поясъ, либо суконный набрюшникъ на животѣ, для чего можетъ пригодиться каждый башлыкъ. А когда, случаемъ, простудишься, то надо стараться поскорѣй согрѣть тѣло, чтобы выступилъ потъ. Для этого хорошо подержать ноги въ горячей водѣ, послѣ того лечь въ постель, потеплѣе укрыться, натереть все тѣло теплой

водкой и выпить стакана два-три горячаго чаю, а коли нѣтъ чаю, то хоть горячей воды съ виномъ.

4. Еще замѣчено, не только на Кавказѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ, что всего чаще умираютъ отъ холеры тѣ люди которые живутъ нечисто, не обметаютъ своихъ жилищъ и дворовъ отъ всякой гнилости и вони—значитъ, день и ночь дышатъ не чистымъ воздухомъ. Чтобы уберечь такихъ людей отъ холеры, ни начальство, ни врачи не имѣютъ достаточныхъ способовъ: надобно чтобы всякій зналъ самъ что нечистота и дурной воздухъ и есть одна изъ самыхъ главныхъ причинъ умноженія холерныхъ больныхъ; значитъ чтобы всякій заботился о самомъ себѣ и по силамъ своимъ уничтожалъ-бы эти причины вокругъ себя. Поэтому необходимо чтобы каждый домовладѣлецъ, каждый отецъ семейства, или старшій въ домѣ берегли своихъ домашнихъ и строго смотрѣли чтобы жилища ихъ, особливо такія гдѣ помѣщается много народа, были ежедневно провѣтриваемы, но только безъ сквознаго вѣтра, чтобы ни въ жилищахъ, ни на дворахъ не скоплялись какія-бы то ни было нечистоты, а вывозились подальше за городъ или сожигались въ мѣстахъ какія укажетъ полиція; жидкія-же нечистоты, которыя вывозить трудно, а выбрасывать на улицу не слѣдуетъ—примѣрно, помои изъ кухонь и прачешень—сливались-бы въ помойныя ямы, или въ отхожія мѣста. Для уничтоженія вони изъ этихъ ямъ и отхожихъ мѣстъ хорошимъ средствомъ считается негашенная извѣсть, а еще лучше желѣзный купоросъ котораго одна часть, по вѣсу, растворяется въ трехъ частяхъ воды (1 пудъ на четыре ведра воды), и растворъ этотъ вливается въ отхожее мѣсто и размѣшивается съ нечистотами посредствомъ длиннаго шеста. Одного пуда купороса достаточно для очищенія обыкновенной ямы, гдѣ, положимъ, будетъ до 50-ти пудовъ нечистотъ. Надо знать что въ холерное время и чистота тѣла, и чистота бѣлья на тѣлѣ, очень важная вещь, поэтому полезно еженедѣльно, или, по-крайней-мѣрѣ, раза два въ мѣсяцъ, обмывать все тѣло теплой водой съ мыломъ, и не носить очень-долго грязнаго, засаленнаго бѣлья. Оставаться-же по нѣскольку часовъ сряду въ нашихъ теплосѣрныхъ баняхъ, какъ это за частую дѣлаютъ многіе туземцы, а особенно туземки, положительно вредно, потому что долгое купанье въ горячей водѣ и дыханіе сѣрнистымъ воздухомъ разслабляютъ тѣло.

5. Холера рѣдко нападаетъ на человѣка съ разу: она всегда, или почти всегда, даетъ о себѣ знать заранѣе, и у тѣхъ людей которымъ придется заболѣть холерою уже за нѣсколько дней появляется поносъ который не слишкомъ безпокоитъ больнаго. Поэтому многіе, особенно простые люди, думаютъ что это такъ себѣ—поносъ пройдетъ, и не лечатся отъ него; а поносъ этотъ въ холерное время и есть настоящая холера, да только въ началѣ, значитъ слабая, которую нетрудно вылѣчить, и избавить больнаго отъ той страшной холеры, что явится послѣ, со рвотою и корчами, и которая неизвѣстно чѣмъ можетъ кончиться... Вотъ это-то обстоятельство и должны знать всѣ, чтобы всякій, у кого въ холерное время покажется поносъ, не пропускалъ даромъ ни минуты, но обратился-бы къ какому-нибудь доктору, а не найдетъ скоро доктора, то прямо въ аптеку, гдѣ уже заранѣе приказано какое отпускать лѣкарство противъ поноса и какъ давать больнымъ это лѣкарство. Такъ-какъ изъ этого видно, что поносъ въ холерное время, отъ какой-бы причины ни случился, есть болѣзнь нешуточная, то само собой разумѣется что въ это время не только не должно принимать никакихъ слабительныхъ, но надо даже остерегаться той пищи и питья отъ которыхъ слабитъ, какъ это должно быть извѣстно всякому по опыту.

6. Если же кто нибудь заболѣетъ чистою холерой, со рвотою и корчами, то пока придетъ докторъ, могутъ и домашніе сколько нибудь помочь больному. И это очень простое дѣло. Тутъ надо, не теряя ни минуты, поставить на животъ и подъ ложечку большой горчичникъ или приложить свѣжаго тертаго хрѣну или чесноку. Хорошо также растирать подъ ложечкой водкою, настоенною на обыкновенномъ стручковомъ перцѣ, или крѣпкимъ нашатырнымъ спиртомъ, пока или пузыри не вскочатъ, или больной не станетъ жаловаться на нестерпимую жгучую боль. Въ одно и то же время надо напоить больнаго чаемъ изъ мяты, мелисы или обыкновеннымъ чаемъ, съ прибавкой вина, или рому, либо простой водки, а когда нельзя скоро приготовить чаю, то давать каждые четверть часа по 10 или 15 мятныхъ капель съ водою или виномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растирать руки и ноги суконкой или щеткой, и разминать ихъ, какъ это дѣлаютъ баньщики въ туземныхъ баняхъ. Какъ только покажется потъ, тотчасъ

укрыть и укутать больнаго одѣялами—чѣмъ теплѣе, тѣмъ лучше. Тутъ полезна и теплая ванна. Она скоро унимаетъ корчи, но на потъ дѣйствуетъ мало; чтобъ больной вспотѣлъ, можно устроить на скорую руку паровую ванну. Для этого раскаливаютъ чугунную гирю, корпичи или камни, кладутъ ихъ въ тазъ или глиняную чашку, и ставятъ осторожно подъ одѣяло, коимъ укрытъ больной; одѣяло у ногъ больнаго можно приподнять маленькой скамейкой или половинками обруча, поставленными ребромъ: потомъ эти раскаленныя вещи обливаютъ понемногу водою, скопившійся отъ этого теплый паръ подъ одѣяломъ согрѣетъ больнаго, и чрезъ нѣсколько минутъ заставитъ его потѣть, если еще есть къ тому возможность. А когда холерные припадки пройдутъ, больной успокоится и станетъ попровляться, тогда все таки еще надо зорко беречь его: не давать ему холодной воды и тяжелой пищи; а то болѣзнь легко можетъ опять вернуться.

7. Теперь уже всякій знаетъ что холера отъ человѣка къ человѣку не пристаетъ, что причина ея въ воздухѣ, и потому никто не бросаетъ больныхъ на произволъ судьбы, а всякій ухаживаетъ и помогаетъ имъ; но все же таки надо помнить что все жидкое, чѣмъ холерныхъ рветъ и слабитъ, можетъ портить воздухъ, такъ какъ портитъ его всякая нечисть, переходящая въ гниль; поэтому всѣ эти житкія нечистоты больнаго слѣдуетъ тотчасъ же выносить изъ жилья и выливать не въ отхожее мѣсто, а въ отдѣльно выкопанныя ямы (которыя должны потомъ быть зарываемы), смѣшавъ нечистоты съ растворомъ желѣзнаго купороса или съ негашеною извѣсткою, а замаранныя ими бѣлье и тряпье вымачивать въ щелокѣ, или, лучше въ растворѣ желѣзнаго купороса, или хлористой извести изъ аптеки, и затѣмъ хорошенько вымывать. Нужно твердо помнить что въ этихъ то испражненіяхъ и держится холерный ядъ который можетъ заражать и другихъ. По той же самой причинѣ, и умершихъ въ холерное время не надо долго держать въ домѣ, а скорѣе выносить въ часовню, на кладбище, или на время помѣщать ихъ въ сараѣ, или въ какомъ нибудь чуланѣ. Въ заключеніе этихъ наставленій надобно сказать что вездѣ, гдѣ народъ выполнялъ это, холера была не страшна, припадки ея были легкія, и изъ числа заболѣвшихъ умерло очень немного.

(Грод. Губ. Вѣд.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПОДПИСКА
на
„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
въ 1871 году.

„Виленскій Вѣстникъ" будетъ выходить въ слѣдующемъ 1871 году по той же программѣ, какъ и теперь, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	без пересылки и доставки.		съ пересылкою и доставкою.
На годъ.	8 руб.	.....	10 р. [1]).
— полгода.	4 —	....	5 — [2]).
— три мѣсяца.	2 — 40 к.	....	3 — [3]).
— одинъ мѣсяцъ „	80 к.	....	1 — [4]).

Подписка принимается: въ Вильнѣ въ которѣ редакціи „Виленскаго Вѣстника", на углу Погулянки и Завальной улицы, въ домѣ г-жи Диоховской; ве С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхинай № 30; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ въ провинціяхъ.

---

1) Въ томъ числѣ за укупорку	40 к.;	за пересылку	1 р. 60 к.
2) — — — — —	20 „	— —	80 „
3) — — — — —	10 „	— —	50 „
4) — — — — —	4 „	— —	16 „

СБОРНИКЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ВОДВОРЕНІЮ РУССКИХЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(Напечатанъ по распоряженію виленскаго, ковенскаго, гродненскаго и минскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Потапова). Вильна, 1870 года. Въ типографіи штаба Виленскаго военнаго округа

Книга эта, о важномъ значеніи которой для всѣхъ, по чему бы то ни было, интересующихся дѣломъ водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо - западномъ краѣ, мы надѣемся представить особую замѣтку, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе четыре отдѣла; 1) Постановленія, относящіяся до секвестрованныхъ и конфискованныхъ имуществъ лицъ, причастныхъ къ мятежу 1863 г. 3) Постановленія, относящіяся до запрещенія пріобрѣтать поземельную собственность. въ Сѣверо-западномъ краѣ. 3) Постановленія, относящіяся до продажи имѣній владѣльцевъ польскаго происхожденія въ Сѣверо-западномъ краѣ. и 4) Постановленія, относящіяся до пріобрѣтенія поземельной собственности въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Считаемъ нужнымъ привести также, для нѣкотораго ознакомленія съ содержаніемъ книги, перечень предметовъ, заключающихся въ каждомъ изъ вышеназванныхъ отдѣловъ.

Въ *первомъ* отдѣлѣ заключаются: а) распоряженія по секвестру и конфискаціи имуществъ; б) распоряженія, относящіяся до арендваго содержанія казенныхъ фермъ и оброчныхъ статей, секвестрованныхъ и конфискованныхъ имѣній; в) распоряженія, касающіяся до долговыхъ претензій, предъявленныхъ владѣльцамъ секвестрованныхъ и конфискованныхъ имѣній; и г) распоряженія, касающіяся поіезуитскихъ имѣній. — Во *второмъ:* а) постановленія, касающіяся лицъ польскаго происхожденія; и б) постановленія, касающіяся евреевъ.—Въ *третьемъ:* а) о продажѣ имѣній за долги и по частнымъ сдѣлкамъ; б) объ обязательной продажѣ имѣній лицъ, высланныхъ изъ Западнаго края

за участіе въ мятежѣ 1863 г.—Въ *четвертомъ:* а) распоряженія, относящіяся до права пріобрѣтать поземельную собственность въ Западныхъ губерніяхъ; б) о льготахъ, преимуществахъ и ссудахъ, предоставляемыхъ при покупкѣ имѣній въ Западныхъ губерніяхъ; в) о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія; г) о поселенцахъ русскаго происхожденія; д) о пріобрѣтеніи поземельной собственности крестьянами въ Сѣверо-западномъ краѣ; и е) о ссудахъ бывшаго товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ и общества взаимнаго поземельнаго кредита.

„Сборникъ", изданный на хорошей бумагѣ, четкимъ, убористымъ шрифтомъ, и заключающій въ себѣ всего 364 страницы, стоитъ *1 рубль* а) *съ пересылкою 1 р. 25 коп.*) и продается въ конторѣ редакціи „Виленскаго Вѣстника".

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ требованіями исключительно въ *контору „Виленскаго Вѣстника", въ Вильнѣ.* (Виленс. Вѣст.),

---

ОБЪ ИЗДАНІИ

ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ

въ 1871 году.

Не считаемъ нужнымъ повторять программу, по которой *Домашняя Бесѣда* выходила и выходитъ въ истекающемъ году: скажемъ только, что мы всѣми силами, на сколько то позволялъ объемъ нашего изданія, старались осуществить ее, имѣя только двухъ постоянныхъ сотрудниковъ, изъ коихъ считаемъ себя въ правѣ поименовать лишь одного, доктора медицины А. И. Аскоченскаго; другой же, которому принадлежатъ передовыя статьи въ *Домашней Бесѣдѣ,* по скромности своей, желаетъ остаться неизвѣстнымъ. За тѣмъ, вся работа по журналу лежала и лежитъ исключительно на редакторѣ-издателѣ; и потому, принимая на себя полную отвѣтственность за всѣ недостатки и несовершенства своего посильнаго дѣланія, онъ обра-

щается къ благосклоннымъ читателямъ своимъ съ словами древняго лѣтописца: „отцы и братія! оже писахъ, али не дописахъ, али переписахъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените!“ *Домашняя Бесѣда*, если Богъ благословитъ и люди православные поддержатъ, будетъ продолжаться и въ будущемъ 1871 году, на тѣхъ же условіяхъ и по той же програмѣ.

Хоть подписка и будетъ приниматься въ теченіи всего будущаго года, но Редакція покорнѣйше проситъ желающихъ получать *Домашнюю Бесѣду* заявлять свои требованія заблаговременно, не позже мѣсяца декабря текущаго года, такъ какъ неизвѣстность числа подписчиковъ ведетъ за собою невознаградимый ущербъ по изданію.

Книгопродавцы, какъ столичные, такъ и провинціальные, которые пожелаютъ принимать у себя подписку на *Домашнюю Бесѣду*, пользуются *пятнадцатью* коп. съ экземпляра, и пересылаютъ остальную сумму на счетъ Редакціи.

Иногородніе подписчики, высылающіе, вмѣсто назначенныхъ *пяти* рублей *пятнадцати* коп.—ровно *шесть* рублей, благоволятъ за остальные 85 коп. требовать отъ Редакціи, по своему выбору, слѣдующія сочиненія:

Исторію Кіевской Академіи—одинъ экз.
Басни В. Незамая—одинъ экз.
Драму: Марѳа посадница, одинъ экз.
Чтеніе для православнаго народа—четыре экз.
Письма съ того свѣта пять экз.

Редакторъ-Издатель *Викторъ Аскоченскій*.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“ въ 1871 году.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, издаваемый по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1871 году, и начнетъ съ 1-го января двѣнадцатый свой годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль—способ-

ствовать пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; посему и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по тойже программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался донынѣ.

Подписная цѣна на мѣстѣ четыре рубля, съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи *пять рублей.*

Въ редакціи имѣются экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей „за 1861, 1863, 1864, 1765 и 1870 годы. Желающіе могутъ пріобрѣтать оные, въ бумажномъ переплетѣ по обыкновенной цѣнѣ—*пять рублей съ пересылкою.*

Продаются книги: 1) „*Законныя требованія новыхъ судебныхъ установленій въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія*“. Цѣна 60 коп. съ пересылкою и 2) „*Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковнослужителей.*“ Цѣна 35 коп. съ пересылкою.

Печатается и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу подробный „*Указатель*“ безмездно.

Съ требованіями на журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ и на вышеозначенныя книги слѣдуетъ адресоваться такъ: *Въ Кіевъ. Въ редакцію Руководства для сельскихъ пастырей.*

Редакція „Рук. для сел. паст.“, во избѣжаніе излишней переписки, объявляетъ, что она и въ слѣд. (1871) году будетъ высылать свой журналъ, въ обмѣнъ, тѣмъ редакціямъ, съ которыми этотъ обмѣнъ производится въ нынѣшнемъ году.

———

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ",

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

Объ изданіи въ 1871 году.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Биржевыя Вѣдомости" въ 1871 году будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ издаются нынѣ, т. е. ежедневно, не исключая и дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большаго формата. Равным образомъ сроки выхода газеты въ листовомъ и двухлистовом объемѣ останутся прежніе. Всѣхъ листовъ въ теченіе год выйдетъ болѣе 500. Кромѣ того, для столичныхъ подписчиковъ будутъ выходить ежедневно, кромѣ праздниковъ и дне слѣдующихъ зя праздниками, вечернія прибавленія къ *„Биржевымъ Вѣдомостямъ"*, въ которыхъ будутъ печататься телеграммы и важнѣйшія новости, полученныя утромъ. Содержаніе этихъ прибавленій будетъ помѣщаемо въ слѣдующемъ утреннемъ изданіи *„Биржевыхъ Вѣдомостей"*.

Съ 1-го января 1871 года *„Биржевыя Вѣдомости"* будутъ печататься *совершенно новымъ*, болѣе крупнымъ, убористымъ и четкимъ шрифтомъ.

Каждый нумеръ *„Биржевыхъ Вѣдомостей"* будетъ сылаться во всѣ города Россіи (съ доставкою на домъ, мѣсту жительства подписчика) и за границу, въ бандерол съ печатнымъ адресомъ каждаго подписчика.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна газеты въ 1871 году:

	Безъ доставки.	Съ доставкою два раза въ день, въ С.-Петербургѣ.	Съ пересы ежедневно почтѣ ино родным
На годъ	15 р. 27 к.	18 р.	20 р.
„ 6 мѣс.	8 „ 47 „	10 „	11 „
„ 3 мѣс.	4 „ 65 „	5 „ 50 к.	6 „
„ 1 мѣс.	1 „ 76 „	2 „	2 „ 25

Подписка открыта въ главной конторѣ *„Биржевыхъ Вѣдомостей"* въ С.-Петербургѣ, на углу Гороховой и Малой Морской, въ домѣ Татищевой, и въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Заржскаго).

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія *заблаговременно*, чтобы не испытать медлянго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы, ясно написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства, и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ и издатель *К. Трубниковъ*.

ПОДПИСКА
на 1871 годъ.

„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА"

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Вслѣдствіе желанія гг. подписчиковъ, „Вечерняя Газета" 1 января 1871 года будетъ выходить ежедневно, не исключая дней, слѣдующихъ за праздниками. Всѣхъ нумеровъ въ теченіи года выйдетъ 350. Въ дни, слѣдующіе за праздниками „Вечерняя Газета" будетъ выходить въ полулистовомъ форматѣ, а въ остальные дни, какъ и въ нынѣшнемъ году, въ листовомъ форматѣ. Съ 1 января 1871 года „Вечерняя Газета" будетъ посылаться во всѣ города Россіи (съ доставкою на домъ, на мѣстѣ жительства подписчика) и за границу, въ бандероляхъ съ печатнымъ адресомъ каждаго подписчика.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Вечерней Газеты" въ С-Петербургѣ, на углу Гороховой и малой Морской, въ домѣ Татищевой, и въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ д. Загряжскаго).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1871 ГОДЪ СЛѢДУЮЩАЯ:

	Безъ пересылки и доставки.	Съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою.
на годъ	6 р. — к.	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	3 „ 25 „	4 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	1 „ 70 „	2 „ 25 „
„ 1 мѣсяцъ.	65 „	85 „

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія *заблаговременно*, чтобы не испытать поздняго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы, четко писанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства, и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ и издатель *К. Трубниковъ.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА
ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ
ВЪ 1871 ГОДУ.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при казанской духовной академіи, по распоряженію Святѣйшаго Сvнода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходя-

щій ежемѣсячно по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1871 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

Православный Собесѣдникъ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ *приложеній*, а вторая— *преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно *Православный Собесѣдникъ*.

Въ первой половинѣ, составляющей *приложенія* къ Православному Собесѣднику, будутъ помѣщаемы:

1) Дѣянія (акты) вселенскихъ соборовъ, *въ русскомъ переводѣ*, въ полномъ ихъ составѣ (VI всел. соборъ).

2) Толкованіе блаж. Θеофилакта, архіепископа болгарскаго, на книгу Дѣяній апостольскихъ, *въ русскомъ переводѣ*.

3) Памятники древне-русской духовной письменности (окончаніе «Проскинитарія» *Арсенія Суханова* и др.).

Каждое изъ упомянутыхъ приложеній, по окончаніи, составитъ особую книгу, съ особымъ—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Примѣчаніе. Чтобы не раздроблять означенныя *приложенія* къ Православному Собесѣднику на мелкія части для помѣщенія всѣхъ ихъ въ каждой книжкѣ, но давать читателямъ болѣе цѣлостное чтеніе, помѣщается въ каждой книжкѣ по одному приложенію изъ означенныхъ выше, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ, такъ: въ одной напр. книжкѣ—«Дѣянія вселенскихъ соборовъ», въ другой—«Толкованіе бл. Θеофилакта», и такъ далѣе.

Во второй половинѣ, собственно въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, будутъ помѣщаться статьи:

1) Догматическаго содержанія,
2) Нравственнаго содержанія,
3) Истолковательнаго содержанія,

4) Церковно исторического содержанія,

5) Другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденно[й] прежде святѣйшимъ Сунодомъ программѣ *Православнаго Собесѣдника,* статьи духовнаго содержанія,

6) Журналы совѣта казанской духовной академіи, впол[нѣ] или въ извлеченіи.

Примѣчаніе. При обширности этой программы *Православ[]наго Собесѣдника,* и по небольшому объему книжекъ его, [] всѣ означенные здѣсь отдѣлы входятъ въ каждую книжку, но в[ъ] одной помѣщаются статьи по однимъ отдѣламъ, въ другой— по другимъ, и такъ далѣе.

Изъ двѣнадцати книжекъ этой второй половины журнала, по окончаніи года, составится *три* тома *Православнаго Собесѣдника,* отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, с[ъ] особыми—заглавными листами, счетомъ страницъ и оглавленія[ми].

Цѣна за полное годовое изданіе *Православнаго Собесѣдника* на 1871 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, несмотр[я] на увеличеніе платы за почтовую пересылку противъ прежних[ъ] годовъ, остается прежняя: *съ доставкою на дома по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—*

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.*

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 кода при «Православномъ Собесѣдникѣ» издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ *«Извѣстія по казанской епархіи»,* которыя будутъ выходить и въ 1871 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна *«Извѣстій»* для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій*

и *другихъ вѣдомствъ:* а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» *четыре* руб., б) а для выписывающихъ и «Православный Собесѣдникъ» *три* руб. (всего за два изданія *десять* руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ редакціи Православнаго Собесѣдника.*

Содержаніе 9-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 1870 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**